СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

40

ТОМЪ СОРОКОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1845.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XL.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

ТОМЪ СОРОКОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1845.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National. 1055 Berlin
Ag 509/271 69 – 2158

ШЛОССЕРЪ.

Соч. Генриха Вуттке *.

Фридрихъ Христофъ Шлоссеръ родился 17-го Ноября 1776 г. въ Сѣверной Германіи, въ городкѣ Ильверѣ, недалеко отъ Сѣвернаго моря. Еще въ ребенкѣ замѣтили склонность къ уединенію, а извѣстно, что уединеніе обыкновенно пробуждаетъ охоту къ чтенію. То же было и съ Шлоссеромъ. Съ жадностью читалъ онъ все, что могъ получить изъ обыкновенныхъ библіотекъ для чтенія, а равнымъ образомъ и тѣ назидательныя дѣтскія книги, которыя издавала новая педагогическая школа, въ то время появившаяся въ Германіи. Но въ скоромъ времени это безотчетное чтеніе возбудило въ немъ желаніе заняться всѣми науками, потому-что онъ не довольствовался тѣми крохами знанія, которыя удѣляли ему учители. Шлоссеръ мало заботился о томъ, найдетъ ли онъ себѣ въ свѣтѣ кусокъ хлѣба, хотя положеніе его не было обезпечено, такъ-какъ ихъ многочисленное семейство находилось въ разстроенныхъ обстоятельствахъ. Ни суетность, ни честолюбіе не мучили его твердой души: онъ единственно думалъ о томъ, какъ бы удовлетворить жаждѣ знанія и образовать себя. Не заботясь о мимолетной славѣ, столь замани-

* Авторъ превосходной *Исторіи завоеванія Силезіи Фридрихомъ Великимъ*.

чивой для другихъ, онъ сберегъ свои умственныя силы, столь безвозвратно другими расточаемыя.

Одно желаніе занимало въ то время Шлоссера: онъ хотѣлъ жить безъ покровителей, въ совершенной независимости; гордость матери перешла къ сыну. По-этому онъ посвятилъ себя изученію богословія, для чего и отправился въ 1794 г. въ Гёттингенъ. Онъ думалъ, что мѣсто сельскаго священника доставитъ ему независимое въ свѣтѣ положеніе и время для собственныхъ занятій. Окончивъ академическій курсъ, продолжавшійся три года, онъ нѣсколько лѣтъ жилъ домашнимъ учителемъ въ различныхъ семействахъ и наконецъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Все свое время онъ посвящалъ педагогіи и собственнымъ занятіямъ, обнимавшимъ всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія. Преимущественно занимался онъ тогда Французскими философами XVIII столѣтія, отцами Церкви, классиками и въ особенности Ѳукидидомъ. Въ 1807 г. Шлоссеръ въ первый разъ вступилъ на литературное поприще съ знаменитымъ сочиненіемъ своимъ: «*Абеларъ и Дульцинъ. Жизнь и мнѣнія мечтателя и философа*». Съ этаго времени главнымъ предметомъ его занятій сдѣлалась Исторія. Рано обнаружилась въ немъ сильная наклонность къ ироніи и скептицизму. Это отрицательное направленіе сохранилось въ немъ и послѣ, хотя въ 1810 г. и произошелъ новый переворотъ въ его внутренней жизни. «Мнѣ предстала новая сторона человѣческой жизни (раскасываетъ онъ самъ); я пересталъ сомнѣваться во всемъ истинно-

человѣческомъ. Въ общественной жизни узналъ я благородство человѣческой души, въ которое не вѣрилъ, думая, что оно существуетъ только въ поэзіи. Идеальныя мечты моей юности о дружбѣ и истинной жизни не являлись мнѣ болѣе чѣмъ-то безумнымъ: въ сердцѣ моемъ почувствовалъ я новое мужество для борьбы съ подлостью. Я былъ посвященъ въ невѣдомыя толпѣ таинства прекрасныхъ душъ и научился стыдиться самаго себя».

Въ послѣдствіи Шлоссеръ принялъ мѣсто учителя сперва въ одной школѣ, потомъ во Франкфуртскомъ Лицеѣ и наконецъ сдѣланъ былъ городовымъ библіотекаремъ. Три раза отклонялъ онъ предложенія Университетовъ Гейдельбергскаго, Іенскаго и Марбургскаго; наконецъ въ 1817 г. заступилъ онъ въ Гейдельбергѣ мѣсто профессора Вилькена, извѣстнаго историка Крестовыхъ походовъ, переселившагося въ Берлинъ. Съ тѣхъ поръ дѣйствуетъ онъ на академическомъ поприщѣ около 30 лѣтъ. Благороднѣйшіе юноши изъ всѣхъ сторонъ Германіи слушали его. Онъ знакомилъ ихъ съ Исторіей. Изъ его словъ извлекали они воззрѣнія на жизнь; изъ его образа мыслей новыя силы для будущаго поприща. Авторъ этой статьи не имѣлъ счастія быть его ученикомъ, но лѣтомъ 1842 г. онъ присутствовалъ на одной лекціи Шлоссера объ Исторіи Англіи—и былъ изумленъ удивительнымъ обзоромъ всѣхъ происшествій, ясностью взгляда, полнотою выраженія и тою теплотой твердаго убѣжденія, которая оставляетъ неизгладимые слѣды въ

душѣ слушателя. Шлоссеръ пріобрѣлъ также большое вліяніе на ученую публику своими критическими статьями о Гейдельбергскихъ лѣтописяхъ литературы. Въ нихъ онъ явился непоколебимымъ защитникомъ истины противъ лжи и неестественности, сентеминтальности и аффектаціи, въ какихъ бы видахъ онѣ ни проявлялись.

Эта чрезмѣрная дѣятельность, имѣющая несомнѣнное право на всеобщее уваженіе, не всѣми была признана. Мансо, одинъ изъ величайшихъ Нѣмецкихъ историковъ, писалъ о Шлоссерѣ въ 1824-мъ году: «Я обязанъ Шлоссеру многими указаніями и полезными намеками; многіе вѣроятно обязаны ему тѣмъ же въ другихъ частяхъ Исторіи. Дѣйствительное признаніе заслугъ можетъ вознаградить Шлоссера вполнѣ за молчаніе, которое до сихъ поръ хранитъ о его Всеобщей Исторіи большая часть нашихъ литературныхъ журналовъ». Эти слова справедливы еще и теперь, по истеченіи двадцати лѣтъ. У Шлоссера нѣтъ партіи пріятелей, которая бы его выхваляла; нѣтъ корыстолюбиваго издателя, который его прославлялъ бы въ дюжинѣ издаваемыхъ имъ журналовъ. Но у него есть враги, которымъ невыносимы его откровенность и неуваженіе ко всему неистинному. Его «*Исторія XVIII-го столѣтія*» была огромнымъ камнемъ преткновенія для тѣхъ, кто болѣе любитъ мракъ, нежели свѣтъ. Она появилась уже въ нѣсколькихъ изданіяхъ, проникла даже въ тѣ слои общества, гдѣ не думаютъ объ Исторіи и переведена на Французскій, Англійскій и Голланд-

скій языки. Желая ознакомить читателей съ характеристическими чертами исторіографическаго воззрѣнія Шлоссера и съ главнѣйшими достоинствами его историческихъ трудовъ, мы будемъ обращать преимущественное вниманіе на это сочиненіе, какъ на главнѣйшій результатъ всей литературной дѣятельности Шлоссера.

Во-первыхъ, Шлоссеръ строго порицаетъ современную исторіографію. Высказывая столь ясно эту истину, мы сами подвергаемъ себя справедливому и строгому приговору его суда. Дѣйствительно, большая часть Нѣмецкихъ историческихъ сочиненій, особенно касающихся новѣйшихъ временъ, носитъ характеръ *панегириковъ*. Нѣмецкіе историки, по разнымъ причинамъ, стараются скрыть существеннѣйшій элементъ новѣйшаго времени — идею прогресса въ общественныхъ формахъ. Ясно, что это дѣло или самообольщенія, или обдуманнаго обмана. Правда, есть еще много безпристрастныхъ изслѣдователей истины, каковы Кортюмъ, Бензенъ, Арндъ, Дальманъ и нѣкоторые другіе; но мы говоримъ о большинствѣ, которое часто вовсе уничтожаетъ всѣ оттѣнки въ литературѣ. Вотъ источникъ самаго мелочнаго изложенія ничтожнѣйшихъ происшествій и вялости большей части Нѣмецкихъ историческихъ сочиненій. Въ нихъ дѣло является совершенно въ ложномъ свѣтѣ, потому-что выпущена изъ виду важнѣйшая сторона общественной жизни. Эти писатели, самопроизвольно утаивая прогрессъ нашего времени, лгутъ, или обезображиваютъ истину. Мелкіе книгодѣлате-

ли, которыми такъ изобилуетъ Германія, выписываютъ изъ большихъ твореній вышеозначенныхъ исторіографовъ и, увлеченные этими образцами, обработываютъ исторію въ томъ же духѣ. Историческій матерьялъ, подвергнутый такимъ образомъ двоякому или троякому пересмотру, наконецъ переходитъ въ учебныя и народныя книги. Въ нихъ онъ тщательно очищается отъ всего, что добросовѣстность перваго историка, писавшаго по источникамъ, оставила живаго въ исторіи. И-такъ, чѣмъ болѣе удаляется масса читателей отъ сочиненій, вышедшихъ изъ первыхъ рукъ, тѣмъ болѣе обманывается.

Въ эту эпоху искаженія историческихъ фактовъ новѣйшаго времени явился Шлоссеръ съ своимъ великимъ твореніемъ и, раскрывъ предъ нами результаты долголѣтнихъ изысканій, высказалъ полную истину. Прочтите его *Исторію XVIII-го столѣтія* — и вы изумитесь.

Историкъ, который дорожитъ своею наукою, долженъ задать себѣ великую задачу — всѣ части Исторіи, всѣ отношенія давно-прошедшихъ временъ познать изъ собственнаго созерцанія, т. е. изъ непосредственнаго изученія источниковъ. Хотя еще ни одинъ историкъ не разрѣшилъ этой необъятной задачи, однако Германія можетъ гордиться человѣкомъ, который нѣкоторымъ образомъ приблизился къ ея разрѣшенію: это Шлоссеръ. Удивительно-обширное знаніе источниковъ — вотъ вторая причина многозначительности его сочиненій. Даже въ тѣхъ частяхъ исторіи, гдѣ онъ не могъ черпать изъ

источниковъ (напр. въ исторіи Востока), онъ совершилъ все, возможное при нынѣшнемъ состояніи науки. До исхода Среднихъ вѣковъ всѣ главныя происшествія Шлоссеръ изобразилъ по достовѣрнѣйшимъ источникамъ; въ исторіи новѣйшихъ временъ представилъ онъ каждый фактъ изъ непосредственныхъ свидѣтельствъ. Всѣ результаты долголѣтней жизни, посвященной изученію исторіи, Шлоссеръ изложилъ въ *Исторіи XVIII-го столѣтія.* Онъ самъ прожилъ часть описаннаго имъ времени; самъ видѣлъ многихъ значительныхъ людей; глубже и вѣрнѣе другихъ проникъ во многія обстоятельства, потому-что говорилъ съ лицами, принимавшими въ нихъ участіе; разыскивалъ неутомимо; нѣсколько разъ съ удивительною любовью начертывалъ въ своихъ лекціяхъ картину этаго великолѣпнаго вѣка—и наконецъ, что̀ удалось ему извлечь изъ столькихъ изученій и изображеній, онъ представилъ въ твореніи, краснорѣчивомъ по своей простотѣ, написанномъ съ огненною смѣлостью юноши и зрѣлою осторожностью старца. Не смотря на обширность этаго труда, Шлоссеръ нигдѣ не повторяетъ чужихъ мнѣній или словъ. Безъ сомнѣнія, онъ не могъ изучить всѣ источники съ равнымъ вниманіемъ; послушайте однако, что онъ при одномъ случаѣ говоритъ о своихъ трудахъ по части исторіи Англіи, опровергая нападенія Англійскаго журнала: The Athenaeum. «Въ этомъ случаѣ Нѣмцы были бы очень виноваты, измѣнивъ своей прежней страсти—удивляться всему Англійскому, потому-что они зрѣнія своего не утоми-

ли, подобно автору этаго сочиненія, сороколѣтнимъ чтеніемъ безчисленныхъ, мелконапечатанныхъ столбцевъ огромныхъ Англійскихъ газетъ и актовъ прѣній парламентскихъ. Имъ ненужно, подобно автору этаго сочиненія, собирать и выписывать эксцерпты о воровствѣ, полиціи, каменноугольныхъ копяхъ, состояніи бѣдности въ различныхъ приходахъ, о тюрьмахъ и тюремныхъ инспекторахъ, о суммахъ королевско-епископскаго сбора для отвращенія повсемѣстной бѣдности — имъ ненужно собирать для того, чтобы все это сравнивать съ блескомъ, постройкою и мёблировкою увеселительныхъ зàмковъ, со скачками и закладами, охотами и парками, готическими зданіями, звѣринцами, теплицами, собраніями чудесъ всего свѣта, съ балами, на которыхъ блистало столько-то и столько брильянтовъ, такъ-что газеты вызываютъ весь свѣтъ указать имъ на что-нибудь подобное и т. д. Уроженецъ той страны не можетъ имѣть въ этомъ дѣлѣ никакаго сужденія: его зрѣніе притуплено привычкою. Путешественникъ обыкновенно судитъ смотря по тому, куда попадетъ—въ богатую или бѣдную страну, въ гостепріимный или негостепріимный домъ, въ нравственно-образованное или развратное общество. Вѣрный результатъ можно получить только долгимъ, многолѣтнимъ обсуживаніемъ подлинныхъ актовъ. Того, кто сороколѣтнимъ ежедневнымъ сравниваніемъ, обсуживаніемъ и критикой парламентскихъ приговоровъ и донесеній тысячи людей въ судахъ ознакомился съ внутреннимъ состояніемъ цѣлыхъ семействъ и

классовъ общества, того не обманутъ ни строгое соблюденіе воскреснаго дня, ни святошество высшихъ классовъ, доведенное до смѣшной крайности, ни странное понятіе о приличіи, запрещающее вязаніе чулокъ, или употребленіе слова *панталоны.*»

Третье главное достоинство Шлоссера заключается въ его *методѣ.*

Извѣстно, что обыкновенно такъ называемая *Исторія* состоитъ изъ слѣдующихъ составныхъ частей: во-первыхъ — въ нее входятъ характеристика правительствующихъ лицъ, указанія на ихъ родственныя связи, и расказы о замѣчательнѣйшихъ дѣяніяхъ правителей; во-вторыхъ, военныя реляціи; въ-третьихъ, перемѣны, происходящія въ объемѣ государствъ; въ-четвертыхъ, со временъ Пюттера и Спитлера, въ исторіи иногда помѣщаютъ извѣстія о переворотахъ, происшедшихъ въ формахъ правленія, и наконецъ, въ-пятыхъ, историки часто дѣлаютъ изъ исторіи какой-то сборникъ разныхъ извѣстій, которыя они не знаютъ, куда помѣстить. Это отдѣленіе у всѣхъ носитъ титулъ: *отдѣленіе культурно-историческое*, *открытія и изобрѣтенія*, *исторія нравовъ* и т. д., и всегда является въ видѣ краткаго прибавленія или дополненія къ государственной исторіи. Обыкновенно это самая тощая и безсвязная часть во всей исторіи. Нѣсколько отрывковъ изъ исторіи Церкви и исторіи изящной Литературы, нѣсколько извѣстій о важнѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и учрежденіяхъ, нѣсколько словъ о обы-

чаяхъ и костюмахъ — вотъ ея содержанiе, похожее на отдѣлъ *Смѣси* въ журналахъ.

Но въ исторiи каждый вѣкъ, каждое поколѣнiе должно имѣть опредѣленную духовную физiономiю и извѣстную форму жизни, изъ которыхъ проистекаетъ характеръ важнѣйшихъ явленiй въ жизни народа. Войны и перемѣны въ уложенiяхъ, поэтическiя произведенiя и постановленiя соборовъ суть только стороны общечеловѣческой жизни и не составляютъ еще главной сущности исторiи. Напротивъ, мысль народа самымъ тѣснымъ образомъ связана съ нравственнымъ характеромъ народа — и эти-то элементы налагаютъ своеобразную печать на каждую форму правленiя и каждый государственный переворотъ. Посмотримъ, что сдѣлалъ въ этомъ отношенiи разбираемый нами писатель.

Шлоссеръ тѣсно связываетъ политическую исторiю народа съ литературною его дѣятельностiю, указывая на то влiянiе, какое Литература имѣетъ на государство. При этомъ способѣ воззрѣнiя, великое политическое происшествiе часто бываетъ результатомъ *двухъ* факторовъ: во-первыхъ, предшествовавшихъ ему политическихъ происшествiй (изъ которыхъ его обыкновенно до сихъ поръ выводили)—и во-вторыхъ, влiянiя книгъ и ученiй (системъ). Съ этой точки зрѣнiя Шлоссеръ избираетъ и обсуживаетъ только тѣ сочиненiя, которыя замѣчательны не по эстетическому достоинству, а по произведенному ими влiянiю, и сообщаетъ не полное содержанiе сочиненiя, но только то, что подѣйствовало въ извѣстное

мгновеніе. Кто при чтеніи *Исторіи XVIII-го столѣтія* Шлоссера не обращаетъ вниманія на эту мысль, тотъ безъ основанія будетъ многое въ ней порицать. По-этому и идея, которую составляешь себѣ о какомъ-либо сочиненіи, часто совершенно несходна съ тѣмъ, что горорitъ о немъ Шлоссеръ. Это не должно вводить читателя въ заблужденіе. Согласно съ своею мыслію, Шлоссеръ, при обсуживаніи поэтическаго произведенія, совсѣмъ выпускаетъ изъ виду эстетическое совершенство, а обращаетъ вниманіе на одну новизну мысли, или на впечатлѣніе, произведенное сочиненіемъ. Очевидно, что это недостатокъ; но, въ сравненіи съ обыкновенною, господствовавшею до сихъ поръ обработкою исторіи, этотъ недостатокъ есть большой успѣхъ, чрезвычайный шагъ впередъ. Мы получили новый образъ воззрѣнія на Литературу: писатель обсуживается не по литературному его достоинству, не по классицисму его сочиненій, а по вліянію на современниковъ. При удобномъ случаѣ, Шлоссеръ дѣлаетъ также замѣчанія и объ эстетическихъ качествахъ; но главное вниманіе обращено у него на то, нашла ли книга съ новыми мыслями много читателей. Тотъ, кто незнакомъ съ литературными трудами Шлоссера, не-долженъ это приписывать недостатку вкуса или ограниченности ума; напротивъ, самъ Шлоссеръ нѣсколько разъ повторяетъ, что слава иныхъ любимыхъ писателей часто имѣетъ весьма шаткое основаніе, и что привязанности обыкновеннаго большинства публики къ иному автору вовсе не должно вы-

соко цѣнить. Въ этомъ признаніи явно выражена мысль, что исторія, указавъ только на одно направленіе и вліяніе книгъ на внѣшнюю жизнь, еще не окончила своего дѣла. Между-тѣмъ это воззрѣніе придало какую-то оригинальность литературно-историческимъ отдѣламъ исторіи Шлоссера. Напротивъ, о связи политическихъ происшествій съ явленіями домашней жизни, у Шлоссера встрѣчаются только разбросанные намеки, которые однако свидѣтельствуютъ о необыкновенной глубинѣ его пониманія.

Если третье отличительное достоинство сочиненій Шлоссера состояло въ расширеніи обыкновенныхъ предѣловъ политической исторіи, то четвертое мы полагаемъ въ критическомъ мѣрилѣ, съ которымъ Шлоссеръ сообразуется при выборѣ и критикѣ фактовъ, въ направленіи ко всему существенному, во вниманіи ко внутреннему содержанію, составляющему сущность происшествія. Если рѣчь идетъ о правительствѣ, то критеріумъ его суда есть вопросъ: каково было состояніе народа при этомъ правительствѣ? Если онъ говоритъ о какомъ-либо лицѣ, то обсуживаетъ его по нравственному его характеру. Внѣшній блескъ его не ослѣпляетъ. Ему отвратительны развратные свѣтскіе люди и писатели-педанты. «Я взялъ на себя, говоритъ онъ, неблагодарный трудъ — защищать нигдѣ не находящую защитниковъ прозу жизни противъ толпы поэтическихъ хвалителей тѣхъ искуствъ, которыя пораждаются богатствомъ». Естественнымъ образомъ многое является

у Шлоссера, передъ другими, совершенно въ иномъ свѣтѣ, потому-что онъ смотритъ не съ общей точки зрѣнія. По-этому онъ часто находится даже въ разногласіи съ весьма свободномыслящими историками. Разительнымъ доказательствомъ справедливости этаго замѣчанія служитъ изображеніе Шведскаго Короля Густава III—у него и у другаго историка, Арндта. Арндтъ восхваляетъ театральныя зрѣлища, оперы, балы и карусели, учрежденные Густавомъ; Шлоссеръ говоритъ о бѣдности страны, и порицаетъ блестящіе пиры и рыцарское великолѣпіе высшаго дворянства.

Взоръ Шлоссера обращенъ непосредственно на жизнь человѣка, а не на философскую систему, сквозь которую мыслитель смотритъ на жизнь, и не на мертвыя формы явленій, которыя собираетъ юристъ. Изъ чтенія источниковъ онъ извлекаетъ совершенно особое отъ того, что въ нихъ находитъ смиренномудрый профессоръ Неандеръ, который «не знаетъ свѣта и знать не хочетъ». По-этому, въ твореніяхъ его, жизнь является во всемъ разнообразіи и движеніи, со всѣми оттѣнками и треволненіями. Въ нихъ-то можно научиться различію, существующему между основательною (въ собственномъ смыслѣ историческою) обработкою Исторіи и философскою, нынѣ столь распространенною. Шлоссеръ безъ декламаціи производитъ сильное впечатлѣніе: вмѣсто поддѣльнаго паѳоса у него сужденія, свидѣтельствующія о справедливости, спокойномъ обсужденіи и совершенномъ знаніи дѣла.

Пятое отличительное достоинство Шлоссера заключается, по нашему мнѣнію, въ его *образѣ повѣствованія.* Шлоссеръ врагъ искуственной объективности и театрально-расчитанныхъ эффектовъ. Онъ не создаетъ такихъ художественныхъ произведеній, изъ которыхъ ничего нельзя узнать объ авторѣ, но *самъ* выступаетъ раскащикомъ. По-этому его историческіе приговоры не абстракты, но воззрѣнія, высказанныя имъ самимъ; это мнѣнія, понятія, сужденія повѣствователя. Инымъ это можетъ показаться дерзкою самоувѣренностью въ авторѣ; но мы видимъ въ этомъ сознаніе собственнаго достоинства. Впрочемъ самъ Шлоссеръ говоритъ, что каждое сужденіе у него имѣетъ не болѣе вѣсу, какъ на столько, на сколько оно свидѣтельствуется актами. Вмѣсто господствующаго напряженнаго тона отрадно встрѣтить простой расказъ, истину, честность и откровенность. Исторія Шлоссера не обработана по школьнымъ правиламъ: онъ пишетъ просто, иногда даже повторяетъ себя, какъ будто бы это была изустная, не затверженная рѣчь.

Наконецъ Шлоссеръ дѣлаетъ сильные упреки нашему вѣку, потому-что онъ понимаетъ современную эпоху и хочетъ имѣть на нее вліяніе. Прошедшее объясняетъ наше настоящее положеніе.

Хотя Шлоссеръ и говоритъ, что онъ полагаетъ вѣсъ только въ фактахъ, но читатели его сочиненій вѣроятно придадутъ такой же вѣсъ *его* и *сужденіямъ.* Эта своеобразность его сочиненій не случайная: Шлоссеръ самъ высказалъ эту мысль въ предисло-

віи къ одной изъ послѣднихъ частей *Исторіи XVIII столѣтія.* «Прослуживъ терпѣливо и неутомимо сорокъ шесть лѣтъ отечеству, вѣрный, полезный и ревностный наставникъ юношества, нынѣ, въ концѣ своего поприща, онъ хочетъ, поучая по-своему, быть, какъ писатель, столь же полезнымъ народу.» Эти слова понятны всякому, кто, не желая обманывать себя и другихъ, понимаетъ наше время. Но такъ-какъ только одно безкорыстное чувство священнаго долга въ отношеніи къ отечеству побуждаетъ Шлоссера предпринять въ концѣ жизни столь трудныя работы; то понятно, что онѣ возникли изъ полноты души. Германское общество умѣетъ цѣнить и въ будущемъ еще болѣе оцѣнитъ человѣка, который не искалъ рукоплесканій, но, трудясь для мыслящихъ, посвятилъ всю жизнь наукѣ.

Въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ Шлоссеръ обращался болѣе къ тѣмъ лицамъ, которыя уже знакомы съ исторіею. Передъ ними расточалъ онъ сокровища, извлеченныя изъ источниковъ, и проходилъ молчаніемъ то, что можно найти въ хорошихъ учебникахъ. Чѣмъ долѣе онъ писалъ, тѣмъ болѣе желалъ обратить на дѣло вниманіе большинства образованной публики. По-этому онъ старался, какъ можно болѣе, упростить свои труды—и наконецъ нынѣ, издавая свою *Всемірную Исторію*, хочетъ онъ дѣйствовать на всѣ классы общества. Чѣмъ питательнѣе предлагаемая народу пища, тѣмъ сильнѣе возрастетъ онъ.

К. Герцъ.

ЛИСТЪ.

Расказъ Андерсена.

Листъ давалъ концертъ въ Гамбургѣ, въ гостинницѣ «Stadt London». Въ нѣсколько минутъ зала, какъ говорится, набита была биткомъ. Я опоздалъ, но, не смотря на то, досталъ едва ли не лучшее мѣсто, у самой эстрады, гдѣ стоялъ флигель: меня провели черезъ заднюю лѣстницу. Листъ—царь въ области звуковъ. Я съ своими пріятелями попалъ къ нему не по парадной лѣстницѣ — и не краснѣя въ томъ признаюся.

Зала и даже боковыя комнаты сіяли огнями, золотыми цѣпочками и брильянтами! Степенные Гамбургскіе купцы стояли стиснувшись въ кучу, будто для переговоровъ о какомъ-нибудь важномъ биржевомъ дѣлѣ. Судя по самодовольной улыбкѣ, блуждавшей у всякаго на устахъ, иной подумалъ бы, что они только-что заключили сдѣлку, обѣщавшую имъ несмѣтныя выгоды. Баснословный Орфей своею игрой приводилъ въ движеніе камни и деревья. Новый Орфей, Листъ, электризовалъ ихъ еще не начиная играть. Слава могуществомъ своимъ отверзла людямъ уши и глаза, такъ-что имъ казалось, будто они ужъ напередъ слышатъ то, чего ожидаютъ. Я самъ въ лучахъ всѣхъ этихъ огненныхъ глазъ, посреди этаго всеобщаго лихорадочнаго ожиданія, какъ будто чувствовалъ приближе-

ніе великаго генія, который смѣлымъ перстомъ указываетъ на предѣлъ своего искуства въ наше время.

Въ Лондонѣ, въ этомъ необъятномъ, всемірномъ городѣ машинъ, и въ Гамбургѣ, въ этой Европейской купеческой конторѣ, особенно любопытно слышать въ первый разъ Листа: тутъ время и мѣсто соотвѣтствуютъ одно другому — и въ Гамбургѣ мнѣ привелось слышать Листа.

Въ нашъ вѣкъ чувству и фантазіи нѣтъ мѣста: въ немъ первенствуетъ умъ. Нынче безъ техническаго совершенства никакое искуство, никакое мастерство существовать не можетъ. Языки до такой степени образовались, что умѣнье облекать мысли въ стихи чуть не считается *чистописаніемъ*, тогда-какъ за полвѣка это искуство было достояніемъ только немногихъ избранныхъ. Во всякомъ городѣ цѣлыми дюжинами встрѣчаешь людей, которые такъ мастерски играютъ на томъ или другомъ инструментѣ, что, лѣтъ двенадцать тому назадъ, ихъ бы навѣрное провозгласили виртуозами. Все техническое—какъ матерьяльное, такъ и духовное— достигло въ наше время высшей точки развитія, и вѣкъ нашъ, такимъ образомъ, стремится вверхъ даже въ мертвыхъ массахъ.

Наши всемірные геніи, не тѣ, которые составляютъ цѣну моды въ броженіи развитія нашего времени, а истинные поэты, должны умѣть выносить каждое критическое разложеніе, и быть выше всего, что̀ бы могло остановить ихъ на томъ пути, какой они избрали. Мы не довольствуемся тѣмъ,

чтобы каждый изъ нихъ съ честью занималъ свое мѣсто въ области духа: мы требуемъ, чтобы художникъ, какъ кораллъ, все выше и выше возводилъ древо-искуства—не то дѣятельность его ничтожна.

Въ мірѣ звуковъ вѣкъ нашъ обладаетъ двумя царями фортепіано, которые *такъ* выполняютъ свое призваніе въ области духа: это Тальбергъ и Листъ.

Какъ будто электрическій огонь пробѣжалъ по залѣ, когда появился Листъ. Почти всѣ дамы встали; лица всѣхъ присутствующихъ озарились лучезарнымъ свѣтомъ; взоры всѣхъ какъ будто привѣтствовали милаго, драгоцѣннаго друга. Я стоялъ близехонько отъ артиста. Онъ молодъ и худощавъ. Длинные, темные волосы висѣли вокругъ блѣднаго лица. Онъ поклонился и сѣлъ за фортепіано. Въ наружности и пріемахъ Листа съ перваго взгляда виденъ человѣкъ, отличающійся оригинальностью. Рука судьбы отмѣчаетъ такихъ людей особенною печатью, по которой ихъ легко узнать между тысячами. Томительное страданіе, изображавшееся на блѣдномъ лицѣ—вотъ что всего болѣе поразило меня въ Листѣ, когда онъ сѣлъ за фортепіано. Онъ показался мнѣ демономъ, прикованнымъ къ инструменту, изъ котораго струились звуки, какъ будто вытекавшіе изъ его крови, изъ его мыслей: это демонъ, который звуками искупаетъ свою душу; онъ терзался въ истязаніяхъ пытки; кровь его волновалась, нервы дрожали. Но мало по малу все демонское въ немъ исчезло. Блѣдное лице его все болѣе и болѣе стало принимать благородное и прекрасное выраже-

ніе. Божественная душа засіяла изъ глазъ и изъ всякой черты лица. Онъ сталъ прекрасенъ своимъ одушевленіемъ и восторгомъ.

Его «Valse infernale» болѣе, нежели дагерротиппое изображеніе Мейерберова *Роберта*. Мы не только стоимъ передъ знакомою картиной и созерцаемъ ее: мы, такъ сказать, втягиваемся въ нее, проникаемъ въ ея глубь и выносимъ толпу новыхъ духовъ. Казалось, такіе тоны не могли выходить изъ струнъ: они раздавались будто звонкія капли воды.

Тотъ, кто удивляется искуству въ отношеніи къ техническому совершенству, да преклонится передъ Листомъ. Тотъ же, кто восхищается геніальностью, вдохновеніемъ, да преклонится еще ниже. Орфей нашего времени огласилъ звуками великій, всемірный городъ машинъ — и всѣ должны были сознаться, что пальцы его, по выраженію однаго Копенгагенца — настоящія желѣзныя дороги и паровыя машины: могущественнымъ дарованіемъ своимъ онъ людей всѣхъ концевъ міра связываетъ крѣпче, нежели всѣ желѣзныя дороги на землѣ. Орфей нашего времени извлекъ звуки въ купеческой конторѣ Европы, и люди — по крайней мѣрѣ въ ту минуту — чувствовали истину, что золото духовное драгоцѣннѣе вещественнаго.

Часто употребляютъ безотчетно выраженіе: «море звуковъ». Такое *море* льется дѣйствительно изъ фортепіано, передъ которымъ сидитъ Листъ. Кажется, будто инструментъ превратился въ цѣлый

оркестръ: и это производятъ десять пальцевъ, которыхъ изумительную бѣглость можно бы назвать *фанатическою*; ими управляетъ могучій геній. Это море звуковъ, въ волненіи своемъ, мгновенно разрѣшаетъ для всякой души задачу ея бытія. Я зналъ политиковъ, которые, слушая Листа, въ первый разъ въ состояніи были постигнуть, какъ мирный гражданинъ могъ одушевиться звуками до такой степени, что бралъ оружіе и, покинувъ родину и пепелище свое, вступалъ въ брань за идею. Я видѣлъ степенныхъ уроженцевъ Копенгагена, съ Датскими осенними туманами въ крови, которыхъ игра Листа превращала въ политическихъ вакхантовъ; видѣлъ математиковъ, которые падали въ обморокъ, дѣлая расчеты звуковъ и тоническихъ фигуръ. Молодые Гегелисты — говорю объ истинно-умныхъ, не тѣхъ мертвыхъ головахъ, которыя только при гальванической струѣ философіи дѣлаютъ умственную гримасу — видѣли въ этомъ морѣ звуковъ волнообразное плаваніе науки къ берегу совершенства. Поэтъ находилъ въ немъ всю лирику своего сердца и воплощеніе самыхъ смѣлыхъ созданій своихъ. А путешественникъ — сужу по себѣ — услыша Листа, всюду находитъ, или будетъ находить звуки въ образахъ. Игра его представлялась мнѣ увертюрою моего путешествія. Я слышалъ, какъ сердце у меня билось и обливалось кровью при разлукѣ съ родимымъ кровомъ; слышалъ, какъ волны прощались со мною, волны, которыхъ голосъ я вновь услышу не прежде, какъ близъ скалъ Террачины. Для меня

уже звучалъ органъ изъ древнихъ соборовъ Германіи; глетшеры скатывались съ горъ Альпійскихъ; Италія плясала въ карнавальномъ нарядѣ и утопала въ забавахъ, вспоминая Кесаря, Горація и Рафаэля. Отъ Везувія и Этны вѣяло жаромъ; раздавался колокольный благовѣстъ съ горъ Греціи, гдѣ спятъ вѣчнымъ сномъ древніе боги. Звуки, которые впервые поражали мой слухъ, которыхъ нельзя передать словами, нашептывали мнѣ о Востокѣ, странѣ фантазіи, второмъ отечествѣ поэта.

Когда Листъ пересталъ играть, на него посыпался градъ цвѣтовъ. Молодыя, миловидныя дѣвушки, пожилыя дамы, которыя нѣкогда также были «миловидны» — всѣ бросали ему букеты; вѣдь и онъ такъ щедро дарилъ сердце и голову букетами звуковъ Изъ Гамбурга Листъ намѣревался летѣть въ Лондонъ, сыпать новые букеты, оживлять благоуханіемъ поэзіи матерьяльную вседневную жизнь. Счастливъ тотъ, кто можетъ всю жизнь свою странствовать такимъ образомъ. Онъ видитъ людей не иначе, какъ въ духовномъ праздничномъ платьѣ, въ подвѣнечномъ нарядѣ восторга. Увижу ли его опять когда-нибудь? такова была моя послѣдняя мысль — и случай устроилъ такъ, что мы столкнулись съ нимъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни я, ни мои читатели никакъ не могли бы предполагать того; мы свидѣлись, подружились — и опять разстались: онъ направилъ путь къ столицѣ Викторіи; я — къ столицѣ Григорія XVI.

ЕПИСКОПЪ ФРАНЦЕНЪ, ШВЕДСКІЙ ПОЭТЪ.

I.

Въ Іюлѣ 1840 года, особенное обстоятельство доставило мнѣ благопріятный случай узнать лично Францéна — и я сохраню о немъ воспоминаніе во всю жизнь мою. Въ Гельзингфорсѣ Александровскій Университетъ праздновалъ тогда свой двухсотлѣтній юбилей. Въ качествѣ депутата, я отправленъ былъ туда отъ Санктпетербургскаго Университета. Всѣ лица, обязанныя образованіемъ своимъ тамошнему Университету и дожившія до его юбилея, прибыли на это рѣдкое, историческое празднество. Между ними находился и Епископъ Францéнъ, о которомъ (какъ послѣ увидятъ мои читатели) мнѣ нужно сказать хоть нѣсколько словъ и въ нынѣшнемъ году, не смотря на то, что я уже прежде упоминалъ о немъ въ Современникѣ (XX., стран. 16 *первой нумераціи*).

Въ годъ Университетскаго юбилея Францéну исполнилось 68 лѣтъ отъ роду. Ни значительное разстояніе, ни преклонность лѣтъ, ни слабость здоровья не остановили его — и онъ прибылъ туда, гдѣ разцвѣтала его молодость. Кромѣ привязанности къ Университету, его влекло въ Гельзингфорсъ предчувствіе меланхолической радости, какую онъ долженъ былъ испытать, прижавъ къ сердцу дѣтей своей до-

чери, за годъ передъ тѣмъ скончавшейся. Еще до прибытія Францéна, меня познакомили съ его зятемъ, Генералъ-Штабъ-Докторомъ Финляндіи, Статскимъ Совѣтникомъ Гартманомъ (объ отцѣ его, Гавріилѣ Эрикѣ, упоминаетъ Гротъ въ своемъ Альманахѣ, изданномъ въ память юбилея, на страницѣ 8). Я нашелъ въ этомъ человѣкѣ не только высоко-образованнаго Ученаго, но и самаго нѣжнаго отца многочисленнаго семейства, гражданина, всѣми достойно уважаемаго. Наканунѣ праздества онъ представилъ меня Францéну, который владѣетъ Французскимъ языкомъ не только для обыкновеннаго разговора, но въ прежнее время писывалъ на немъ и стихи. Послѣ нѣсколькихъ разговоровъ съ нимъ, во всей силѣ подтвердившихъ мнѣ то, что о немъ прежде я читалъ и слышалъ, что-то отрадное и какъ бы родственное влекло меня къ нему. Въ пріемахъ человѣка, въ чертахъ лица, во взглядѣ, въ выраженіи глазъ, въ звукахъ голоса есть много такаго, что опредѣлить трудно, но чего нельзя не чувствовать. Кроткое обращеніе, искренность рѣчей, сопровождаемыхъ особенною привѣтливостью, негромкой голосъ, проникнутый въ то же время какимъ-то участіемъ, даже оживленіемъ, столь плѣнительнымъ у человѣка въ преклонныхъ лѣтахъ — все влекло къ Францéну мою душу. Его епископскій санъ не только не охлаждалъ приближенія къ нему, но, поселяя въ сердцѣ довѣренность и возраждая любопытство, сообщалъ обмѣну мыслей необыкновенную цѣну.

II.

Независимо отъ своихъ обязанностей, которыя, въ теченіе долгой жизни, Францѐнъ, какъ и другое лице, строго исполнялъ въ первой молодости и исполняетъ въ глубокой старости, онъ представляетъ собою замѣчательнѣйшаго человѣка въ литературномъ мірѣ. По таланту своему онъ принадлежитъ къ числу первокласныхъ поэтовъ Швеціи. Это конечно важнѣйшее обстоятельство для писателя. Но къ природному дарованію можно присоединить столько другихъ достоинствъ, что литераторъ получаетъ значеніе самое высокое. Таланту надобно принять направленіе, соотвѣтственное ему, прямое, чистое: иначе онъ будетъ даромъ ничтожнымъ, или даже вреднымъ. Мелкіе умы чаще всего перемѣняютъ пути и цѣль своей дѣятельности. Обыкновенныхъ умовъ конечно числомъ болѣе, нежели умовъ съ дарованіями Ежели талантъ вздумаетъ гоняться за большинствомъ и станетъ заботиться объ угожденіи ему, онъ измѣнитъ своему прекрасному призванію— и потомству оставитъ плоды ума, исполненные противорѣчія, измѣнчивости и незрѣлости. Созданія таланта должны быть освящены нравственнымъ его достоинствомъ, характеромъ, выразившимся въ благородной дѣятельности, въ жизни неукоризненной и самостоятельной. Нѣтъ ни убѣжденія, ни красоты, ни истины въ словахъ человѣка, презираемаго нами, какъ бы онъ ни выражался сладкорѣчиво. Любовь къ избранному роду умственныхъ занятій, поддерживаемая неизмѣннымъ убѣжденіемъ въ ихъ важ-

ности, чести и пользѣ, довершаетъ характеристическія черты лица, достойно предающагося литературѣ. Эта любовь возводитъ его на степень неприкосновенности отъ мелкихъ развлеченій свѣта и опредѣляетъ высокую цѣну всему, что̀ важно для писателя — распредѣленію времени, занятію чтеніемъ, выбору предметовъ для обработыванія, даже самымъ правиламъ въ его семействѣ и сношеніямъ съ обществомъ и прочими литераторами.

Примѣняя все это къ Францéну, изучая жизнь его во всѣхъ подробностяхъ, вникая въ сочиненія и перечитывая то, что относится къ біографіи его, вполнѣ убѣждаешься, какъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ такъ называемыя *знаменитости Европейскія*, хотя имя его не мелькаетъ ежемѣсячно въ празднословныхъ журналахъ. Какъ человѣкъ, какъ поэтъ, какъ гражданинъ и отецъ семейства, онъ свято, благородно и достойно совершалъ свое поприще. Родившись (1772 г., 6-го Февраля) въ Улеборгѣ отъ незнатныхъ и небогатыхъ родителей, онъ самъ себя успѣлъ такъ хорошо приготовить къ Университету, что тринадцати лѣтъ отъ-роду былъ принятъ въ студенты, а на 19-омъ награжденъ былъ магистерскимъ лавровымъ вѣнкомъ. Черезъ годъ приняли его преподавателемъ Краснорѣчія въ томъ же Университетѣ, гдѣ онъ образовался. Любознательный умъ его искалъ новыхъ свѣдѣній — и Франценъ, при самыхъ ограниченныхъ денежныхъ средствахъ, умѣлъ совершить ученое путешествіе, посѣтивъ Данію, Германію, Францію и Англію. Для распростра-

ненія образованности и вкуса, для утвержденія истинныхъ началъ гражданственности и нравственности, онъ въ 1794 году предпринялъ литературное изданіе, подъ названіемъ *Абовской Газеты*, которая всѣмъ открыла его поэтическій талантъ и ученыя достоинства. Съ 1798 года онъ занималъ уже профессорскую каѳедру Краснорѣчія. Его именемъ и трудами украшаются лѣтописи Абовскаго Университета. Ученыя разсужденія его, писанныя на Латинскомъ языкѣ, могутъ служить образцемъ не только хорошаго языка, но и точности доказательствъ, истины сужденій, простоты слога и ясности мыслей.

III.

Въ Шведской литературѣ, какъ и въ Русской, первоначально господствовали во всемъ изысканность и высокопарность. Это было слѣдствіемъ вкуса, перешедшаго къ новымъ народамъ изъ среднихъ вѣковъ, когда, вмѣсто живыхъ языковъ, употреблялся для сочиненій мертвый языкъ—Латинскій. Долго опыты стихотвореній, написанныхъ въ послѣдствіи времени и на языкахъ новѣйшихъ, удерживали въ своихъ краскахъ, предметахъ и оборотахъ что-то неестественное, принужденное, отзывавшееся, какъ говорится, школьничествомъ. Самые лучшіе таланты не вдругъ могли освободиться отъ господствовавшаго вкуса. Это и мы Русскіе чувствовали до Жуковскаго въ поэзіи Ломоносова, Петрова и даже Державина. Такъ было и въ Швеціи. Эпоху преобразованія суждено было произвести тамъ Францёну. Абовскій Профессоръ возвратилъ поэзіи пер-

вобытную ея простоту, истину и грацію, чѣмъ она плѣняла всѣ народы въ безыскуственномъ своемъ явленіи. Въ его прекрасной душѣ возникли о́бразы, картины и положенія, согласные съ жизнію. Онъ изображалъ ихъ языкомъ точнымъ, одушевленнымъ, но свободнымъ отъ натяжекъ и надутости. Особенно обратилось къ нему общее вниманіе въ 1810 году при появленіи въ печати перваго собранія стихотвореній его. Францѐну тогда было 38 лѣтъ. Можно по этому судить, какъ высоко цѣнилъ онъ успѣхи искуства, не обольщаясь приманкою славы. Въ поэзіи не себя любилъ онъ, а благотворное ея вліяніе, которое тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ она зрѣлѣе и глубже. Умственный трудъ самъ по себѣ для мыслящаго человѣка есть уже высокое наслажденіе и конечно не менѣе радуетъ его, какъ и слава. Но что̀ можетъ сравниться съ убѣжденіемъ, что мы дѣйствуемъ на духовное развитіе современниковъ и укореняемъ въ сердцахъ ихъ истины, которыми собственная жизнь наша полна такъ прекрасно! Напечатанныя вмѣстѣ стихотворенія Францѐна читались повсемѣстно, гдѣ только знали по-Шведски. Къ счастію поэта, отечественный языкъ въ Швеціи не вытѣсненъ Французскимъ и изъ высшаго общества. Что касается для сословій средняго и низшаго, они, со временъ принятія Лютеранскаго исповѣданія, чтеніе считаютъ въ числѣ необходимыхъ занятій. Такимъ образомъ Францѐнъ, умѣвшій сообщить поэзіи естественность, красоты, каждому доступныя, истинную занимательность, скоро достигнулъ до такой из-

вѣстности, что имя его сдѣлалось драгоцѣннымъ каждому. Объ этомъ можно судить по одному расказу, помѣщенному Гротомъ въ его прелестной біографіи поэта (Звѣздоч. II, 95.) Мы приведемъ его здѣсь для нашихъ читателей. «Въ городѣ *Лундѣ* былъ необыкновенно-ученый и немного странный профессоръ *Норбергъ*. Франценъ, пріѣхавъ изъ Финляндіи въ Швецію, счелъ обязанностію посѣтить его. — Какъ тебя зовутъ? — спросилъ довольно сухо Норбергъ, и когда услышалъ имя Францена, то продолжалъ съ живостію: — не тотъ ли это, что написалъ *Человѣческое Лице* (одно изъ прекрасныхъ стихотвореній Францена)?—Утвердительный отвѣтъ чрезвычайно расшевелилъ Лундскаго профессора. Онъ тотчасъ выбѣжалъ изъ своего кабинета, растворилъ настежь дверь въ комнату своей жены и дочерей, и чуть дыша отъ радости, закричалъ имъ: — сегодня у насъ будетъ пиръ; у насъ въ-гостяхъ тотъ, кто написалъ *Человѣческое Лице!*—»

IV.

Въ достопамятную эпоху присоединенія Новой Финляндіи къ Россіи (1808) Францéнъ еще занималъ каѳедру въ Абовскомъ Университетѣ. Къ прибытію въ Або Императора Александра, $\frac{\text{20 Марта}}{\text{1 Апрѣля}}$ 1809 года, передъ городомъ построены были тріумфальныя ворота, по образцу приготовленныхъ въ Римѣ для Тита. Францéну поручено было составить для нихъ надпись. И онъ прекрасно выразилъ то, что всѣ чувствовали:

Александру,
Котораго войска покорили край,
Котораго благость покорила народъ.

Состоя въ сословіи духовенства, поэтъ, черезъ нѣсколько времени, пожелалъ вступить въ исключительное отправленіе обязанностей, принадлежащихъ его званію. На сороковомъ году жизни своей онъ принялъ пасторское мѣсто, предложенное ему въ Швеціи. Академія словесности, исторіи и древностей и Шведская Академія почтили талантъ и ученыя заслуги Францéна, избравши его въ число своихъ Членовъ. Съ рѣдкою добросовѣстностію онъ исполнялъ всегда возлагаемыя на него обязанности. Собраніе проповѣдей, которыя писалъ онъ въ назиданіе паствы своей, и множество сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ историческихъ и литературы признаны критиками какъ лучшія изъ современныхъ произведеній на Шведскомъ языкѣ. Между-тѣмъ онъ продолжалъ заниматься и поэзіею. Она составляетъ какъ бы важнѣйшую стихію его бытія. Этотъ прекрасный, высокій даръ природы не считаетъ онъ мимолетною принадлежностію, суетною забавою однаго юношескаго возраста. Онъ неизмѣнно совершенствуетъ его, будучи убѣжденъ, что тѣмъ самымъ совершенствуются прямые его способы благотворнаго вліянія на общество. Практическій мудрецъ во всѣхъ отношеніяхъ, Францéнъ такъ устроилъ занятія свои и самую жизнь, что ни лѣта, ни отношенія, ни обязанности не препятству-

ютъ ему строго отвѣчать священному призванію, какъ бы свыше ему указанному. Никогда не увлекается онъ чѣмъ-нибудь непредвидѣннымъ, или предписываемымъ мелочными законами общежитія. Однажды начертавши правила, кругъ и характеръ своей умственной дѣятельности, онъ ихъ соблюдаетъ неизмѣнно. Время считаетъ онъ для себя важнѣйшею драгоцѣнностію — потому не проходило и дня, который бы бросилъ онъ въ жертву праздности или ничтожнаго развлеченія. Чтобы постоянное напряженіе не могло вредить его здоровью, онъ во-первыхъ разнообразитъ умственные труды свои, во-вторыхъ посвящаетъ труду исключительно утренніе часы, приступая къ занятіямъ съ самаго ранняго времени и укрѣпляя себя благотворнымъ сномъ за два, за три, а иногда и за четыре часа до полуночи.

Съ 1812 года до сихъ поръ онъ постоянно, сверхъ другихъ сочиненій, обработываетъ біографіи знаменитыхъ людей Швеціи. Не проходитъ года, чтобы онъ не увеличилъ числа ихъ новымъ чьимъ-нибудь жизнеописаніемъ. Читатели Современника могутъ судить о совершенствѣ этаго труда по біографіи Тегнéра, имъ нѣкогда представленной мною (XXI, 52 *первой нумераціи*).

Жизнь, поэзія, исполненіе долга въ отношеніи къ человѣчеству, къ государству, къ семейству и собственно къ себѣ, такъ глубоко постигнутыя и такъ достойно хранимыя, предъ судомъ мудрости и

добродѣтели, безъ сомнѣнія становятъ имя Францéна на степень завидной славы.

V.

Въ 1832 году Францéнъ возведенъ въ санъ Епископа. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ Гернесандѣ, главномъ городѣ епархіи своей, при Ботническомъ заливѣ. Новое, почетное званіе не могло возвысить личныхъ его достоинствъ; но оно расширило кругъ непосредственнаго вліянія его. Какъ глава духовенства, онъ не только въ округѣ своемъ охраняетъ его права, указываетъ ему направленіе, завѣдываетъ учебными заведеніями, но и участвуетъ въ дѣлахъ государственнаго сейма. Можно представить, сколько истиннаго блага разливаютъ на всѣ эти предметы умъ его свѣтлый и душа возвышенная. «Какъ одинъ изъ верховныхъ святителей Шведской Церкви (сказано въ Finsk National-Kalender 1840), Францéнъ показалъ нѣжную заботливость и о образованіи юношества, и о развитіи истино-Христіанскаго духа въ пастыряхъ и ихъ паствахъ; какъ духовный проповѣдникъ, онъ изъясняетъ святые уроки Христіанства на языкѣ простомъ, чуждомъ всякой суетности и блестокъ ораторскихъ, но согрѣтомъ тихимъ и вмѣстѣ мощнымъ дыханіемъ Религіи; какъ жизнеописатель, соединяетъ онъ съ простотою и ясностью слога способность представлять истинный и живой образъ описываемаго лица и дѣлать предметъ свой сколько поучительнымъ, столько же и занимательнымъ для читателя. Но прекраснѣйшій вѣнокъ стяжалъ

онъ въ качествѣ поэта, и въ семъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ на Шведскомъ парнассѣ.»

Отъ того и уваженіе къ Францѐну, иногда принимающее даже видъ какаго-то благоговѣнія, распространилось повсюду, гдѣ только извѣстны его имя и сочиненія его. По случаю его прибытія на юбилей Университета, Гельзингфорскіе студенты встрѣтили знаменитаго гостя еще за двѣ версты до города. Окруживъ экипажъ его съ громкими *ура*, они пропѣли привѣтственные стихи, заранѣе для того сочиненные. Присутствовавшимъ тутъ же однимъ доцентомъ произнесена была краткая рѣчь, въ которой изображены были чувства и уваженія и общей радости. Это свободное изъявленіе вниманія, почтенія и любви къ таланту и добродѣтелямъ мгновенно сообщилось каждому изъ небольшаго круга Русскихъ литераторовъ, бывшихъ тогда въ Гельзингфорсѣ. Они съ своей стороны употребили все, чтобы въ сердцѣ поэта оставить сладостное воспоминаніе о торжествѣ Музъ на его родинѣ.

По отбытіи Францѐна въ Швецію, положено было между Русскими и Финляндскими литераторами — издать книгу въ память юбилея Александровскаго Университета. Но безъ участія въ ней Францѐна она не должна была явиться въ свѣтъ. Мнѣ поручено было отнестись къ нему письменно о предпринимаемомъ изданіи. Я сохранилъ его отвѣтъ на мое письмо. Вотъ онъ въ переводѣ.

«На-дняхъ я имѣлъ честь получить ваше обязательное письмо, которое, по ошибкѣ Гриссельгамнскаго почтмейстера, отправлено было ко мнѣ въ *Гернесандъ*. Оно живо привело мнѣ на память все, что я чувствовалъ въ Гельзингфорсѣ, а прекрасная мысль «о соединеніи Сѣвера словесностію и науками» принесла новое удовольствіе моему сердцу. Если удастся мнѣ, въ чемъ не сомнѣваюсь, написать что-нибудь для книги, которой планъ вы мнѣ сообщили, я доставлю мое сочиненіе Г. Гроту. Не знаю, какъ благодарить васъ за ваше письмо, въ которомъ столько для меня лестнаго, равно-какъ и за особенное ко мнѣ вниманіе ваше во время пребыванія моего въ Гельзингфорсѣ. *Стокгольмъ.* $\frac{6}{18}$ *Августа, 1840.*

Предположеніе наше не осталось безъ исполненія. Читатели Современника вѣроятно помнятъ объ *Альманахѣ, въ память двухсотлѣтняго юбилея* Императорскаго *Александровскаго Университета*, изданномъ Я. К. Гротомъ. Въ Финляндіи эта книга принята была со всеобщимъ одобреніемъ. Училищное начальство опредѣлило снабдить ею каждую изъ библіотекъ, состоящихъ въ его вѣдомствѣ. Въ Альманахѣ помѣщено и стихотвореніе, присланное Францéномъ. Онъ его назвалъ: *Путешествіе на юбилей 1840 года.* Трогательно изобразилъ онъ чувствованія, наполнившія душу его при видѣ Або. Но еще трогательнѣе описаны его встрѣчи въ Гельзингфорсѣ: первая — съ Абовскимъ домпробстомъ *Гадолиномъ*, который въ Университетѣ учился съ

нимъ вмѣстѣ, а другая — съ внукомъ, первенцемъ его дочери. Вотъ его слова:

..............«Сколько
Въ тронутой душѣ моей воскресло
Образовъ живыхъ, веселыхъ, милыхъ,
Украшавшихъ дни мои, когда
Музамъ Ауры приносилъ я въ дань
И весну мою и лѣто. Нынѣ,
Въ дни моей зимы, переношусь
Я за полстолѣтіе назадъ.
Это — четверть всей поры, которой
Отраженьемъ служитъ праздникъ сей.
Такъ несутся годы; наконецъ
Намъ они являютъ только мигъ,
Въ коемъ смѣшаны печаль и радость.
Кто подходитъ? Ахъ! то милый сынъ
Незабвенной дочери моей,
Слишкомъ рано взятой прочь отъ насъ!
О! съ какой томительною грустью
Сочеталась радость этой встрѣчи!
Но не вовсе мы лишились милой:
Пусть ея воспоминанье будетъ
Путеводною твоей звѣздой!»

VI.

Въ нынѣшнемъ году Франце́нъ написалъ стихи, обратившіе на себя вниманіе государственныхъ людей. Важный вопросъ занималъ всѣ умы въ Швеціи: онъ касался уничтоженія въ королевствѣ смертной казни. Просвѣщенный, благодушный Король видимо склонялся въ мысляхъ своихъ на сто-

рону человѣколюбія. Тогда явился и Поэтъ въ исполненіе высокаго своего призванія. Онъ оправдалъ святыню вдохновенія, ниспосылаемаго избраннымъ для возвѣщенія людямъ глубокихъ истинъ. Но кто бы могъ подумать, что Франце́нъ, семидесятитрехлѣтній старецъ, духовная особа, умилительный поэтъ, объявитъ себя защитникомъ смертной казни? Между-тѣмъ, безъ сомнѣнія, этѣ самыя принадлежности и вложили въ его лиру голосъ Немезиды. Внимательное, долголѣтнее наблюденіе страстей человѣка, тщательное, подробное изученіе исторіи общества, проницательный взглядъ, глубоко брошенный въ сердца и нравы жителей края, священный долгъ провозвѣстника строгихъ истинъ Церкви и философіи, открытый, правдолюбивый характеръ — все вмѣстѣ вызвало его на грозное слово, тяготившее сердце и воспитанное умомъ непреклоннымъ. Кто безпристрастно обдумаетъ послѣднюю мысль его, тотъ, можетъ быть, невольно перейдетъ на его сторону. Я привожу здѣсь въ переводѣ прозою это стихотвореніе.

Смертная казнь.

«Проливаяй кровь человѣчу, въ ея мѣсто его «пролiется: яко во образъ Божій сотворихъ человѣ«ка.» Такъ гласитъ законъ. Но за всякую ли проливаемую кровь должно платить своею кровью? Нѣтъ, не въ смертоносномъ ударѣ вина, а въ умыслѣ, не уважающемъ того, что человѣкъ созданъ по подобію Божію. Да, законъ тотъ относится къ

такому дѣйствію, которое не отличаетъ человѣка отъ звѣря, въ лѣсу убиваемаго охотникомъ.

Спаситель дорого цѣнилъ жизнь человѣческую, въ которой видѣлъ сѣмя жизни небесной, но Онъ не отмѣнилъ закона, повелѣвающаго: «да умретъ убійца!» Нѣтъ, Самъ Онъ постановилъ, что кто подыметъ мечь, тотъ и падетъ отъ меча. Мечь закона да караетъ оружіе, противъ него подъятое.

Тотъ, на кого устремленъ разбойничій ножъ, имѣетъ неотъемлемое право отразить силу силой, хотя бы съ уничтоженіемъ жизни нападающаго. Уже ли же Король, вмѣстѣ съ вѣнцемъ отъ Бога и народа пріявшій мечь, не въ правѣ употребить его на защиту отъ звѣроподобныхъ злодѣевъ, когда къ отраженію ихъ недостаточны ни темница, ни каторга, ни тѣсный казематъ, гдѣ сидитъ узникъ, одинъ и безъ занятія? А все то въ самомъ дѣлѣ недостаточно. Мы видимъ, что когда, за неимѣніемъ совершенно-ясныхъ доказательствъ, преступника запираютъ въ темницу, пока онъ не сознается; то онъ охотнѣе сидитъ тамъ многіе годы, даже весь свой вѣкъ, нежели пойдетъ на казнь, которой не избѣгъ бы, если бъ сознался въ винѣ. Но такая пытка для души ужаснѣе всякой смертной казни.

Отнимающіе у правосудія мечь должны бы, руководствуясь тою же кротостію, тѣмъ болѣе осуждать всякое вооруженіе, всякую войну, проливающую рѣки невинной крови. Но не напрасно — такъ учитъ насъ Апостолъ — властямъ данъ мечь; онъ

данъ имъ сколько для защиты края отъ внѣшняго насилія, столько и для охраненія мира внутренняго.

Но смерть пресѣкаетъ время, нужное для нашего исправленія, а въ исправленіи вѣдь и заключается цѣль наказанія? Такъ, но не исключительно. Общая безопасность и общее предостереженіе требуютъ всенароднаго наказанія преступника. И гдѣ будетъ сила закона безъ воздания? Конечно не таковъ его духъ, чтобы вырываемъ былъ зубъ за зубъ и око за око. Но недаромъ же Правосудіе получило вѣсы, на которыхъ можетъ въ точности соразмѣрять наказаніе съ виною.

Скорбный грѣшникъ не смѣетъ собственною рукою погашать свѣтильника своей жизни и тѣмъ замыкать передъ собой двери милосердія. Но кто рѣшается на преступленія, за которыя законъ требуетъ его крови, тотъ самъ становится виновникомъ своей смерти, какъ и тотъ, кто уничтожаетъ себя пулею.

Должно щадить жизнь злодѣя, чтобы онъ лучшимъ употребленіемъ ея могъ загладить вину свою. Такъ говорятъ, и правило это называютъ Христіанскимъ. Но вполнѣ ли согласно съ Христіанскою вѣрою ученіе, что человѣкъ самъ можетъ загладить свою вину? И развѣ очищенію — дѣйствію духа — нужно продолжаться годы, чтобы пріобрѣсти дѣйствительность предъ Господомъ, для Котораго все внятно прежде, нежели совершится? Нѣтъ, какъ разбойникъ на крестѣ, такъ и осуж-

денный на смерть можетъ прибѣгнуть къ Спасителю и въ сердцѣ своемъ принять очищеніе духомъ Его, между-тѣмъ, какъ каторжникъ, заматорѣлый во злѣ, отлагаетъ свое исправленіе годъ за годомъ; а заключенный въ тѣсной темницѣ можетъ ли начать жизнь Христіанина въ такомъ состояніи, которое похоже на дыбу осужденныхъ?

О, нашъ добрый Король, котораго всѣ мы носимъ на рукахъ у сердца нашего! Кто не оцѣнитъ возвышенныхъ основаній, на которыя опирается твоя кротость, когда она страшится произнести жестокій, неизмѣнимый приговоръ: «Да умретъ»! Помазанникъ Господа! Право твое миловать есть право Божественное. Не упускай его изъ рукъ твоихъ: милость, всѣмъ даруемая, ни для кого не милость.»

Приводя къ общему заключенію сказанное мною о Францѐнѣ, я нахожу всего приличнѣе примѣнить къ нему замѣчаніе, имъ самимъ произнесенное о Тегнѐрѣ: *Его сочиненія заставили всѣхъ уважать въ немъ человѣка, мыслящаго и ясно и глубоко, который, идучи наравнѣ съ своимъ вѣкомъ, не увлекается однако же его заблужденіями.»*

Плетневъ.

8 Сентября, 1845.

ПОЭЗІЯ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ.

(ИЗЪ ПРИГОТОВЛЕННОЙ КЪ ПЕЧАТАНІЮ КНИГИ: ТЕОРІЯ НАРОДНЫХЪ ВОЙНЪ).

I.

Корабль линѣйный и корабль разбойничій.—Армія и партизаны.—Большое сраженіе новѣйшихъ временъ. — Фридрихъ II и Наполеонъ. — Поле сраженія. — Партизанская жизнь.

Намъ кажется, что увеличилась бы масса людей, знающихъ что-нибудь полезное, и масса людей, чуждающихся порока, если бы наставники школъ и народовъ умѣли говорить воображенію. Притомъ есть предметы, недоступные разсудку безъ помощи воображенія. Къ такимъ предметамъ принадлежитъ партизанская война. Попытаемся познакомить съ нею читателя, дѣйствуя на его воображеніе.

Байронъ описалъ линѣйный корабль съ его балконами, позолочеными черезъ огонь, съ яркой живописью на кормѣ, съ гербомъ могучаго государства на флагѣ. Но описаніе холодно. За то сколько жара и блеска въ Байроновомъ описаніи разбойничьяго корабля и быта подъ его парусами! Корабль такъ не великъ, что когда поднимется на верхъ опѣненнаго вала, то издали кажется чернымъ волосомъ на сѣдой головѣ. Но жизнь подъ его парусами и кипитъ и бушуетъ съ дрожью любостяжанія въ рукахъ надъ грудой золота, съ паромъ

крови на абордажномъ топорѣ, съ влагою любви во взорахъ на полунагихъ плѣнницъ.

Поэтическое отношеніе между кораблями линѣйнымъ и разбойничьимъ то же, что между арміей и партизанами.

Къ движеніямъ и сраженіямъ арміи, однообразнымъ до утомленія, поэзія нейдетъ. Представимъ нѣкоторыя черты, общія большимъ сраженіямъ нашего времени; можетъ быть, красокъ станетъ на одну картину.

При первыхъ лучахъ утра, ядра поднялись надъ арміями въ видѣ черныхъ точекъ и сгустились надъ тѣми мѣстами, гдѣ, по мнѣнію артиллеристовъ, встрѣчи ядеръ съ людьми были вѣрнѣе и продолжительнѣе. Ядра уже провели по обѣимъ арміямъ много слѣдовъ, гдѣ длинныхъ, гдѣ широкихъ, но у сраженія еще нѣтъ имени. Жители того города, который дастъ сраженію свое имя, отворяютъ свои суды, свои лавки, не предчувствуя, что прежде вечера, въ ихъ городѣ, ядра будутъ давать свой судъ, а штыки — брать безъ платы. Будущія жертвы сраженія, передъ огнемъ бивакъ, ведутъ бесѣды для препровожденія времени, между-тѣмъ, какъ время приближается съ часомъ смерти; лошадь, оторвовавшись отъ коновязи, протянула морду къ бивачному огню, и грѣетъ свои ноздри, мокрыя и холодныя отъ ночной росы; а на той дорогѣ, которая послѣ сраженія будетъ тѣсна бѣгущимъ, прохожій вслушивается въ отдаленные перекаты грома,

чтобъ узнать, принадлежатъ ли они тучѣ, или артиллеріи.

Пѣхота вытянула колонны для нападенія на деревню, прикрывающую непріятеля. Чтобы облегчить нападеніе, артиллерія хочетъ зажечь деревню гранатами: однѣ изъ нихъ, спускаясь на деревню, кажутся стаями хищныхъ птицъ, садящихся на добычу; другія, лопнувшія на полетѣ, одѣвшись бѣлымъ дымомъ, походятъ на обрывки облака. Колонны двинулись; впереди колоннъ разсыпались застрѣльщики; они подкрадываются къ непріятелю, гдѣ пробираясь вдоль плетня, гдѣ теряясь въ опушкѣ рощи; остерегаются, чтобы паденіе луча на ружейный стволъ, крикъ птицы, спугнутой съ дерева, не открыли непріятелю приближенія застрѣльщиковъ; но младшіе изъ нихъ уступили нетерпѣнію услышать громъ своихъ ружей — и прежде времени начали перестрѣлку. Видны уловки застрѣльщиковъ, гдѣ перебѣгающихъ отъ куста къ кусту, гдѣ ползущихъ вдоль придорожной канавы, гдѣ хоронящихся за углами строенія... Одна колонна обходитъ деревню, прикрывающую непріятеля, другая коснулась края деревни: ружейный залпъ изъ оконъ, изъ-за плетней оттолкнулъ голову колонны. Колонна зашаталась, какъ отъ набѣга волнъ лодка, приставшая къ берегу. Офицеры смѣняютъ командныя слова криками увѣщанія; колонна выпрямилась, и всунула голову въ улицу деревни: топоры саперовъ рубятъ плетни; плеча нападающихъ выламываютъ двери; кровь на половицахъ и кровь въ колодцахъ...

Третья колонна, подъ непріятельскимъ огнемъ, переходитъ черезъ рѣку въ-бродъ; углубляется въ тѣснину; штыки, блестя надъ ея краями, видимо уменьшаются въ числѣ, отъ того ли, что солдаты опускаютъ ружья съ усталыхъ плечь, или отъ того, что смерть беретъ ружья у солдатъ. Вышедши изъ тѣснины, колонна развернулась, и отвѣчаетъ непріятельскому огню. Латники слѣдуютъ за третьей колонной; бродъ такъ углубленъ ея переходомъ, что лошади вязнутъ и съ трудомъ поднимаются на противный берегъ. Латники строятся позади третьей колонны; проскакиваютъ чрезъ промежутки ея батальоновъ; и вотъ каски наклоняются то направо, то налѣво, смотря по тому, справа или слѣва палашъ рубитъ пѣхоту.

Облако пыли и дыма разширилось надъ протяженіемъ обѣихъ армій, отъ того, что всѣ корпуса вступили въ дѣло. Мѣстами, уступая вѣтру, это облако открываетъ гдѣ ручную схватку, гдѣ батарею, уничтожающую батальоны. Какъ въ сраженіи флота съ флотомъ, по уничтоженіи корабля, остается на волнахъ нѣсколько обломковъ, такъ въ боевой линіи является промежутокъ, означающій мѣсто, гдѣ стояли уничтоженные. У сраженія уже есть имя; городъ, давшій его, исчезъ въ облакѣ сраженія, какъ въ кратерѣ волкана. Облако стало гуще; языки пожаровъ высунулись изъ него огромными факелами огромныхъ похоронъ; но оно не подается ни назадъ, ни впередъ отъ того, что еще нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣж-

денныхъ. Церковные колокола—то, вздрагивая отъ потрясенія въ воздухѣ, провожаютъ глухимъ звукомъ похороны тысячъ, то, ударяясь другъ въ друга отъ полета ядеръ, звучатъ рѣзкимъ набатомъ. Онъ, теперь вовсе ненужный для живыхъ, не призываетъ ли на войну погребенныхъ близъ церкви? И они, покорные набату, не хотятъ ли встать для сраженія (ибо могильные камни шевелятся)? Вдругъ въ оглушающіе звуки сраженія вмѣшался новый звукъ, знакомый немногимъ старымъ воинамъ — звукъ, заставившій дрожать и землю и сердце храбраго: гранаты проникли въ пороховые ящики; расколотыя доски, члены, оторванные у фурлейтовъ и упряжныхъ, подняты взрывомъ пороха, валятся на сражающихся, какъ будто на воздушномъ пути началось другое сраженіе, и его жертвы валятся съ его поля, какъ съ дерева осенніе листы.

Резервы, зрители сраженія, при видѣ успѣха испускаютъ радостныя восклицанія, при видѣ неудачи грозятъ криками и поднимаютъ оружіе, забывая, что, за дальностію непріятеля, крикамъ не дойти, оружію не поразить. Порою пороховой дымъ, брошенный вѣтромъ на резервы, окружаетъ кивера и конскія головы, и черезъ нѣсколько мгновеній теряется поверхъ пикъ и штыковъ. Позади резервовъ кости раненыхъ скрипятъ подъ пилами лекарей; артиллеристы прилаживаютъ новую ось, сколачиваютъ лафетъ, расколотый ядромъ. Вдали пики и ружейные приклады торопятъ безоружную толпу; одинакіе признаки скорби на ея лицахъ по-

казываютъ, что она постигнута одинакимъ бѣдствіемъ: это толпа военноплѣнныхъ.

На одномъ изъ возвышеній находится главнокомандующій: онъ то на ногахъ, на то на лошади; передъ нимъ развернута карта; въ рукѣ зрительная трубка. Всадники безпрерывно прискакиваютъ къ нему съ донесеніями; другіе, тоже безпрерывно, скачутъ по всѣмъ направленіямъ съ его приказаніями. Вѣра въ побѣду усиливалась отъ взглядовъ на эту высоту; а непріятельскіе полководцы съ чувствомъ боязни наводили на нее свои зрительныя трубки, когда на этой высотѣ стоялъ старикъ съ голубыми глазами, какихъ немного было у красавицъ его времени, съ длинной косой на сгорбленной спинѣ, съ чернымъ орломъ на звѣздѣ, или когда по этой высотѣ ходилъ взадъ и впередъ молодой человѣкъ, скрестя руки на груди, въ сѣромъ сертурѣ, въ маленькой треугольной шляпѣ: оба имѣли оригинальную позу, оба были близоруки какъ Александръ великій, оба обезсмертили тотъ народъ, въ которомъ они распоряжали сраженіями. При видѣ того и другаго въ думѣ о томъ, какъ ничего не предоставить случаю, какъ отнять у непріятеля данное ему счастіемъ или мужествомъ, древній поэтъ воскликнулъ бы: таково было чело Зевеса, чреватое Минервой!

Еще до начала сраженія, колонна, составленная изъ войскъ всѣхъ оружій, пустилась въ путь для обхода одпаго изъ непріятельскихъ фланговъ. Вечеръ уже не далеко; а она еще на пути: видимо

увеличивается безпокойство главнокомандующаго. Его посланные одинъ за другимъ торопятъ колонну; она ускоряетъ движеніе, означая свой путь изнемогшими людьми, захромавшими лошадьми. Наконецъ, по смятенію, обнявшему одинъ изъ непріятельскихъ фланговъ, по движенію войскъ, спѣшащихъ къ нему на помощь, стало явно, что флангъ обойденъ. Теперь настало рѣшительное мгновеніе: резервы двинулись на обойденный флангъ; они идутъ смѣло и гордо, зная, что на нихъ смотритъ вся армія, что отъ ихъ мужества зависитъ побѣда. Непріятельская пѣхота, въ развернутыхъ линіяхъ, съ ружьями, взятыми къ ногѣ, ждетъ, чтобъ нападающіе приблизились на такое разстояніе, на которомъ каждая пуля находитъ человѣка... дождалась... у нападающихъ нестало переднихъ взводовъ, остальные хотятъ залпомъ отвѣтить на залпъ; но тогда нападеніе потеряетъ свою силу; офицеры, генералы бросаются впередъ, чтобы увлечь своимъ примѣромъ... Нападающіе подаются впередъ медленно, отъ того, что задѣваютъ за трупы и скользятъ въ крови... Конница сдвинулась въ огромную массу, справилась въ сѣдлахъ, укоротила поводья и понеслась навстрѣчу непріятельской конницѣ; отъ лопанья гранатъ кивера летятъ на воздухъ, а кровь брызжетъ подъ копыта. На мѣстѣ встрѣчи обѣихъ конницъ поле кажется вспаханнымъ; жатва стала мелко-искрошенной соломой; головы падшихъ трещатъ, какъ на бивакѣ сырыя дрова. Лошадь выбилась изъ силъ, отрывая отъ себя зубами и копытомъ своего

всадника, который, падая отъ раны, запутался въ стременахъ; другая, раздраженная болью вывалившихся внутренностей, раздираетъ ихъ ногами и умираетъ, разбросавши по сторонамъ обрывки самой себя.

Между-тѣмъ колонна, совершившая обходъ, увеличиваетъ свои успѣхи, протягивается въ тылу непріятельской арміи. Рѣдко сила обстоятельствъ принуждаетъ полководца оспаривать побѣду до тѣхъ поръ, пока при знаменахъ есть солдаты. Въ такомъ положеніи находился Фридрихъ II, при Торгау, когда двинулъ на Австрійцевъ свои послѣдніе батальоны, послѣднюю надежду монархіи, и, отчаяваясь въ побѣдѣ, углубился въ сраженіе искать смерти. Такъ корабельный капитанъ, убѣдясь, что ему не одолѣть бури, бросаетъ свой рупоръ, складываетъ руки и ждетъ кораблекрушенія. Въ такомъ положеніи находился Наполеонъ, когда двинулъ на Веллингтоновъ центръ четыре батальона гвардіи, послѣдній остатокъ тѣхъ армій, въ главѣ которыхъ онъ мечталъ, что его *хочу* не престанетъ быть закономъ Европѣ. Два раза четыре батальона вскрикивали *побѣда*, два раза Англійская картечь унимала этотъ крикъ. Въ оба раза съ уменьшеніемъ четырехъ батальоновъ уменьшались замыслы, нѣкогда дерзкіе какъ время, обширные какъ земной шаръ. Четыре батальона гибли, отступая черезъ оврагъ, а Наполеонъ убѣждался, что черезъ этотъ оврагъ ему не перенести своего оружія, ему, хотѣвшему перенести оружіе черезъ Гималайскій

хребетъ! Побѣжденный полководецъ обыкновенно подаетъ впередъ свои резервы, чтобъ они, еще неутомленные, прикрыли отступленіе; велитъ конницѣ дѣйствовать наступательно, чтобъ уменьшить натискъ преслѣдованія, между-тѣмъ, какъ отступающая армія, свернутая въ густыя массы, походитъ на тучи, которыя, сбѣжавшись въ одно мѣсто и не осиля вѣтра, покидаютъ небо. Побѣдитель бросаетъ за отступающими всѣ свои легкія войска: кровь изрубленнаго канонера шипитъ на металлѣ пушки, разгоряченномъ выстрѣлами; проколотая рука роняетъ знамя, чтобы оно ветшало въ непріятельской столицѣ, какъ ветшаетъ лодка, брошенная на пустынномъ берегу. У побѣжденныхъ стыдъ отнятъ страхомъ; забыли, что бѣгство опаснѣе обороны: одни, побросавшись на суда, гребутъ ружьями; другіе кидаютъ оружіе, какъ корабль кидаетъ матроса, зараженнаго чумою. Артиллерія и обозы, поспѣшившіе на большую дорогу, вскорѣ перестали двигаться отъ тѣсноты и безпорядка. Нѣсколько раненыхъ ветерановъ, опершись на ружья, уже не заряженныя, уже съ нагнутыми штыками, смотрятъ на пораженіе своихъ, какъ на такой небесный бичь, послѣ котораго нечего губить земному бичу. Послѣ Кунерсдорфскаго пораженія, Фридрихъ II, стоя у воротъ однаго дома и безпрестанно нюхая свой Шпанскій табакъ, слушалъ выстрѣлы побѣдителей; порою вздрагивалъ отъ выстрѣловъ, какъ прохожій, наступившій на свистящую змѣю; а новыя сѣдины показывались на головѣ короля. Сидя въ придорож-

номъ винограднике, близъ отдыхавшихъ отъ Ватерлооскаго пораженія, Наполеонъ слушалъ выстрѣлы Англичанъ, послѣдніе изъ слышанныхъ имъ въ жизни; какъ волна, заснувшая на льду, душа была холодна отъ мысли, что побѣжденному завоевателю нѣтъ оправданія, что мщеніемъ сочтены его обиды; что онъ, отнимавшій у государей дворцы себѣ для ночлега, будетъ скитаться безъ пристанища, какъ облака, или, что онъ, завоеватель, самъ станетъ завоеваніемъ, и, не зная ни успокоенія между годиной трудовъ и часомъ смерти, ни наслажденія забыть или пережить враговъ, будетъ походить на такой памятникъ побѣдъ, который подпалъ подъ власть побѣжденныхъ, и былъ ими осмѣянъ, потомъ брошенъ годамъ на съѣденіе, ногамъ на попираніе. Различны были поученія, данныя Фридриху II и Наполеону выстрѣлами побѣдоноснаго непріятеля. Фридриха II они учили не писать сатирическихъ стиховъ на министровъ-стихотворцевъ, не говорить худо о женщинахъ, имѣющихъ арміи. Наполеона они учили, что изъ всѣхъ испытаній, посылаемыхъ судьбою великимъ людямъ, самое опасное заключается въ удобствѣ употреблять все свое могущество. И какое лучшее поученіе выстрѣлы побѣдоноснаго непріятеля могли подать полководцу, напоминавшему своими походами мореходца Кука, который переносился отъ однаго полюса къ другому, и, тѣснимый берегами земнаго шара, не находилъ моря для своихъ кораблей.

Наступленіе ночи, всегда благосклонной къ по-

бѣжденнымъ, унимаетъ преслѣдованіе; конница обтираетъ о траву окровавленныя сабли; пѣхота перебираетъ ружейные кремни; Конгревовы ракеты, казавшіяся днемъ сѣрыми ленточками, стали змѣями огненными и долгохвостыми, и, кажется, забавляются ныряньемъ въ воздухѣ, отъ того, что уже не находятъ людей, за которыми были посланы. Раненые припалзываютъ къ дорогѣ и ложатся по обѣимъ сторонамъ въ надеждѣ на скорѣйшую помощь. Задолго до полночи, то одинъ, то другой изъ боевыхъ звуковъ смѣняется плесканіемъ рѣки, смывающей кровь съ береговъ, стукомъ птичьихъ носовъ въ грудь латниковъ, храпомъ лошади, обнюхивающей своего всадника, какъ будто она хочетъ узнать, спитъ ли онъ сномъ временнымъ или вѣчнымъ. На разсвѣтѣ, когда отъ холодѣющаго вѣтра кровь застываетъ по краямъ ранъ, изъ груди труповъ выходятъ звуки глухіе, прерывные, какъ будто они извлечены были мучительнымъ сновидѣніемъ; приподнимается нѣсколько головъ, бросаетъ кругомъ себя взгляды медленные и нѣмые, падаетъ и тревожитъ ропотомъ послѣдней муки прахъ, оставленный сраженіемъ. Запахъ крови еще не замѣнился запахомъ труповъ. Уже сволочь, торопясь отъ однаго трупа къ другому, снимаетъ эполеты, спарываетъ позументы; мертвый приподнимается и протягиваетъ руку, съ которой живые сдергиваютъ кольцы; трупъ, лежавшій на боку, толчкомъ ноги положенъ навзничь; мундиръ на немъ разстегнутъ, и отъ мертвой груди стало холодно рукѣ, ищущей кошелька.

Два поэта нашего времени, Кёрнеръ и Давыдовъ, отвѣдали партизанской жизни. Первый называлъ ее дикой и дерзкой охотой; а второй — строфою изъ Байрона. Эта жизнь походитъ на повѣсть странную, какъ сонныя грезы больнаго: съ первыхъ страницъ смерть и разлука начинаютъ свои похищенія; на одной и той же страницѣ розы стерты грудью съ женской груди, и пальцы ищутъ на человѣческомъ тѣлѣ мѣста для желѣза; на каждой страницѣ явленія изъ дикаго быта разбойничьей шайки; это-то и составляетъ занимательность повѣсти, потому-что каждому изъ насъ, въ дѣтствѣ, нравились расказы о волшебникахъ и разбойникахъ; въ зрѣлыхъ лѣтахъ мы потеряли вѣру въ чудесное, но сохранили безотчетную склонность къ расказамъ о людяхъ, брошенныхъ страстями на путь всевозможныхъ опасностей. Нѣсколько дней партизанской жизни полнѣе происшествіями многихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ колоннахъ арміи и на ея бивакахъ. Эта жизнь переноситъ изъ однаго положенія въ другое, съ быстротою, не удивительною только въ сновидѣніяхъ. Каждый день приноситъ новыя судьбы, призываетъ къ усиліямъ противъ новыхъ опасностей. По избавленіи отъ нихъ становится понятною любовь Араба къ бѣгуну, долго носившему его по степямъ, любовь сѣвернаго варвара къ его мечу, который вмѣстѣ съ нимъ ложился на похоронный костеръ и сходилъ въ могилу.

Какому полководцу, даже изъ первостепенныхъ, не хотѣлось бы, чтобъ первые годы его во-

енной жизни были ознаменованы партизанскимъ молодечествомъ, подобно первымъ годамъ военной жизни Лаудона, Цитена, Суворова, Нея? Можетъ быть, самъ Наполеонъ, даже въ то время, когда государи привыкли называть его именемъ, даннымъ ему при крещеніи, не отказался бы отъ лишняго луча, приданнаго его славѣ партизанскими подвигами, совершенными въ то время, когда онъ еще любилъ свою плѣнную родину, еще мечталъ о возвратѣ въ бѣлый домикъ съ зелеными ставнями, съ пальмою передъ окнами, указующей тотъ домикъ плавателямъ, пристающимъ къ утесамъ Аяччіо. Если въ тѣ года̀, въ которые человѣкъ еще не знаетъ, чего ему желать, еще увѣренъ, что можетъ располагать своимъ будущимъ, какъ аристократъ своимъ льстецомъ, вы вполнѣ отвѣдали партизанской жизни; то памяти о ней не сожгутъ страсти и не сотретъ разсудокъ, потому-что она полна тревогъ и лишеній—а намъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, бѣды нашей молодости кажутся облакомъ легкимъ и свѣтлымъ; потому-что ни прежде, ни послѣ партизанской жизни, вы, связанные приличіями, законами, уже не испытывали такаго разгула жизни, уже не давали такой воли рукѣ—а жизнь была молода, рука была своевольна.

Воспоминанія о партизанской жизни срываютъ съ моей молодости туманы годовъ, уводятъ душу туда, гдѣ мнѣ часовому надежда рисовала на дымѣ непріятельскихъ биваковъ, гдѣ зарево дальняго сраженія мнѣ казалось зарею лучшихъ дней... Мнѣ

чудится, что молодость вернулась: рука хватилась оружія, ногѣ хочется въ стремя; душѣ по-прежнему тепло отъ боевыхъ надеждъ, какъ отъ ночей любви, и возстаютъ видѣнія изъ норы страстей, и я понимаю, отъ чего старый мореходецъ, увидя море, начинаетъ грустить о буряхъ, застававшихъ его еще юношу въ безлунныя ночи на затрепетавшемъ кораблѣ .. Скажите, чей конь топчетъ поле моего перваго сраженія? Дали ли новую тѣнь деревья, обрубленныя мною для бивачнаго костра? Скажите, гдѣ тѣ, которые вмѣстѣ со мною бросали оружію непріятеля свою молодость съ ея поединками, поздними ужинами, безумнымъ самонадѣяніемъ?.. Ласкаетъ ли ихъ счастіе, какъ подруга, или попираютъ они свои лучшія надежды равнодушно, какъ прохожій осенніе листья, и, подобно мнѣ, кругомъ обокраденные временемъ, завидуютъ тому, кто въ ранней молодости утолилъ честолюбіе дыханіемъ женщины... О, для чего говорить годамъ: *остановитесь!* когда нельзя сказать минувшему: *вернись!*

II.

Отдѣленіе партизановъ отъ арміи. Часовые, — пикеты, — курьеры. — Обозъ. — Фуражиры и мародеры. — Колонна и мостъ. — Тревога. — Контрибуція. — Зажигательство. — Взятіе госпиталя. — Шпіонъ.

При видѣ партизанскаго отряда, отдѣляющагося отъ своей арміи, раждается то опасеніе, которое тревожитъ при видѣ рыбачьей ладьи, выносимой моремъ изъ пристани навстрѣчу двумъ врагамъ: бурѣ и девятому валу. То одинъ, то другой

изъ партизановъ, при переходѣ черезъ сторожевую цѣпь своей арміи, приподнимается на стременахъ и повертываетъ назадъ голову, чтобы проститься съ знаменами своей арміи, зная, что долго ихъ не увидитъ, чтобы печально взглянуть на ея пушки, зная, что ему не миновать такихъ встрѣчь, при которыхъ онъ дорого бы далъ за выстрѣлы своихъ пушекъ.

На первой верстѣ, по переходѣ черезъ сторожевую цѣпь, начинается партизанская жизнь, и начальникъ уже въ думѣ, съ чего ему начать эту жизнь?

Вотъ по зелени опушекъ движутся взадъ и впередъ свѣтлыя точки: то штыки непріятельскихъ часовыхъ. Тамъ, въ туманѣ на холмѣ, что-то кажется другимъ туманомъ, болѣе темнымъ: то непріятельскій пикетъ. Бѣловатые круги дыма означаютъ непріятельскій бивакъ; въ сторонѣ отъ него, на отлогости возвышенія, чернѣются кривизны дорогъ; по одной изъ нихъ пыль несется густымъ столбомъ, а по другой чуть движется длинною грядою: столбъ поднятъ курьеромъ, а гряда длиннымъ непріятельскимъ обозомъ.

Осенняя буря, налетѣвши на рощу, не съ такой быстротой расхватываетъ упадшіе листья, съ какой фуражиры расхватывали стоги сѣна; сжали его веревками, а сжатое бросили на спины своихъ лошадей. Тамъ фуражиры тянутъ за собою коровъ веревками, накинутыми на рога, и ружейными прикладами понуждаютъ упирающихся; тупыми концами пикъ не даютъ воли овцамъ и домашнимъ

птицамъ; женщины съ умоляющимъ воплемъ идутъ за фуражирами; дѣти съ призывнымъ крикомъ бѣгутъ за женшинами; въ сторонѣ мужья и отцы стоятъ съ руками, поднятыми въ знакъ угрозы. На дорогѣ осталась кровь животныхъ, худо повиновавшихся прикладу и пикѣ, и кровь людей, не хотѣвшихъ добровольно уступить своего добра.

Вотъ каретная лошадь въ оглобляхъ, корова на пристяжкѣ, окровавленная концемъ понукающаго штыка, везутъ телегу, полную добромъ всякаго рода, взятымъ изъ дамской уборной и кухоннаго чулана. За телегой тянется толпа, напоминающая своими одеждами дикарей Океаніи, которые, надѣвши на голое тѣло фракъ или жилетъ, думаютъ походить на Европейцевъ. Одинъ изъ толпы въ киверѣ, но въ халатѣ, и больше походитъ на мѣшокъ, нежели на человѣка: столько бѣлья и платья набито у него за пазухой, подъ мышками, даже за спиной. Другой въ мундирѣ, но голова покрыта чѣмъ-то непохожимъ ни на колпакъ, ни на шляпу; ноги, за недостаткомъ сапогъ, всунуты въ краюшки хлѣба, изъ которыхъ вынутъ мякишъ; на палкѣ, лежащей на плечѣ, висятъ карманные часы, виситъ зарѣзанный гусь, развѣвается женское платье. У третьяго однимъ фартукомъ, отнятымъ у мастероваго, замѣнено все, чего недостаетъ къ одеждѣ. Почти каждый изъ толпы несетъ что-нибудь такое, въ чемъ, по его мнѣнію, онъ вскорѣ будетъ имѣть надобность: одинъ несетъ пустой штофъ, другой зонтикъ, третій веретено — лучшую замѣну вертела.

Лица обезображены багрянымъ цвѣтомъ разврата, синими пятнами буйства; ноги подгибаются отъ пресыщенія. То одинъ, то другой садится на землю; опираясь объ нее руками и качаясь со стороны на сторону, приподнимаетъ отяжелѣвшую голову, чтобы порадовать себя взглядомъ на свою ношу и на телегу. Такъ плотоядный звѣрь растягивается на землю съ недоѣденнымъ животнымъ въ лапахъ, съ его шерстію въ пасти, и одолѣваетъ сонъ, чтобъ еще полизать кровь добычи. Эти люди, которыхъ можно назвать кочующимъ порокомъ — мародеры. Они, вошедши въ деревню, прежде всего захватываютъ колокольню, чтобъ жители не ударили въ набатъ. Разсыпавшись для грабежа, выталкиваютъ хозяевъ на улицу, и въ слѣдъ за ними выбрасываютъ пожитки, ненужные мародеру; или огнемъ, приближеннымъ къ тѣлу, веревкой, сжимающей голову, спрашиваютъ хозяевъ: не схоронили ли они гдѣ свое имущество? Посуда, зеркала, мебель перебита, расколота для наслажденія видѣть, какъ разрушеніе слѣдуетъ за каждымъ взмахомъ руки, для наслажденія, похожаго на радость сумасшедшаго при видѣ людей, бѣгущихъ отъ его бѣшенства. Мародеры, опытные въ своемъ ремеслѣ, вымѣряютъ домà снаружи и внутри, чтобъ узнатъ, нѣтъ ли потаеннаго чулана; зная, что жители большею частію скрываютъ имущество подъ поломъ и въ погребахъ, они долго и крѣпко стучатъ въ половицы, прислушиваясь, не издаютъ ли онѣ глухаго звука, означающаго, что половицы были недавно подняты;

льютъ воду на дно погребовъ и внимательно смотрятъ, скоро или нескоро вода уходитъ въ землю: если скоро, то это знакъ, что земля недавно была взрыта. Пуля, облитая смолой и привязанная къ шнуру, открываетъ мародерамъ тайны колодцевъ: если въ колодцѣ ничего нескрыто, то къ пулѣ, опущенной на его дно, пристаетъ песокъ да илъ. По уходѣ мародеровъ, у дверей ограбленнаго дома лежала собака, убитая за оборону порога; въ дальнемъ углу огорода молоденькая дѣвушка произносила рѣчи несвязныя, какъ пѣсня сумасшедшаго, не сводила глазъ съ неба, какъ будто ей молоденькой уже нѐчего искать на землѣ; возлѣ стоялъ отецъ, пришедшій поздно—и ему кажется, что горесть о томъ, что онъ пришелъ поздно, не пройдетъ съ его смертнымъ часомъ.

Чего хотятъ партизаны? Передъ нами часовые и пикеты, курьеръ и обозы, фуражиры и мародеры.

Партизану некогда думать, потому-что для него время такъ дорого, какъ раненому дорогà его вытекающая кровь, какъ спасающемуся бѣгствомъ дорого то мгновеніе, въ которое онъ можетъ перевести духъ. Партизану некогда думать, потому-что онъ долженъ дать себя почувствовать прежде, нежели его увидятъ. Онъ, подобно стучащему маятнику, долженъ быть въ безпрерывномъ движеніи, сколько для собственной безопасности, столько же для нанесенія непріятелю бòльшаго вреда. Такъ Молукскія мели пагубны мореходцамъ отъ

того, что въ каждое легкое землетрясеніе передвигаются съ однаго мѣста на другое.

Чего хотятъ партизаны? Передъ нами часовые и пикеты, курьеръ и обозы, фуражиры и мародеры.

Надобно украсть часоваго для спроса о непріятелѣ: вотъ двое развили арканъ, завязали на его концѣ мертвую петлю, легли на землю—и, волоча арканъ, полѣзли ужами, вскочили: мертвая петля схватила часоваго; бѣгутъ назадъ, волоча его упавшаго навзничь; не заботятся о томъ, что каменья раздираютъ его спину; кусты, задѣтые плечами, хлыщутъ его по лицу, толчки объ деревья бросаютъ его изъ стороны въ сторону: для партизановъ довольно, если у часоваго станетъ жизни на нѣсколько отвѣтовъ. Надобно убить часоваго, потому-что онъ смотритъ въ ту сторону, куда ему не должно бы было смотрѣть, если бъ онъ хотѣлъ остаться въ-живыхъ. Но открытая мѣстность не позволяетъ къ нему подкрасться съ холоднымъ оружіемъ. Пуля достала бы его; но выстрѣлъ посадитъ на коней непріятельскую конницу. Надобно убить этаго часоваго, потому-что онъ продолжаетъ смотрѣть въ ту сторону, куда ему не должно бы было смотрѣть, если бъ онъ хотѣлъ остаться въ-живыхъ: вотъ послышался звукъ легкій, какъ звукъ струны, которую натягиваютъ; бѣлая черта прорѣзала воздухъ и исчезла близъ часоваго: онъ ударился лбомъ о землю, отъ предсмертной муки только успѣлъ укусить землю, а стрѣла, вонзившись въ спину, сто-

итъ надъ трупомъ, какъ будто въ замѣнъ могильнаго креста.

Съ медленностію и осторожностію старой женщины, идущей подслушивать, партизаны крадутся къ пикету. Напрасно пикетъ, для обороны отъ нечаяннаго нападенія, прикрылъ себя срубленнымъ деревомъ, опрокинутой телегой. Партизаны подкрались, обхватили со всѣхъ сторонъ и не дали дохнуть, подобно пулѣ, влетѣвшей прямо въ сердце, отъ которой человѣкъ вспрыгиваетъ, какъ будто пуля окрилила его, и два раза повертывается кругомъ самаго себя. Дѣти изъ ближней деревни приходили съ палками на то мѣсто, гдѣ стоялъ пикетъ, а вороны, обожравшіяся трупомъ, тщетно топырили отяжелѣвшія крылья, чтобы улетѣть отъ палочныхъ ударовъ.

Какъ совѣсть за убійцей, партизаны гонятся за курьеромъ, несутся во всю прыть. Онъ бросаетъ на дорогу золотые часы, полный кошелекъ, въ надеждѣ, что партизаны остановятся, чтобы поднять брошеное. Они громкими угрозами курьеру придаютъ бѣга своимъ лошадямъ, не берутъ въ сторону ни для старика, ни для ребенка, не останавливаются для помощи потоптанному товарищу. Догнали, приставили къ груди пистолеты въ замѣну словъ: отдай деньги!

Съ восклицаніями веселыми, какъ свадебная пѣсня, партизаны наскакали на непріятельскій обозъ; громко крикнули: стой—стой! Сабли, перерубившія постромки, пули, задѣвшія по ногамъ упряжныхъ,

принудили остановиться нехотѣвшихъ послушаться громкаго—стой—стой! Мука̀ и порохъ разсѣяны по полю; ящики съ зарядами, телеги съ печенымъ хлѣбомъ опростаны въ рѣку; опоздавшему не протѣсниться къ экипажамъ генераловъ. У каждаго пальца много дѣла: рѣжутъ чемоданы, раскалываютъ сундуки, мечутъ жеребей, дѣлятъ пригоршнями и охапками. Одинъ съ притворнымъ равнодушіемъ что-то хоронитъ въ рукѣ, дрожащей отъ радости. Другой, стиснувши добычу зубами, поднялъ обѣ руки для ея обороны. Добыча должна быть въ скоромъ времени обращена въ деньги, или брошена. Вотъ на улицахъ продаютъ галантерейныя вещи и солдатскій холстъ, экипажи и книги. То и другое замарано гдѣ порохомъ, гдѣ кровью; за то продавцы не дорожатся, особливо съ молоденькими покупщицами. И какъ дорожиться такимъ продавцамъ, которые отъ однаго слова *къ конямъ* оставятъ товары на улицѣ, или раздарятъ ихъ первымъ встрѣчнымъ! Какъ расточаетъ свои деньги старый богачь, думающій, что можно купить отнятое годами, такъ партизаны расточаютъ отнятое у непріятеля. Въ лучшемъ трактирѣ потолокъ взбрызнутъ пѣной; хозяйскія дочки хоронятся; карты падаютъ на-право и на-лѣво; а другой засыпаетъ, сжимая деньги, вырученныя за добычу, какъ будто боится потерять ихъ: пуля же, назначенная ему, можетъ быть, уже опущена въ дуло.

Яснымъ утромъ, въ деревнѣ, оставленной жителями, партизаны затопили жарко всѣ печи; при-

таившись въ ближайшей рощѣ, радуются густотѣ дыма; фуражиры и мародеры, увидѣвшіе этотъ дымъ, и увѣренные, что тамъ, гдѣ онъ вьется надъ трубами, должна быть добыча; нашли, наѣхали въ деревню со всѣхъ сторонъ. Разсыпавшись по деревнѣ, кличутъ хозяевъ, заглядываютъ въ печи, стучатся въ запертыя двери. Они еще кликали, заглядывали и стучались, какъ партизаны набѣжали на деревню. Дымъ еще вился надъ трубами, а смерть уже прошла по всей улицѣ и побывала за каждымъ порогомъ. Въ какое положеніе судьба ни поставила бы человѣка, онъ всегда найдетъ такія удовольствія, которыя свойственны только этому положенію, и кажутся другимъ людямъ странными, даже смѣшными: такъ партизанъ находитъ удовольствіе накормить свою лошадь отнятымъ у фуражировъ, хотя нерѣдко лошадь, мучимая голодомъ, обнюхавши кормъ, пятится отъ него, фыркаетъ и сапитъ, потому-что кормъ обрызганъ кровью. Такъ партизанъ находитъ удовольствіе послать себѣ на бивакѣ перину и положить подушки, отнятыя у мародеровъ, хотя знаетъ, что ему неудастся соснуть на нихъ, и что въ первую же ночь хищный звѣрь, вѣрный гость оставленныхъ биваковъ, полюбитъ перину и подушки.

По столбовой дорогѣ идетъ колонна непріятельской пѣхоты; артиллерія тянется въ срединѣ колонны. Партизаны показались на придорожныхъ высотахъ; но колонна не стѣснила своихъ рядовъ, не прибавила шагу, и, гордая, проходитъ мимо парти-

зановъ, какъ линѣйный корабль мимо непріятельской рыбачьей лодки, нестоющей пушечнаго выстрѣла; только изъ любопытства то одинъ, то другой повертываетъ голову, чтобы посмотрѣть на партизановъ; то одинъ, то другой громко произноситъ слово *разбойники:* обыкновенное ругательство, которымъ непріятельскія войска встрѣчаютъ и провожаютъ партизановъ. Голова колонны не ступила бы на этотъ мостъ, если бы знала, что̀ означаютъ груды опилковъ, прибитыя волнами къ берегу, если бы знала, обо что и кѣмъ притуплены двѣ-три пилы, забытыя подлѣ моста. Артиллерія, шедшая за головой колонны, ступила на средину моста; его столбы, надпиленные партизанами, обрушились въ воду. Отъ артиллеріи осталось нѣсколько водяныхъ круговъ, какъ будто для того описанныхъ встревоженной рѣкою, чтобы они, на нѣсколько мгновеній, означили то мѣсто, гдѣ погибла артиллерія. Долго колонна была нѣма, какъ лѣсъ зимою, а ружья на плечахъ долго дрожали, какъ посохъ въ одряхлѣвшей рукѣ.

Въ темную ночь партизаны набрали барабановъ, подскакали съ разныхъ сторонъ къ непріятельскому биваку — и ударили во всѣ. Непріятель, выброшенный испугомъ изъ шалашей, принялъ волненіе тумановъ за многочисленное войско: бьетъ шомполами пули, жжетъ фитили надъ пушками, не даетъ лошадямъ звенѣть удилами надъ кормомъ; а его часовые ждутъ разсвѣта, какъ ждетъ его лишенный сна преступленіемъ.

Вотъ непріятельскій городъ, знающій о войнѣ изъ однѣхъ газетъ. Онъ богатъ, и съ безпечностью мирнаго времени торгуетъ въ лавкахъ и расхаживаетъ на бульварахъ. Инвалиды, дремлющіе у его воротъ, знаютъ употребленіе ружья и штыка по однимъ воспоминаніямъ. Вдругъ легкая конница вскочила въ городскія ворота и наказала инвалидовъ за сопротивленіе прикладами ихъ собственныхъ ружей. Конница скачетъ по улицамъ; мущина, женщина, разсмотрѣвши ея мундиръ, то вскрикнетъ, то всплеснетъ руками, и спѣшитъ схорониться. Конница стала на главной площади съ саблями наголо, съ пиками на-перевѣсъ. Нѣсколько конниковъ спѣшилось; ихъ шпоры и сабли звенятъ по ступенямъ лучшихъ домовъ. Солнце играетъ на бронзѣ и серебрѣ отпертыхъ лавокъ; шляпы чернѣются на бульварныхъ скамьяхъ, но въ лавкахъ нѣтъ ни продавцевъ, ни покупающихъ, а на бульварѣ одни дѣти, плачущія отъ того, что забыты матерями. Жители изъ лучшихъ домовъ приведены къ начальнику конницы. Съ тѣмъ удивленіемъ, при которомъ внезапное несчастіе кажется сновидѣніемъ, они выслушиваютъ рѣчи начальника конницы: «городъ долженъ въ тридцать минутъ доставить *столько-то* кусковъ сукна, холста; заплатить *столько-то* денегъ; не то, при наступленіи тридцать первой минуты, городъ будетъ зажженъ и преданъ грабежу: мы партизаны». Начальникъ вынулъ часы и замѣтилъ минуту приказанія. До наступленія тридцать первой минуты, партизаны выѣзжаютъ изъ города съ сукномъ и

холстомъ на телегахъ, съ мѣшками денегъ на вьючныхъ лошадяхъ.

«Соломы! больше соломы! если найдете щепокъ, стружекъ — все сюда!» кричалъ начальникъ партизановъ, между-тѣмъ, какъ не вдалекѣ еще отстрѣливался отступающій непріятель. Сотни рукъ, снявши сабли и кивера, принялись исполнять приказаніе. Начальника тревожитъ опасеніе, что непріятель воротится прежде, нежели этѣ сотни рукъ успѣютъ наносить соломы. Но больше, нежели непріятеля въ превосходныхъ силахъ, начальникъ боится приближающейся тучи. «Больше соломы! непріятель сбирается, туча находитъ... Даю по червонцу за каждую охапку!... Пулю въ голову и старика и женщины, если вздумаютъ не давать соломы!» — «Пощадите! вѣтеръ дуетъ прямо на наши домы!» говорятъ столпившіеся жители. Сотни рукъ обложили грудами соломы какія-то длинныя деревянныя строенія. «Огня! со всѣхъ сторонъ огня! непріятель и туча близко.» — «Наши далеко, туча беретъ въ-сторону, а вѣтеръ дуетъ прямо на наши домы. Пощадите!» — Солома вспыхнула. — «Къ конямъ! садись! пики на перевѣсъ острымъ концемъ, и прямо въ грудь бейте старика и женщину, если осмѣлятся тушить пожаръ!» Вѣтеръ поднялъ пламя выше кровли и наклонилъ его на ближайшіе домы; птицы съ горящими крыльями полетѣли зажигать. Есть два могучіе звука — и если вы видѣли, какъ они дѣйствуютъ на человѣка, то вы видѣли горесть: первый звукъ даютъ гробовыя доски, когда онѣ, опу-

скаясь въ могилу съ лучшимъ другомъ, ударятся объ ея дно. Другой звукъ даютъ хлѣбныя зерны въ обхваченной пожаромъ житницѣ, единственной надеждѣ отца семейства. Партизаны испустили радостный крикъ, услышавши трескъ хлѣбныхъ зеренъ въ длинныхъ деревянныхъ строеніяхъ. Теперь ни непріятель въ превосходныхъ силахъ, ни туча съ ливнемъ не отнимутъ у пожара хлѣбныхъ магазиновъ, стоившихъ непріятелю долговременныхъ усилій и огромныхъ суммъ.

Люди въ однѣхъ рубашкахъ, или закутавшіеся одѣялами, простынями, среди бѣла-дня, торопятся на городской улицѣ, хватаясь за заборъ и стѣны; потому-что у нихъ подгибаются ноги: то больные и раненые, чѣмъ-то выгнанные изъ гошпиталя. Другіе, оставшіеся въ гошпиталѣ, загораживаютъ двери столами, кроватями, и испытываютъ, какое оружіе будетъ по ихъ силамъ. У тѣхъ и другихъ одна мысль: намъ пощады не будетъ. Отчаянье придаетъ свою блѣдность къ блѣдности, наведенной на ихъ лица болѣзнями или ранами. Младшіе произносятъ такія прощанія, такія имена, какихъ они еще не произносили въ опаснѣйшихъ сраженіяхъ, сберегая въ памяти тѣ прощанія, тѣ имена для услажденія ими своего смертнаго часа. Между-тѣмъ боевые крики и конскій топотъ приближаются къ гошпиталю; жители, подошедшіе къ окнамъ изъ любопытства видѣть скачущую конницу, боязливо говорятъ другъ другу: это партизаны — и, печально взглядывая на больныхъ и раненыхъ, повторяютъ

съ содроганіемъ: имъ пощады не будетъ... Одни изъ настигнутыхъ партизанами подняли руки для обороны головъ, подняли молча, съ тѣмъ страннымъ чувствомъ, съ которымъ приговоренный быть разстрѣлянымъ, тоже молча, кладетъ руки на свою грудь. Другіе испустили крикъ, испускаемый человѣкомъ, когда онъ, почувствовавши оружіе убійцъ, хочетъ придать своему послѣднему крику и силу обороны и силу моленія о жизни... Въ самомъ дѣлѣ, вспомнятъ ли партизаны, овладѣвшіе гошпиталемъ, что они воины, а не привилегированные убійцы? Уже ли достанетъ безчеловѣчія дать шпоры своей лошади для того, чтобъ она копытомъ зашибла воина, прижатаго болѣзнію къ постели, и которому, въ бреду горячки, поднятая рука убійцы кажется рукою подающаго помощь, и онъ, вмѣсто словъ о пощадѣ, вышептываетъ слова благодарности? Уже ли достанетъ безчеловѣчія поразить воина, за то, что онъ, не смотря на свою незалеченную рану, еще хочетъ сразиться, поразить тогда, какъ у него отъ напряженія силъ открылась та рана, и онъ прежде удара, исходя кровью, валится на оружіе, поднятое имъ для обороны?

Близъ дороги, въ древесной чащѣ, притаились партизаны; мимо ихъ проходятъ непріятельскіе обозы, солдаты, офицеры, отставшіе отъ колоннъ; но партизаны не берутся за оружіе: у нихъ на умѣ не добыча, не сраженіе, а убійство однаго человѣка. Онъ никогда не бралъ оружія въ руки; партизаны никогда не встрѣчались съ нимъ; не знаютъ ни его

званія, ни его имени; но заплатили много денегъ за извѣстіе, что онъ пойдетъ этой дорогой; хотятъ его жизни, какъ побѣды, и право лишить его жизни готовы защищать, какъ свою собственную жизнь. Часы бѣгутъ; но партизаны все таятся въ лѣсной чащѣ, все съ убійствомъ на умѣ. Порой, отъ возрастающаго нетерпѣнія, то одинъ, то другой беретъ листъ бумаги—и, чтобъ узнать *его*, ожидаемую жертву, съ перваго взгляда, учитъ наизусть, какіе у него волосы и глаза, какаго покроя и цвѣта его платье. То одинъ, то другой подходитъ все къ одному и тому же дереву, чтобъ испытать, крѣпокъ ли одинъ и тотъ же толстый сукъ; близъ того дерева на землѣ лежитъ веревка и дощечка съ надписью, заключающеюся въ одномъ словѣ... Наконецъ *онъ* идетъ... схваченъ за руки и за ноги... Ему много разъ снилась эта встрѣча, и въ просонкахъ одна его рука отрывала веревку отъ шеи, а другая вынимала изъ груди не меньше *четырехъ* пуль *. Къ мысли, что та веревка, или этѣ пули возьмутъ его жизнь, онъ привыкъ, какъ мореходецъ къ шуму волнъ. Одолѣвши страхъ смерти жадностію къ деньгамъ, онъ продалъ свой каждый лишній шагъ, свой каждый внимательный взглядъ за деньги большія и чистыя, и потому приневолилъ себя не остонавливать шаговъ, не опускать глазъ посреди такихъ людей, которые немедленно убили бы его, какъ скоро узнали бы, зачѣмъ онъ къ нимъ пришелъ.

* Для разстрѣливанія употребляется не меньше четырехъ человѣкъ.

Теперь онъ, схваченный за руки и за ноги, однимъ бѣглымъ взглядомъ счелъ напавшихъ на него, и отъ сознанія, что ему не спастися, отдалъ руки на ихъ волю; бросилъ другой бѣглый взглядъ, чтобы узнать, чѣмъ отнимутъ у него жизнь; больше нечего было ему узнавать въ этомъ мірѣ, и потому онъ потрясъ головою, чтобы шляпа сдвинулась на глаза; прошепталъ одно слово *скорѣе*... не шевельнется; только концы вставшихъ волосъ дрожатъ листьями осины. Платокъ сорванъ съ его шеи, воротникъ отрѣзанъ, мертвая петля накинута на шею и переброшена черезъ толстый сукъ; на груди повѣшена дощечка съ надписью, заключающеюся въ одномъ словѣ. Въ тотъ же день кто-то хладнокровно проходилъ мимо трупа, какъ мимо обыкновеннаго явленія войны. Глаза случайно упали на надпись изъ однаго слова. Тяжелая дума остановила шаги и наклонила голову; рука медленно опустилась въ карманъ за деньгами; онъ было-хотѣлъ продолжать свой путь, но, взглянувши на надпись изъ однаго слова, онъ бросилъ деньги къ ногамъ трупа и не продолжалъ пути, а сердце билось отъ радости, что онъ оставилъ ремесло, осыпающее деньгами, но столько же далекое отъ добродѣтели, сколько близкое къ смерти. «Въ нашемъ лѣсу какой-то прохожій повѣшенъ, безъ сомнѣнія, мародерами. Похоронимъ же несчастнаго!» говорили другъ другу жители ближней деревни. Съ досками для гроба, съ холстомъ для савана, они пришли къ повѣшенному; прочитавши надпись, бросили къ его ногамъ доски

и холстъ — и воротились домой. Хищные звѣри, теребя трупъ, сорвали съ него дощечку, а дожди смыли съ нея слово: *шпіонъ*.

III.

Партизанскія сраженія. — Лошадь и всадникъ. — Партизанскій походъ. — Предосторожности. — Зрѣніе и слухъ. — Опасности. — Развѣдываніе, — слѣдствія. — Погребеніе Кёрнера.

Не барабаны, не трубы, но одно слово, иногда тихое какъ шепотъ, одно условленное движеніе руки бросаютъ партизановъ въ сраженія: у этихъ сраженій нѣтъ тѣхъ кавалерійскихъ атакъ, отъ которыхъ земля хочетъ провалиться; нѣтъ того пушечнаго грома, который кажется негибельнымъ только для могилъ; нѣтъ ни музыки, уменьшающей любовь къ жизни, ни знамени, напоминающаго объ отечествѣ, ни дыма, заслоняющаго смерть. То сраженія въ глубокомъ оврагѣ, на берегу потока, подъ тѣнью дремучаго лѣса; сраженія безыменныя, какъ такая могила, черезъ которую уже проложена тропинка. Собака, полюбившая походную жизнь, часто бываетъ единственнымъ свидѣтелемъ мужества: въ сторонѣ отъ сраженія, сидя на заднихъ лапахъ, она лаетъ на приближающихся къ ней непріятелей, ворчитъ на пулю, свиснувшую подлѣ ея уха; поворачиваетъ голову направо, налѣво, слѣдуя за движеніями своего господина; вдругъ вскочила съ визгомъ, отъ того ли, что копыто или свинецъ задѣли ее, или отъ того, что увидѣла паденіе свое-

го господина. Звуки партизанскаго сраженія и смрадъ его поля часто не доходятъ до ближайшей дороги, до ближайшаго жилья; собака, принадлежавшая одному изъ падшихъ, много разъ выбѣгала на дорогу, добѣгала до жилья, и лаемъ звала на помощь, но каждый разъ возвращалась одна и клала для отдыха свою голову на грудь падшаго. Такъ на поля многихъ сраженій, данныхъ Русскими партизанами, люди не приходили съ молитвами и заступами; но металлическіе крестики, которыми Русскія матери благословили сыновей въ походъ, ржавѣютъ на тѣхъ поляхъ съ тою таинственною силою, съ которою свѣтятся на полѣ жатвы брызги святой воды, призывающіе на него Божіе благословеніе. Арміи въ своихъ сраженіяхъ, будучи связаны поэскадронно, побатальонно, повторяя одни и тѣже движенія, походятъ на такія машины, которыя то испускаютъ облака дыма, то поднимаютъ облака пыли; но сраженія партизановъ, подобно Гомеровымъ, дробятся на рядъ поединковъ, требуютъ большаго мужества, большаго искуства владѣть конемъ и оружіемъ—и простому воину даютъ его часть въ побѣдѣ. Вы видите, какъ всадники сталкиваются, гривы ихъ лошадей смѣшиваются, какъ сабля быстрыми движеніями обманываетъ глаза, устремленные на нее; вы замѣчаете, какъ робость убавляетъ роста у покорившихся ей; вы чувствуете, какъ глаза противника, горящіе отъ гнѣва, зажигаютъ вашу кровь, потому-что глаза, горящіе отъ гнѣва, заразительны.

Лошадь и всадникъ, два существа, поставленныя природою на такомъ дальнемъ разстояніи одно отъ другаго, сближаются на партизанской войнѣ, больше, нежели въ Аравійскихъ степяхъ: партизанъ и его лошадь, постоянно неразлучные, постоянно нуждающіеся во взаимной помощи, скоро начинаютъ понимать другъ друга. Онъ чувствуетъ въ себѣ бо́льшую смѣлость при смѣломъ ходѣ своей лошади; изъ сожалѣнія къ ней уставшей, часто идетъ пѣшкомъ, пока держатъ ноги; превозмогая голодъ, отдаетъ ей весь свой хлѣбъ. Она, въ доказательство своей привязанности къ нему, выпрямляетъ уши и бьетъ землю при его приближеніи; растянувшись подлѣ него на бивакѣ, жмется къ нему мордой. Въ темную ночь, на незнакомой дорогѣ, она присвоиваетъ себѣ власть, данную человѣку разсудкомъ: беретъ въ-сторону при встрѣчѣ съ деревомъ; пятится, ступивши на край оврага, храпомъ извѣщаетъ о своемъ намѣреніи перепрыгнуть черезъ ровъ. Смотрите, какъ бережно она ступаетъ, какъ неподвижно держитъ шею, опасаясь уронить или разбудить всадника, положившаго ей на шею свою голову, отягощенную сномъ. Ему заблудившемуся сто́итъ только опустить поводья: лошадь ржаніемъ даетъ знакъ, что она поняла, для чего опущены поводья; добровольно прибавляетъ шагу, смѣло выбираетъ дорогу— и не ошибется въ поворотѣ.

Нѣтъ столь подробной карты, чтобы партизаны могли находить на ней свои пути. Дорога, расходящаяся въ противоположныя стороны, приводитъ ихъ

въ недоумѣніе: ни на той, ни на другой дорогѣ нѣтъ признаковъ опасности; но легко можетъ быть, что лишній шагъ по одной изъ нихъ тоже, что лишній шагъ звѣря, подбѣжавшаго къ западнѣ. Такъ въ Русскихъ сказкахъ дорога дѣлится передъ богатыремъ: одна ведетъ направо, другая налѣво — на одной ждетъ плѣнъ у чародѣя, или смерть до орошенія живой водою, а на другой мыльня съ восточными благовоніями и невѣста, всегда красавица, всегда царская дочь. Партизаны не меньше волка любятъ глухую ночь; поселяне, пробужденные конскимъ топотомъ, подходятъ къ окнамъ и крестятся, принимая всадниковъ, движущихся во мракѣ, за привидѣнія изъ своихъ сказокъ; лошади фыркаютъ и грызутъ удила отъ нетерпѣнія достигнуть ночлега: партизаны продолжаютъ путь, пока ночь темна. Туманы, волнуясь во мракѣ, тамъ принимаютъ видъ часовыхъ, гдѣ можетъ находиться только непріятельское войско, то протягиваются въ видѣ глубокаго оврага, то поднимаются въ видѣ крутой горы: партизаны продолжаютъ путь, пока ночь темна. Дорога такъ схоронилась, что передніе ищутъ ее ощупью, передавая заднимъ свои предостереженія, или не смѣя передавать ихъ, отъ того, что не знаютъ, кѣмъ разведены огни, видимые вблизи. Обрадовавшись найденной дорогѣ, партизаны дали шпоры лошадямъ; лошади ступили на непріятелей, спящихъ на бивакѣ кругомъ потухшихъ костровъ; пробудившіеся кричатъ своимъ часовымъ, что лошади оторвались отъ коновязи и ходятъ по биваку, а

партизаны продолжаютъ путь, пока ночь темна. За то появленіе луны бросаетъ ихъ, какъ хищнаго звѣря, въ лѣсную чащу Партизаны знакомятся съ путями вора и, почти всегда, только издали смѣютъ смотрѣть на тѣ дороги, по которымъ ходятъ люди, не имѣющіе умысла на жизнь и на имущество встрѣчныхъ. Зная, что зелень опасный коверъ для человѣка, боящагося погони, партизаны покидаютъ зелень луга для пути черезъ болото; но жерди, скленныя болотнымъ мхомъ, ломаются отъ копытъ; къ-счастію лѣсъ близко; партизаны рубятъ деревья, волокутъ ихъ арканами — и мостъ вылетѣлъ изъ лѣса и протянулся черезъ болото. Зная, что для того, кто на пути можетъ погибнуть отъ одной нежданной встрѣчи, переходъ черезъ рѣку по мосту опаснѣе перехода вплавь, партизаны взяли въ-сторону отъ моста, принудили лошадей съѣхать на заднихъ ногахъ съ берега; ухватясь правыми руками за конскія гривы, поднимая лѣвыми оружіе, падаютъ съ сѣделъ на рѣку — и часто имъ, поднявшимся на противный берегъ, некогда стряхнуть воду, а ядро, пущенное въ-догонку за ними, прыгаетъ по рѣкѣ, поднимая блестящую пѣну; утомясь отъ прыжковъ, оно рѣжетъ волны, привстаетъ надъ ними и уходитъ на дно. Увидя столбъ пыли, несущійся по дорогѣ, партизаны быстро готовятся какъ къ смѣлому нападенію, такъ и къ малодушному бѣгству—и ждутъ, что̀ явится съ приближеніемъ столба: до быча, или погоня, или одна пыль, поднятая разыгравшимся вѣтромъ. Такъ морской разбойникъ

смотря на показавшееся вдали бѣлое пятно, ждетъ, чѣмъ оно станетъ въ своемъ приближеніи: парусомъ ли корабля купеческаго или военнаго, или только клокомъ пѣны на головѣ вала.

Къ обыкновеннымъ военнымъ осторожностямъ партизаны присоединяютъ всѣ осторожности разбойничьей шайки: не остонавливаются длд отдыха на мѣстахъ открытыхъ, особливо въ такомъ мѣстѣ, которое можно видѣть съ одной изъ окрестныхъ колоколень, потому-что непріятель и шпіоны предпочтительно избираютъ колокольни для своихъ наблюденій. Партизаны рѣдко осмѣливаются ночевать на одномъ мѣстѣ два раза сряду; разложивши огни для сваренія ужина, не остаются при нихъ на ночь, какъ бы она ни была холодна, а испытавшіе жизнь на бивакахъ знаютъ, какъ благодѣтеленъ и тотъ огонекъ, который едва выглядываетъ изъ золы. Иногда вырываютъ ямы, бросая землю въ ту сторону, въ которой долженъ находится непріятель, и въ этѣхъ ямахъ раскладываютъ огни для сваренія ужина; почти всегла спѣшатъ утолить свой голодъ, какъ люди, принимающіе пищу для того только, чтобъ быть въ состояніи перенести физическій трудъ, или одолѣть близкую опасность. Расположившись на ночлегъ, партизаны берутъ подъ стражу жителей, приблизившихся къ сторожевой цѣпи; попавшись въ узкій промежутокъ непріятельскихъ колоннъ, хоронятся, подобно пресмыкающемуся животному, когда оно боится быть раздавленнымъ; тогда часовые ползкомъ достигаютъ

своихъ мѣстъ—и, уже подумавши, приподнимаютъ головы выше кустарника, или протягиваютъ головы изъ-за угловъ оставленнаго строенія, и условленными знаками даютъ знать о движеніяхъ непріятеля. Тогда приближеніе къ сторожевой цѣпи партизановъ приноситъ смерть и собакѣ и человѣку: одинъ наломалъ вѣтвей и прикрылъ ими мертваго старика, потому-что голова старика напоминала ему голову отца, также сѣдую и наклоненную; другой, снявши съ лошади попону, медлилъ опустить ее на дѣвушку, жалѣя о томъ, что она принадлежала не ему, а могилѣ.

Почти каждое поле своей побѣды партизаны оставляютъ съ такою поспѣшностію, какъ будто оно жжетъ имъ ноги; такъ шибко бѣгутъ отъ него, какъ будто боятся, что убитые ими встанутъ для погони. Но прежде бѣгства тщательно осматриваютъ, нѣтъ ли между падшими непріятелями такихъ, у которыхъ достанетъ силы сказать, или указать, въ какую сторону ускакали партизаны. Хотя на лицахъ падшихъ непріятелей уже водворилось спокойствіе смерти; но партизаны поворачиваютъ ихъ съ боку на бокъ, то тупымъ, то острымъ концемъ пики, для удостовѣренія въ томъ, что ни одинъ не притворяется. Лице раненаго уже приняло матовую бѣлизну воска, но судорожное движеніе ноздрей, подергиваніе концевъ рта, клокъ волосъ на лбу, еще влажный отъ пота, показываютъ остатокъ жизни — и этотъ остатокъ отнятъ. Партизаны пристрѣливаютъ своихъ лошадей, легко ра-

пеныхъ, или изнемогшихъ отъ усталости: а то непріятель, догадавшись, чьи это лошади, задастъ имъ корму, перевяжетъ имъ раны, и сядетъ на нихъ для отысканія партизановъ: ибо вѣрныя животныя, неся непріятелей, давшихъ имъ волю, берутъ въ ту сторону, куда ушли партизаны, и ржаньемъ сказываютъ о ихъ близости.

Партизанская война быстро улучшаетъ слухъ и зрѣніе, потому-что безпрерывно ставитъ человѣка въ положеніе волка, который, выбѣжавши на добычу, вдругъ почуялъ и собакъ и порохъ; обданный холодомъ, сѣлъ на заднія лапы, поднялъ морду, расправилъ уши—и силится зрѣніемъ и слухомъ повѣрить обоняніе. Партизаны долго пытаютъ глазами опушку лѣса: не движется ли въ ней, не темнѣется ли въ ней чего непринадлежащаго ни дереву, ни звѣрю? Боязливо поднимается указательный палецъ отличившаго на опушкѣ лѣса что-то красное; глаза спрашиваютъ у глазъ товарища: это красное — листья ли осины, или пятна крови, или воротникъ мундира? Разсматриваютъ дорожные слѣды, какъ скупецъ подозрительную монету: свѣжіе ли они, или нѣтъ? Глубоко ли втоптаны листья, упадшіе съ дерева на дорогу? Если глубоко, то это значитъ, что многочисленное войско прошло по дорогѣ; а ночью, отъ пристальнаго устремленія глазъ въ глубину мрака, показывается въ немъ именно то, чего нехочется увидѣть: что-то шевелится въ сторонѣ и позади... что то недающее шороха торопится догнать... уже подлѣ плеча — и не даетъ

отвѣта, чтобы по крайней мѣрѣ по голосу можно бы догадаться, съ добромъ, или съ худомъ оно торопилось догнать. Послѣ громкаго *кто ты*, послѣ сказаннаго съ угрозой *дашь ли отвѣтъ?* рука хватается за оружіе для сраженія, обыкновеннаго только на партизанской войнѣ, для сраженія, на которомъ человѣкъ падаетъ, не видя того, кто его поразилъ, не зная, откуда пришелъ ударъ, и только по наступившей тишинѣ побѣдитель узнаетъ о своей побѣдѣ. Остановившись на походѣ, партизаны долго вслушиваются, не коснется ли уха какой другой звукъ, кромѣ стихающихъ отголосковъ отъ топота ихъ лошадей; не вмѣшается ли въ шумъ вѣтра, въ говоръ лѣса звукъ того языка, на которомъ говоритъ непріятель; а ночью, вслушиваясь, ждутъ, не измѣнитъ ли тому ночная тишина, кого скрываютъ ночные мраки? Отъ напряженнаго вслушиванья начинаютъ чудиться звуки смѣшанные, непонятные; глаза устремляются въ даль, какъ будто они могутъ помочь слуху въ распознаніи звуковъ. Такъ, ночью, въ вѣтрѣ, перебегающемъ черезъ кладбище, суевѣрному чудятся таинственные голоса, и онъ, одолѣвая страхъ любопытствомъ, ждетъ, не скажутъ ли они чего о тайнахъ другаго міра.

При всѣхъ осторожностяхъ воина и разбойника, партизанская война ни что иное, какъ поединокъ съ враждебнымъ случаемъ, который то заводитъ въ промежутокъ непріятельскихъ колоннъ, столь тѣсный, что ржаніе одной лошади можетъ погубить весь отрядъ, столь тѣсный, что надо завязать рты

раненымъ, немогущимъ удержать стона; то подводитъ къ непріятельской артиллеріи, такъ близко, что спасеніе зависитъ отъ того, взглянетъ ли, или не взглянетъ непріятельскій часовой въ ту сторону, гдѣ крадутся партизаны; то бросаетъ навстрѣчу кавалеріи, посланной для истребленія партизановъ—и если этотъ кавалеристъ, заносящій ногу въ стремя и смотрящій на партизановъ, узналъ ихъ; то имъ надобно, чтобъ у ихъ лошадей не было шороху, какъ у птицъ, слѣда, какъ у падучей звѣзды; надобно тѣнью бѣгущаго облака перенестись черезъ рѣку: не то въ непріятельскихъ газетахъ будетъ хвастливая реляція о совершенномъ истребленіи партизановъ. Чѣмъ неодолимѣе кажется опасность, тѣмъ неотступнѣе глаза каждаго устремляются на начальника, чтобы, по его лицу, тѣлодвиженіямъ, узнать, есть ли надежда? Какая-то особенная способность, болѣе похожая на инстинктъ, нежели на разсудокъ, подсказываетъ средства спасенія. Радость, по выходѣ изъ опасности, бываетъ такъ сильна, что одинъ обѣими руками хватается за сердце, чтобъ унять его трепетаніе; другой медленно переводитъ дыханіе, какъ человѣкъ, который, отъ страха долго удерживая дыханіе, чувствуетъ необходимость возобновить воздухъ въ своихъ легкихъ; шумный говоръ, пѣсни беззаботныя, какъ пѣсни въ мастерской простолюдиновъ, быстро слѣдуютъ за глубокимъ молчаніемъ и торопливыми движеніями.

Чѣмъ продолжительнѣе, удачнѣе поиски парти-

зановъ, тѣмъ бо̀льшихъ потерь сто̀итъ имъ каждый поискъ, тѣмъ опаснѣе становится ихъ положеніе; ибо непріятель, встревоженный ихъ успѣхами, усиливаетъ прикрытія своихъ обозовъ и курьеровъ, гошпиталей и магазиновъ; учащаетъ посылками легкой кавалеріи для истребленія партизановъ; усугубляетъ плату шпіонамъ; доставши описаніе примѣтъ начальника, даже его офицеровъ, разсылаетъ это описаніе по городамъ и селеніямъ, съ обѣщаніемъ жителямъ денежныхъ наградъ за помощь въ истребленіи партизановъ — словомъ, беретъ противъ нихъ всѣ мѣры, какія беретъ мѣстное начальство противъ разбойничьей шайки, какія берутъ поселяне противъ звѣря, уменьшающаго стада. Все чаще пыль погони ложится на головы партизановъ, наклоненныя къ сѣдельнымъ лукамъ; все чаще они бросаютъ на пути бѣгства свою добычу, какъ купеческій корабль, настигаемый разбойниками, бросаетъ въ море товары, чтобы облегчить свой ходъ. Раненый, зная, что ему негдѣ пріютиться, залѣпливаетъ рану сапожнымъ варомъ и держится на лошади, пока можетъ; но вскорѣ она, съ сѣдломъ на боку, цѣпляясь звенящими стременами за придорожные кусты, догоняетъ свой взводъ. Все чаще партизаны, уходящіе отъ погони, походятъ на робкаго звѣря, найденнаго неотвязчивой стаей, и падающаго полуживымъ на свою нору. Прилегши для отдыха, все рѣже чувствуютъ наслажденіе увѣренности, что непріятель не потревожитъ ихъ; во снѣ же видится дурное: чей-то голосъ сказы-

ваетъ непріятелю, гдѣ заснулъ партизанъ; чьи-то руки отпоясываютъ у него саблю, вынимаютъ пули изъ его пистолетовъ; копыта погони становятся на спину, а какая-то враждебная сила приневоливаетъ ползти. Отправленіе людей для развѣдыванія о непріятелѣ становится отправленіемъ людей на вѣрную гибель; опасеніе за нихъ увеличивается съ уменьшеніемъ топота ихъ лошадей; они уже скрылись изъ глазъ, но товарищи еще смотрятъ въ-слѣдъ за ними; можетъ быть, слѣды, оставленные ими на травѣ, въ то время, когда они заносили ноги въ стремена, уже стали ихъ послѣдними слѣдами; но товарищи еще думаютъ отличить ихъ отъ деревьевъ на дальнемъ холмѣ. Иногда ясный день и открытая мѣстность позволяютъ долго слѣдить глазами за посланнымъ для развѣдыванія: вотъ онъ слѣзъ съ лошади, вынулъ изъ своего чемодана бѣлье и обвернулъ имъ копыта, чтобы топотъ не потревожилъ непріятельскаго пикета; сѣлъ, ѣдетъ. Вотъ прилегъ на конскую шею, отъ того, что непріятель наводитъ на него ружья. Дымъ залпа покрылъ и всадника и лошадь; лошадь упала; онъ бѣжитъ къ ближнему лѣсу. Дымъ втораго залпа покрылъ бѣгущаго; его киверъ катится по землѣ; онъ уже не бѣжитъ, а идетъ къ ближнему лѣсу. Непріятель, бросивши ружья, гонится за нимъ. О томъ, спасся ли онъ, или нѣтъ, партизаны узнаютъ при наступленіи ночи, смотря въ ту сторону, гдѣ, позади непріятельскихъ биваковъ, бѣлѣется колокольня. Ночь наступила. Партизаны смотрятъ въ эту сторону и видятъ,

что на колокольнѣ вспыхиваютъ огоньки: *онъ* спасся, высмотрѣлъ непріятеля, взошелъ на колокольню, и жжетъ порою на пистолетѣ затравку. Число вспышекъ и промежутки времени между вспышками суть условленные знаки, означающіе число и положеніе непріятельскихъ войскъ. Но ему надобно имѣть другую жизнь въ запасѣ, чтобы, сошедши съ колокольни, пробраться къ товарищамъ.

На партизанской войнѣ услышишь столько предсмертныхъ хрипѣній, примешь столько послѣднихъ завѣтовъ, такъ насмотришься на странные переходы отъ молодости къ смерти, что легко прожить чувства, такъ прожить, что звуки чужихъ страданій станутъ казаться звуками вѣтра, а горесть чужаго отчаянія — трепетомъ рыбы, попавшейся въ сѣти. При вечерней перекличкѣ глаза не тускнѣютъ, палецъ, поднятый для счета, не дрожитъ отъ того, что многихъ, бывшихъ поутру полными жизни и силы, глаза не повстрѣчали, палецъ не досчиталъ. Лошадь, неся всадника по стихшему полю сраженія, бережно поднимаетъ ноги, чтобы не ступить на убитаго человѣка; останавливается и, наклонивши голову, съ дрожью и храпомъ обнюхиваетъ убитую лошадь: но всадникъ смотритъ кругомъ съ тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ человѣкъ озабоченный проходитъ черезъ кладбище. Въ голосѣ человѣка, призывающаго на помощь, есть что-то повелительное, что-то покоряющее; но на партизанской войнѣ раненый напрасно хватается за ноги товарищей и вскрикиваетъ: не покиньте! Его взоръ, неподвижный отъ

муки, уже пересталъ выражать муку, но губы шевелятся для слова: не покиньте! Губы замерли, но по движенію его рукъ можно догадаться, что онѣ хотятъ протянуться въ замѣну слова: не покиньте! Можетъ быть, сострадательный крестьянинъ подержитъ кусокъ льду передъ его горящимъ ртомъ; мѣстное начальство приберетъ трупъ воина такъ торопливо, какъ трупъ нечистаго животнаго. Дикари Сѣверной Америки, покидая своихъ раненыхъ, по крайней мѣрѣ, сказываютъ имъ, куда пойдетъ племя, одѣваютъ ихъ звѣриными кожами, и ставятъ подлѣ покинутыхъ питье и пищу.

Отъ постояннаго повторенія такихъ опасностей, въ продолженіе которыхъ солнце кажется свѣтлѣе, отъ того, что думаешь видѣть его въ послѣдній разъ — опасностей, послѣ которыхъ человѣкъ долго оглядывается назадъ, и воздухъ кажется ему чище, проистекаютъ три слѣдствія:

Разсудокъ покоряется вѣрованію въ случай и въ примѣты. Такъ по дыму первыхъ выстрѣловъ хотятъ узнать, чѣмъ кончится сраженіе. Заяцъ, перебѣжавшій черезъ бивакъ, означаетъ неминуемую бѣду.

Человѣкъ начинаетъ съ каждымъ днемъ меньше дорожить жизнію, чаще предпочитать опасность труду, и постепенно доходитъ до высокаго наслажденія — презирать смерть, наслажденія, отъ котораго онъ чувствуетъ себя облагороженнымъ: его тѣлодвиженія становятся смѣлѣе, голосъ тверже, глаза ярче.

Страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ покоряетъ даже такихъ людей, которые, во всякомъ другомъ положеніи, одолѣли бы ее разсудкомъ, или своимъ холодомъ. Эта страсть походитъ на жажду, тревожащую Европейцевъ, вышедшихъ на Африканскій берегъ, жажду, происходящую не отъ физической потребности, а отъ увѣренности, что они на Африканскомъ берегу неминуемо будутъ терпѣть недостатокъ въ водѣ. Партизанскій бытъ, представляя войну въ ея видѣ самомъ ужасномъ, а жизнь въ ея разгулѣ самомъ своевольномъ, походитъ на одну изъ картинъ Сальватора-Розы, картину странную, безумную, представляющую Смерть и Жизнь, держащихся за руки.

Въ приморскихъ городахъ Европы легко узнаютъ мореходцевъ, прибывшихъ изъ другаго полушарія—узнаютъ по темнымъ слѣдамъ, оставленнымъ на ихъ лицахъ солнцемъ Западной Индіи, по лишнимъ морщинамъ отъ пути черезъ два Океана. Такъ отъ другихъ военныхъ легко отличаютъ партизановъ по ихъ лицамъ, по ихъ мундирамъ, потерявшимъ отъ жизни подъ открытымъ небомъ всю воинскую пышность, а толпа смотритъ на партизановъ съ тѣмъ любопытствомъ, которое всегда возбуждаетъ въ ней предметъ, вошедшій въ славу.

(Здѣсь слѣдуетъ воспоминаніе о партизанѣ Фигнерѣ, помѣщенное съ нѣкоторыми измѣненіями въ Современникѣ; т. IX, стран. 1 — 31, *третьей нумераціи*).

Близъ дороги изъ Гадебуша въ Шверинъ, подъ

вѣковымъ дубомъ, партизаны (26 Авг. 1813 г.) посмѣнно молча рыли могилу; сгорбясь, пригоршнями выбирали изъ нея землю и отсѣченные корни дуба; а пола козачьей бурки покрывала голову Кёрнера, ждущую могилы. Одинъ прохожій, не останавливаясь, говорилъ: «ройте глубже! тамъ рука убитаго высунулась изъ могилы, вѣтеръ запуталъ въ мертвые пальцы лозу ближняго куста, и отъ того кажется, что убитый хочетъ къ живымъ.» — Другой прохожій приподнялъ полу бурки и говорилъ: «онъ, будучи отрокомъ, покидалъ игры отъ гордой мысли: я поэтъ — и, уже тревожимый вдохновеніями, встрѣчалъ полночь бдѣніемъ; съ каждымъ годомъ замѣтнѣе становилась на его челѣ творческая дума; его сердце не старѣлось отъ обмановъ жизни; былъ тихъ и простъ, какъ пѣсня-матери надъ колыбелью... Скажите, встрѣтилъ ли онъ смерть равнодушно, какъ встрѣчаютъ пришельца со стороны чужой и далекой? Просилъ ли онъ у Бога, чтобъ нѣсколько его лучшихъ стиховъ спаслось отъ времени?...» Приподнятая пола бурки дрожала въ рукѣ прохожаго, а вѣтеръ посыпалъ пепломъ бивачнаго костра голову, ждущую могилы. «Готова,» сказалъ одинъ изъ рывшихъ; другой началъ что-то говорить про себя; по повторенію Божьяго имени можно было догадаться, что онъ произносилъ молитву. Двое-трое раненыхъ приползли къ могилѣ, и на положеннаго въ нее безъ обрядовъ Церкви и безъ гроба бросали съ горстями земли свою кровь и свои слезы. Каменья съ окрестнаго поля нанесены на гробный

холмъ, для того, чтобы волки въ свой голодъ и ядра въ свое прыганье не отрыли поэта; а не вдалекѣ, на полѣ стихшаго сраженія, бѣлѣлся листъ исписанной бумаги: онъ былъ обрызганъ кровью, изорванъ копытами; но поднявшему этотъ листъ легко было догадаться по недописаннымъ строкамъ, что написавшаго ихъ томила на бивакѣ, или на боевомъ конѣ страсть къ стихамъ. При видѣ крови и рифмъ возникало грустное желаніе узнать: радость ли жизни, или тоску кончины хранитъ это стихотвореніе? Забвеніе — второй саванъ покойниковъ — не будетъ удѣломъ Кёрнера, ибо его соотечественники не забудутъ стиховъ, вымученныхъ у него порабощеніемъ Германіи, не забудутъ, что Германія 1813 года причислила Кёрнера къ лучшимъ жертвамъ, которыми она купила свое освобожденіе. Надъ Кёрнеромъ поставленъ чугунный памятникъ, украшенный лирою и мечемъ. Онъ простъ, но у памятниковъ есть одно свойство съ картинами: тѣ и другія, независимо отъ ихъ блеска, отдѣлки, тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на насъ, чѣмъ возвышеннѣе воспоминанія, возбуждаемыя ими. Памятникъ надъ Кёрнеромъ напоминаетъ молодаго поэта, который думу объ освобожденіи отечества любилъ, какъ лучшую изъ поэтическихъ думъ; призывая соотечественниковъ на войну съ завоевателемъ, онъ былъ первымъ изъ взявшихся за оружіе—и палъ, сражаясь съ тѣмъ мужествомъ, которое своими стихами хотѣлъ онъ вдохнуть въ своихъ соотечественниковъ, и потому простой памятникъ надъ Кёрнеромъ дѣйствуетъ силь-

нѣе, нежели многіе другіе, возносящіеся съ надменностію, обидною для времени, но при видѣ которыхъ вѣрно не заплакалъ бы Цесарь отъ зависти къ чужой славѣ, отъ зависти, роковой для него и для Римскаго міра.

Въ моей памяти живетъ дружба Кёрнера, какъ въ памяти изгнанника путь на родину. Мнѣ вѣрится, что онъ въ лучшемъ мірѣ спрашиваетъ пришельца съ Русской стороны: сохранилъ ли я въ зрѣлыхъ лѣтахъ уваженіе къ мечтамъ моей молодости? Мнѣ вѣрится, что онъ тамъ проситъ для меня семейныхъ благъ, доброй славы, смертнаго часа безъ тоски... Умершій другъ! теперь ночь... я одинъ... суевѣрно отворилъ дверь... войди!.. пусть у твоихъ глазъ нѣтъ взора, въ твоей груди нѣтъ сердца... войди!...

Талантъ, не согрѣтый воспоминаніями, походитъ на вставшую звѣзду: она свѣтитъ, но ея лучь и холоденъ и блѣденъ. Воспоминанія! не разставайтесь со мною, какъ не разстаются звѣзды съ небомъ, трупы съ кладбищемъ!

Николай Невѣдомскій.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. *Реэстръ Русскимъ книгамъ, географическимъ атласамъ, картамъ и планамъ,* продающимся у почетнаго гражданина *Ильи Глазунова*, и проч. Въ 8; 275 и 3. Въ два столбца. Спб.

Послѣ *Росписи Россійскимъ книгамъ для чтенія изъ Библіотеки Александра Смирдина, систематическимъ порядкомъ расположенной,* вышедшей въ 1828 году, не было у насъ хорошаго пособія по части библіографіи. Это важный недостатокъ въ литературѣ. Изданіе Смирдина, составленное покойнымъ *Анастасевичемъ*, представляетъ чистую копію книжныхъ каталоговъ Французскаго библіомана *Брюне*. По этой системѣ роспись раздѣляется на три части: въ первой алфавитный указатель сочинителей, которыхъ книги вошли въ реэстръ; во второй самыя книги, расположенныя по родамъ сочиненій, а въ третьей онѣ же, но по алфавиту. Такимъ образомъ невозможно здѣсь не найти того, что нужно. Такъ-какъ Русская библіотека Смирдина была полнѣйшею изъ извѣстныхъ до сихъ поръ, то и Роспись его была лучшимъ руководствомъ для библіографическихъ разысканій. Реэстръ Глазунова содержитъ одну послѣднюю часть по системѣ *Брюне.* При томъ же въ немъ только 6,951 названіе, тогда-какъ у Смирдина, съ двумя его прибавленіями, было 20,036 названій. Мы очень сожалѣемъ, что никто изъ ны-

нѣшнихъ книгопродавцевъ не воспользуется всѣми предшествовавшими пособіями по части библіографіи и не издастъ новаго каталога по системѣ *Брюне*. Въ этомъ вопіющая нужда самой торговли книгами.

2. *Записки о природѣ, человѣкѣ и обществѣ. П. Іовскаго.* Въ 12; 159 стран. Моск.

Естествоиспытатель, наблюдая человѣка въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, повѣряя свои заключенія съ опытами прочихъ изыскателей природы, составилъ сборникъ мнѣній, очень назидательныхъ въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, которые въ него вошли. Чтеніе книги занимаетъ и умъ и воображеніе. Люди, ищущіе въ легкомъ чтеніи полезныхъ пріобрѣтеній, вполнѣ удовлетворены будутъ книгою г. Іовскаго. Что касается до лицъ, разлагающихъ каждое новое явленіе мысли на составныя его части, имъ трудно будетъ опредѣлить, что̀ преобладаетъ въ этомъ сочиненіи, и какая цѣль его изданія. Они найдутъ замѣтки, конечно часто вѣрныя, но безъ системы и безъ развитія.

3. *Атласъ промышленности Московской губерніи*, составленный *А. Самойловымъ.* Въ 4; 126 стран. Съ рисунками и ландкартами. Изданъ иждивеніемъ Московскаго отдѣленія мануфактурнаго Совѣта. Моск.

Книга г. Самойлова заключаетъ въ себѣ введеніе, обзоръ техническихъ учрежденій въ Москвѣ, общій взглядъ на состояніе мануфактурной промышленности въ Московской губерніи въ продолженіе 1843 года и указаніе на лица и ихъ мануфактур-

ныя заведенія. Введеніе посвящено общему разсмотрѣнію значительности и важности города Москвы въ промышленномъ отношеніи. Изъ числа техническихъ учрежденій описаны: лабораторія Университета, гдѣ бываютъ чтенія по части технической химіи; рисовальныя школы и при нихъ воскресные рисовальные классы съ женскимъ рисовальнымъ отдѣленіемъ и воскресною школою для малолѣтныхъ фабричныхъ; коммерческое училище, практическая коммерческая академія и реальная гимназія. Вообще планъ и подробности столько же удовлетворительны, какъ и самое изложеніе. Частная статистика много выиграла отъ этаго изданія.

4. *Зюлейка, повѣсть въ стихахъ.* Сочиненіе *Варвары Лизо...бъ.* Въ 8; 28 стран. Моск.

Это стихотвореніе навѣяно на душу сочинительницы чтеніемъ прекрасныхъ произведеній въ томъ же родѣ, въ которомъ и она рѣшилась испытать силы таланта своего. Явленіе самое естественное и повторяющееся не въ одной Русской литературѣ, но и повсюду, гдѣ только читаютъ и пишутъ. Ничего нельзя сказать въ осужденіе сочинительницы. Она робко, но довольно вѣрно передала намъ отголоски того, что такъ сладостно звучало въ ея душѣ. Теперь для нея одно важно: поэзію надобно полюбить какъ сокровище души. Внимательнымъ изученіемъ совершенствъ ея надобно дойти до убѣжденія, достанетъ ли у сочинительницы силы посвятить поэзіи цѣлую жизнь. Самолюбіе, наклонность къ литературному развлеченію, угодничество модѣ и прочія

мелочныя соображенія не станутъ ли дѣйствовать на душу, когда ей предназначено будетъ дѣйствовать только въ мірѣ поэзіи, т. е. высокости, чистоты, истины и граціи?

5. *Сказка о царевичѣ Емельянѣ Емельяновичѣ, сынѣ Емелюшки.* Въ стихахъ. Соч. Штабсъ-Капитана *Телегина.* Въ 8; 46 стран. Моск.

Вѣроятно, и этимъ произведеніемъ наша литература обязана тому, что авторъ любитъ читать народныя сказки. Жаль только, что онъ отступилъ во всемъ отъ образцевъ своихъ. Онъ придалъ героямъ и картинамъ своимъ ошибочныя краски, неестественный языкъ, чѣмъ и отнялъ всякое достоинство отъ своего труда.

6. *Сочиненія Штабсъ-Капитана Телегина*, или отрывки изъ моего журнала. Двѣ части. Въ 8; 83 и 71 стран. Моск.

Привычка вести журналъ самая похвальная. Это вѣрнѣйшій способъ ежедневно совершенствоваться во всемъ. Но сочинитель разсматриваемыхъ нами отрывковъ не строгъ въ выборѣ предметовъ для своего журнала. Онъ наполняетъ его не столько поучительными фактами, какъ слабыми опытами пера своего. Такаго рода собраніе хорошо только для того, чтобы болѣе и болѣе убѣждаться въ необходимости отложить подалѣе перо и приняться за что-нибудь другое.

8. *Практическія упражненія въ постепенныхъ переводахъ съ Французскаго языка на Русскій, и съ Русскаго на Французскій.* Съ предварительнымъ из-

ложеніемъ правилъ синтаксиса. Въ пользу Русскаго юношества издалъ *Яковъ Лангенъ*. Въ двухъ отдѣленіяхъ. Въ 8; 220 стран. Спб.

Не первое это собраніе статей, которыя издатели стараются подобрать для переводовъ въ постепенномъ порядкѣ, такъ, чтобы, начиная съ легкихъ, обучающіеся восходили къ труднѣйшимъ. Но ни одна еще книга, включительно съ нынѣшнею, не составлена такъ, какъ бы слѣдовало. Содержаніе статей, обработка ихъ языка и самый слогъ, такъ тѣсно связанный съ духомъ писателя — все это требуетъ не легкаго изученія и соображенія. Издатели же довольствуются одною видимостію, не вникая въ сущность дѣла. Вотъ почему труды ихъ и не достигаютъ предположенной цѣли. Г. Лангенъ придалъ своей книгѣ особенное достоинство, помѣстивъ въ ней правила синтаксиса съ примѣрами для нихъ, и главнѣйшіе съ переводами идіотисмы Русскаго и Французскаго языковъ.

8. *Французская азбука*. Въ 8; 52 стран. Спб.

Замѣчательно, что сочинитель этой книжки Русское слово *азбука* выдаетъ за существительное рода мужескаго, а Французское *alphabet* — женскаго.

9. *Французско-Русскій словарь техническихъ названій,* употребляемыхъ въ артиллеріи и въ наукахъ, искуствахъ и ремеслахъ, до нея относящихся, составленный Инспекторомъ классовъ Артиллерійскаго училища Полковникомъ *Рѣзвымъ*. Въ 12; VIII и 547 стран Спб.

Извѣстно, что объ артиллеріи наибольшее чи-

сло лучшихъ книгъ написано на Французскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, для нашихъ артиллеристовъ, необходимо было пособіе, которымъ бы они могли пользоваться по своей части. Добросовѣстный трудъ г. Рѣзваго вполнѣ удовлетворяетъ теперь потребности, которую чувствовали всѣ, занимающіеся артиллеріею.

10. *Учебный Французскій словарь, содержащій въ себѣ первообразныя слова и главные idiотисмы Французскаго языка.* Съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣровъ, объясняющихъ значеніе придаточныхъ частицъ, и алфавитнаго списка окончаній, по которому можно легко запомнить родъ всѣхъ именъ существительныхъ. Составленный Управляющимъ училищемъ взаимнаго обученія и кавалеромъ *Яковомъ Гердомъ.* Въ 8; 310 стран. Спб.

Ничто не способствуетъ такъ изученію языка, какъ точное разложеніе словъ его на корни и придаточные слоги. Опытъ г. Герда долженъ всѣмъ преподавателямъ иностранныхъ языковъ внушить желаніе совершенствовать эту методу. Въ изданномъ теперь сочиненіи конечно есть еще недостатки (особенно неточное отдѣленіе коренныхъ словъ отъ производныхъ), но оно достойно похвалы и подражанія какъ основа ученія логическаго и легкаго.

11. *Практическая медицина.* Разсужденіе о дѣйствіи лекарствъ на человѣческое тѣло, и *біографія Профессора Іустина Дядьковскаго,* изданныя *Козьмою Лебедевымъ.* Въ 8; 112 стран. Моск.

Покойный Профессоръ Московскаго Универси-

тета Дядьковскій оставилъ послѣ себя много послѣдователей и распространителей своего ученія. Это служитъ доказательствомъ, что онъ былъ человѣкъ не только съ большими знаніями, но и съ сильною душою. Онъ внушалъ въ своихъ слушателей стремленіе къ независимому изслѣдованію предмета. Можетъ быть, нигдѣ не было такъ кстати распространеніе этой философіи, какъ въ медицинѣ, гдѣ ежегодно открываются новыя положенія касательно важнѣйшихъ частей науки. Сочинитель разсматриваемой здѣсь книги не безъ пользы вошелъ въ развитіе ученія г. Дядьковскаго. Но онъ не долженъ былъ одностороннимъ образомъ представлять этаго скептицисма, какъ единственнаго способа приблизиться къ истинѣ. Есть случаи, въ которыхъ довѣріе къ дознанному предшественниками гораздо болѣе приноситъ пользы, нежели самонадѣянное углубленіе въ тотъ же предметъ.

12. *Краткая бухалтерія*, составленная *П. Кондратьевымъ*, преподавателемъ бухгалтеріи въ коммерческихъ заведеніяхъ въ Москвѣ. Изданіе на счетъ Московскаго купеческаго общества для преподаванія въ Московскомъ мѣщанскомъ училищѣ. Въ 8; 40 стран. Моск.

Сочинитель представилъ здѣсь формы книгъ, въ которыя вносятся разнаго рода счеты, обогативъ руководство свое правилами для составленія самыхъ счетовъ.

13. *Расчеты по 5 и 6 процентовъ въ таблицахъ*, съ показаніями о векселяхъ, заемныхъ пись-

махъ и закладныхъ. Составилъ *М. Поднебесный*. Въ 8; 120 стран. Спб.

Люди, постоянно занимающіеся денежными оборотами, въ книгѣ г. Поднебеснаго найдутъ важное облегченіе трудовъ своихъ: каждый изъ ихъ вопросовъ разрѣшенъ здѣсь наивѣрнѣйшимъ образомъ.

14. О предпріятіи учредившагося въ Санктпетербургѣ *товарищества для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растеній*. Въ-листъ; 4 стран., въ три столбца. Спб.

15. *Правила и условія, предварительно объявляемыя товариществомъ* для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растеній пріобрѣтателямъ способа. Въ-листъ; 4 стран., въ три столбца. Спб.

16. *Приложенія къ правиламъ и условіямъ товарищества* для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растеній. Въ-листъ; 2 стран., въ три столбца. Спб.

Всѣ три статьи, которыхъ заглавія здѣсь выписаны, касаются однаго дѣла, важнаго для общественной пользы и Русской промышленности. Маіоръ Великопольскій и Д. С. С. Бѣлавинъ нашли средство простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растеній. Они представили его на судъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Первое довѣрило Дѣйствительному Члену своему А. П. Максимовичу войти въ подробное разсмотрѣніе открытія, а Его Высокопревосходительство поручилъ это раз-

смотрѣніе Директору Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища М. А. Байкову. Отзывы лицъ, которымъ учредители товарищества ввѣрили тайну своего изобрѣтенія, были одинаково благопріятны для Гг. Великопольскаго и Бѣлавина. Экономическое Общество, въ видахъ содѣйствія промышленности и всенародной пользѣ, приняло живое участіе въ распространеніи подписки по Россіи на пріобрѣтеніе образцевъ новой выдѣлки и самаго ея способа. Желающіе ознакомиться со всѣми подробностями какъ движенія этой новости, такъ и условій подписки, должны пріобрѣсти вышеозначенныя три статьи, адресуя свои требованія: «*Въ Контору Товарищества для прядильныхъ растеній. Въ Санктпетербургъ.*»

17. *Наставленіе о шелководствѣ*, или о томъ, какъ родятся шелковичные черви, какъ и чѣмъ ихъ надобно кормить, чтобъ они, выпуская изъ себя шелковичныя волокна, завивались въ пузырьки, называемые коконами, и какъ потомъ изъ коконовъ добывать шелкъ сырецъ. Составлено для простаго народа Членомъ Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи *Н. Райко.* Въ 8; 89 стран. Спб.

Трудно опредѣлить, въ какой мѣрѣ простой народъ воспользуется сочиненіемъ г. Райко, еще не привыкнувъ руководствоваться самыми легкими и простыми средствами, предлагаемыми ему печатно. Но въ томъ никакаго нѣтъ сомнѣнія, что сочинитель исполнилъ свое дѣло наилучшимъ образомъ:

какъ знатокъ по этой части, онъ изложилъ правила шелководства удобопонятно, подробно и вѣрно.

II.

18. *Русское чтеніе*, издаваемое *Сергѣемъ Глинкою*. Выпуски *третій и четвертый*. Въ 8; 149—312 стран. Спб.

19. *Краткое начертаніе топографической анатоміи*. Сочиненіе *Зегера*. Тетрадь *третья* (послѣдняя). Въ 8; 155 — 233 стран. Моск.

20. *Бесѣды Петербургскаго жителя въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ училищѣ о сельскомъ хозяйствѣ*, составленныя *Борисомъ Волжинымъ*. Выпускъ *третій*. I. Птицеводство; II. Пчеловодство; III. Приготовленіе молочныхъ скоповъ; IV. Избяное хозяйство; V. Сельское счетоводство; VI. Землеизмѣреніе. Со многими чертежами. Въ 12; 79, 114, 38, 20, 95 и 31 стран. Спб.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. *Избранныя мѣста изъ поэмъ: Владиміръ Великій, соч. Стагнеліуса, и Фритгіофъ-Сага, соч. Тегнера.* Съ Шведскаго *И. Ш — ій.* Въ 8; 61 стран. Моск.

Надобно думать, что здѣсь представлены только опыты изученія Шведскаго языка. Иначе трудно понять, для чего напечатаны отрывки, и при томъ изъ поэтовъ, такъ разительно отстоящихъ одинъ отъ другаго. Во всякомъ случаѣ мы остаемся при томъ мнѣніи, что переводъ въ прозѣ стихотворенія, исполненнаго истинной поэзіи, не вводитъ читателя въ точное уразумѣніе красотъ подлинника. Фритіофъ весь переведенъ на Русскій языкъ прекрасными стихами. Новому переводчику надобно было представить эту поэму еще въ лучшихъ стихахъ (если онъ въ-силахъ), или заняться однимъ Стагнеліусомъ, чтобы въ его трудѣ была по крайней мѣрѣ новость содержанія. Если показалось ему, что Гротъ, переводя Фритіофа, жертвовалъ оборотамъ Русскихъ стиховъ точностію или силою подлинника; то онъ вѣроятно недостаточно сравнивалъ Шведскіе стихи съ переводомъ предшественника своего, который точнѣе и выразительнѣе его передалъ намъ блестящія красоты Тегнéра. Мы приведемъ хоть нѣсколько стиховъ

Грота, равно-какъ и прозу новаго перевода въ тѣхъ же мѣстахъ, чтобы читатели сами почувствовали истину словъ нашихъ.

«Что Сѣверъ мнѣ? Что для меня народъ,
Блѣднѣющій при голосѣ жрецовъ,
И дерзко посягающій на право
Владѣть святыней сердца моего?
Клянуся Фреей, не успѣютъ въ томъ.
Презрѣнный рабъ къ клочку земли прикованъ,
Гдѣ родился; а я хочу быть воленъ,
Какъ горный вѣтръ. Двѣ горсти праха съ холмовъ
И Торстена и Бела умѣстятся
На кораблѣ: вотъ все, что мы отсюда
Возьмемъ съ собой: инаго намъ ненужно.
Не правда ль, другъ мой, тускло блещетъ солнце
Надъ снѣговыми нашими горами?
Но есть другое небо, есть края,
Гдѣ нѣтъ зимы, гдѣ лѣтней ночью звѣзды
Божественно-сіяющія смотрятъ,
Навстрѣчу любящихъ, въ лавровой рощѣ.
Отецъ мой Торстенъ плавалъ далеко,
Нося войну: зимою въ долгій вечеръ
Онъ предъ огнемъ расказывалъ мнѣ часто
О морѣ Греческомъ, объ островахъ
И рощахъ посреди прозрачныхъ водъ.
Тамъ сильное цвѣло когда-то племя,
И жили боги въ мраморныхъ божницахъ;
Но ужъ давно покинуты тѣ храмы;
Травой покрылися вкругъ нихъ тропинки;
Печальный мохъ растетъ на письменахъ,
Вѣщающихъ о славѣ древнихъ лѣтъ,

«Что мнѣ Сѣверъ? Что мнѣ народъ, который содрагается и блѣднѣетъ при одномъ словѣ жрецовъ своихъ, который жаждетъ схватить нечестивыми руками святилище моего сердца, цвѣтъ бытія моего? Клянусь самою Фреею, онъ не успѣетъ въ томъ. Одинъ презрѣнный рабъ прикованъ къ глыбѣ той земли, на которой родился онъ; а я—я хочу быть свободнымъ, какъ вѣтеръ горъ. Горсть земли съ могильнаго холма отца моего и съ кургана Бѣлы можетъ помѣститься на палубѣ; вотъ все, что намъ дорого въ нашей родинѣ. Любезная Ингеборгъ! есть другое солнце, кромѣ того, которое блѣднѣетъ надъ снѣжными горами Швеціи; есть небо прекраснѣе здѣшняго; есть другія звѣзды, взирающія въ священномъ мерцаніи на вѣрную чету въ лавровыхъ рощахъ, при сумракѣ благоговѣйной лѣтней ночи. Торстенъ Викенсонъ, отецъ мой, странствовалъ далеко. Часто, при блескѣ огня, пылавшаго на очагѣ въ долгіе осенніе вечера, онъ мнѣ расказывалъ о моряхъ Греціи, объ островахъ и рощахъ, зеленѣющихъ на кристальной поверхности моря. Тамъ нѣ-

И величаво-стройные столпы
Обвиты пышной зеленью Полудня.
Въ краю томъ жатва всходитъ безъ посѣва,
Земля все нужное сама раждаетъ;
Деревья носятъ яблоки златыя,
И лозы гнетъ пурпурный виноградъ,
Роскошно-круглый, какъ твои уста.
Тамъ на волнахъ свой Сѣверъ мы устроимъ;
Пріютнѣй, краше здѣшняго онъ будетъ.
Тамъ капища пустыя мы наполнимъ
Своей любовію; боговъ забытыхъ
Возвеселимъ блаженствомъ человѣка.
Когда жъ пловецъ, вѣтрила опустивъ
(Тотъ край не знаетъ бурь), пройдетъ случайно
Предъ островкомъ порой зари вечерней.
И ясный взоръ съ румяныхъ водъ подыметъ
На берегъ нашъ — вдругъ на порогѣ храма
Онъ новую увидитъ Фрею (тамъ
Богиню Афродитою зовутъ);
И будетъ онъ дивиться золотымъ
Ея кудрямъ, раскинутымъ по вѣтру,
Ея очамъ, какъ небо Юга свѣтлымъ.

когда обиталъ народъ могущественный; великіе боги его жили въ мраморныхъ храмахъ. Теперь храмы сіи оставлены; пустынная дорога къ нимъ заросла травою — и мохъ поросъ на чертахъ, вѣщающихъ о мудрости временъ протекшихъ; тамъ зеленѣютъ тонкія пальмы, обвитыя лозами роскошнаго юга; тамъ земля сама приноситъ смертному все необходимое; тамъ межъ листовъ рдѣютъ золотыя яблоки, на каждой вѣтви виситъ румяный виноградъ и зрѣетъ роскошно какъ уста твои. Тамъ, Ингеборгъ, на волнахъ, мы составимъ свой сѣверъ, прекраснѣе здѣшняго; вѣрною любовію населимъ опустѣлые своды храмовъ и земнымъ счастіемъ восхитимъ забытыхъ боговъ. Мореходецъ, съ покойными парусами, ибо бури не бываетъ тамъ, пронесется мимо нашего острова, весело посмотритъ съ румяныхъ волнъ на зеленѣющій берегъ — и на прагѣ храма увидитъ новую Фрею. Онъ станетъ плѣняться золотыми ея локонами, развѣвающимися вѣтромъ станетъ удивляться голубымъ очамъ ея, яснымъ, какъ южное небо.»

Въ стихахъ несравненно болѣе не только поэзіи подлинника, но и сжатости, выразительности и даже ясности. Вотъ еще одно мѣсто, гдѣ, какъ и во всей поэмѣ,

переведенной стихами, подлинникъ вѣрнѣе, нежели въ прозѣ.

«О Фритьофъ, Фритьофъ! такъ ли разлучимся?
Или для той, кого любилъ ты въ дѣтствѣ,
Ужъ у тебя нѣтъ ласковаго взгляда?
Уже руки подать ты не умѣешь
Несчастной, прежде милой для тебя?
Иль мыслишь ты, что я стою на розахъ,
Что я могла смѣясь отвергнуть счастье,
Что я безъ мукъ могла изъ сердца вырвать
Надежду, будто сросщуюся съ нимъ?
Ты былъ сномъ утреннимъ души моей.
Я Фритьофомъ привыкла радость звать;
Все, что ни есть высокаго, святаго,
Въ моихъ глазахъ твой образъ принимало».

«О Фритгіофъ! Фритгіофъ! Такъ ли разстанемся мы? Уже ли не бросишь ты ни однаго нѣжнаго взгляда на подругу своего дѣтства? Уже ли не прострешь и руки къ несчастной, которую любилъ нѣкогда. Или ты думаешь, что я, стоя на розахъ, съ улыбкою отторгаю отъ себя счастіе жизни своей, безъ состраданія вырываю изъ сердца надежду, которая росла вмѣстѣ съ бытіемъ моимъ? Не ты ли былъ утреннимъ сномъ моего сердца? Каждая радость, которую ощущала я, называлась Фритгіофомъ. Все, что есть въ жизни высокаго, благороднаго, являлось очамъ моимъ въ образѣ Фритгіофа.»

Заключимъ наше сравненіе еще однимъ отрывкомъ.

«Въ ночь прошлую (та ночь была ужасна)
Я все ждала тебя, и ты не шелъ,
И дѣти ночи, сумрачныя думы,
Влачились предъ моимъ пылавшимъ окомъ,
Лишеннымъ сна и благотворныхъ слезъ;
И Бальдеръ самъ, безкровный богъ, смотрѣлъ
Съ угрозою во взорахъ на меня.
Въ ту ночь обдумала я жребій свой,
И вотъ мое рѣшенье: остаюсь
Безропотно при жертвенникѣ брата.
Благодарю, что ты тогда не шелъ
Съ расказами объ островахъ своихъ,

«Прошедшую ночь я думала о судьбѣ своей — и рѣшилась остаться покорною жертвою при алтарѣ моего брата. Счастлива я, что не слыхала отъ тебя прежде про острова, воображаемые тобою тамъ, на моряхъ южныхъ, гдѣ вечерняя заря горитъ надъ цвѣтами *спокойствія* и *любви*. Сновидѣнія моего дѣтства, давно уснувшія въ душѣ моей, снова пробуждаются. Они шепчутъ мнѣ голосомъ, столь же знакомымъ, какъ голосъ сестры,

Гдѣ не блѣднѣетъ алый блескъ заката,
Гдѣ вѣчный миръ, гдѣ вѣчная любовь.
Кто за себя порукой быть дерзнетъ?
Вотъ и теперь воспоминанья дѣтства
Въ душѣ моей внезапно пробудились:
Ахъ, шопотъ ихъ такъ вкрадчивъ, такъ знакомъ!
Родной сестры, возлюбленнаго голосъ
Не сладостнѣй. О, замолчите, звуки
Волшебные! Я слушать васъ боюсь.
И что бы дѣлать стала я на Югѣ —
Я, Сѣвера дитя? Не стою я
Розъ тамошнихъ: я такъ блѣдна предъ ними;
Все тамъ огонь, а я такъ холодна!
Меня бъ сожгло Полуденное солнце;
Я все бъ искала Сѣверной звѣзды
Тамъ взорами: она, какъ горній стражъ,
Блюдетъ съ небесъ могилы нашихъ предковъ.
Мой благородный Фритьофъ не покинетъ
Родной страны: хранить ее онъ долженъ;
Онъ не пожертвуетъ своею славой
Такой игрушкѣ, какъ любовь дѣвичья.
Что жизнь, когда изъ года въ годъ всѣ дни
Однообразно тянутся, и съ каждымъ
Приходитъ вновь знакомое вчера?
Такая жизнь для женщинъ лишь годится;
Но тягостна была бъ она для мужа,
А для тебя убійственна. Ты счастливъ,
Когда надъ бездной буря вкругъ тебя
На опѣненномъ прядаетъ конѣ,

столь же нѣжнымъ, какъ шопотъ любовника. Я васъ не слушаю, милые, обольстительные голоса, нѣтъ, не слушаю. Что сталось бы со мною, дочерью Сѣвера на Югѣ? Я блѣдна для розъ его; мое чувство слишкомъ слабо для его пылающаго зноя; оно сожигалось бы лучемъ жаркаго солнца—и я съ пламеннымъ желаніемъ всегда обращала бы взоры свои къ звѣздѣ Сѣвера, которая, подобно небесному стражу, вѣчно стоитъ надъ могилою отцовъ нашихъ. Нѣтъ, мой Фритгіофъ не убѣжитъ изъ своей отчизны, для защиты которой онъ родился; не пожертвуетъ своею славою ничтожной любви женщины. Вѣчно однообразная жизнь, въ которой солнце прядетъ годы, уподобляя одинъ день другому, прекрасна только для женщины; но для души мужа, для души твоей, безбурная жизнь утомительна. Тебѣ пріятнѣе, когда буря на пѣнистомъ конѣ своемъ бушуетъ надъ пучиною — и ты стремишься къ опасности, жаждешь за славу бороться на жизнь и смерть, носясь по яростнымъ волнамъ на утломъ обломкѣ корабля своего. Прекрасная пустыня, рисуемая твоимъ воображеніемъ, сдѣлалась бы могилою для твоихъ подвиговъ, еще не зарожденныхъ,

А ты съ ладьи своей на жизнь и смерть
Съ опасностью сражаешься за честь.
Пустынный рай, куда ты манишь, сталъ бы
Могилою дѣяній нерожденныхъ;
Заржавѣлъ бы твой щитъ, увялъ бы въ скукѣ
Свободный духъ твой. Нѣтъ, тому не быть!
Нѣтъ, за меня мой Фритьофъ не погибнетъ:
Я не украду имени его
Изъ пѣсень Скальдовъ; я не дамъ погаснуть
Всходящей славѣ моего героя.

вмѣстѣ съ щитомъ твоимъ заржавѣло бы свободное чувство души твоей. Нѣтъ, я не похищу имени моего Фритгіофа изъ пѣсней Скальдовъ, не омрачу славы героя моего еще въ утренней зарѣ ея.

2. *Англійская Индія въ 1843 году*. Сочиненіе *Графа Эдуарда Варрена*, служившаго офицеромъ Королевско-Англійской арміи въ Индіи. *Мадрасское президенство*. Часть первая. Издалъ *Платонъ Голубковъ*. Въ 12; 473 стран. Моск.

Нельзя не благодарить г. Голубкова за изданіе въ Русскомъ переводѣ такой полезной и прекрасно-написанной книги, какъ сочиненіе Варрена объ Индіи. Авторъ не выбиралъ своихъ расказовъ изъ другихъ писателей, которымъ надобно иногда вѣрить и при явной несообразности показаній: онъ представилъ свѣдѣнія, на мѣстѣ имъ самимъ собранныя. Особенно любопытны и такъ сказать свѣжи его расказы объ Англичанахъ, живущихъ въ Восточной Индіи, образѣ ихъ жизни и занятіяхъ.

3. *Не любо не слушай, лгать не мѣшай*. Переводъ съ Нѣмецкаго. Съ картинками. Двѣ части. Въ 16; 108 и 125 стран. Моск.

Фантастическія сказки тогда только достойны

вниманія, когда ими вѣрно выражается сфера вооображенія, характеръ его дѣятельности и эстетическое чувство народа или поэта; когда сверхъ того онѣ видимо носятъ на себѣ особенности того языка, который, какъ колоритъ, указываетъ произведенію надлежащее мѣсто въ ряду прочихъ. Ничего нѣтъ подобнаго въ сказкахъ, переведенныхъ съ Нѣмецкаго. Это пустое многорѣчіе не только безъ поэзіи, но и безъ цѣли.

4. *Омирова Ватрахоміомахія*, или война лягушекъ и мышей, переложенная въ стихи Штабсъ-Капитаномъ *Телегинымъ*. Въ 12; 24 стран. Моск.

Если бы мы не замѣтили, что нынѣшній переводъ Ватрахоміомахіи ни что иное, какъ забава, шутка; то естественно были бы мы обязаны войти хотя въ нѣкоторое изслѣдованіе, правъ ли переводчикъ, рѣшительно приписывая это сочиненіе Гомеру, и нѣтъ ли еще основательныхъ причинъ сомнѣваться въ существованіи Гомера, какъ творца поэмъ, его именемъ украшающихся. Но переводчикъ съ первыхъ стиховъ своихъ принялъ такой тонъ, что можно о переводѣ его и совсѣмъ не говорить какъ о явленіи, возбуждающемъ литературныя изслѣдованія.

5. *Нравоученія въ лицахъ*. Бабушкины сказки, составленныя Аббатомъ Савиньи, Леономъ Гериномъ, Ортеромъ Фурнье, Л. Мишелланомъ, Августомъ Овіалемъ, и Г-жею Евгеніей Фоа, съ сорока литографированными картинками. Рисунки Алофа Меню, Бома, Шарле, Давида (Жюля), Деверіа,

Франсиса, Фореста, Гренье, Жане-Ланжа, Жоаппо, Жильена, Маду, Леонъ-Ноэла, Кампиля-Кокплана и другихъ. Переводъ съ Французскаго. Изданіе В. Логинова. Въ 8; 330 стран. Моск.

Нравоученія, представляемыя въ лицахъ, предполагаютъ, что читатели встрѣчаютъ уже, или по крайней мѣрѣ должны встрѣтить образцы, послужившіе подлинниками для картинъ, составленныхъ въ ихъ назиданіе. Въ такомъ отношеніи къ Бабушкинымъ сказкамъ и состоятъ дѣти, воспитываемыя во Франціи, гдѣ сочинители нравоученій въ лицахъ, нашли для нихъ столько поучительныхъ образцевъ посреди тамошняго общества. Но каково будетъ изумленіе дѣтей, которыя воспитываются въ Россіи, когда имъ придется искать въ нашемъ обществѣ примѣненія всего, что заставятъ прочитать ихъ въ этой книгѣ и запомнить изъ нея?

6. *Руководство къ математической географіи. Д—ра Ф. А. В. Дистервега.* Певеводъ съ Нѣмецкаго. Съ 41 литографированнымъ рисункомъ. Въ 8; 326 стран. Моск.

Руководствъ къ математической географіи, изданныхъ отдѣльно отъ прочихъ частей науки, у насъ мало. Уже и по этому пріятно появленіе на Русскомъ языкѣ сочиненія Дистервега. Но такъ-какъ переведенное теперь сочиненіе по справедливости относится къ числу лучшихъ въ своемъ родѣ, а переводчикъ исполнилъ свое дѣло добросовѣстно; то мы и увѣрены, что книгою воспользуются всѣ

преподаватели, нуждающіеся въ руководствѣ къ математической географіи.

II.

7. *Библіотека романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ,* издаваемая Н. Улитинымъ. Выпускъ *четвертый. Софія, послѣдняя изъ Княженъ Слуцкихъ,* историческая повѣсть изъ временъ царствованія Короля Сигизмунда III. Сочиненіе *Іозефины О***,* въ двухъ частяхъ. Переводъ съ Польскаго *А. Пл...ва.* Въ 12; 141 и 142 стран. Моск.

=

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1. *Записки Русскаго путешественника. А. Глаголева.* Изданіе *второе.* Четыре части. Въ 8; 285, 362, 388 и 276 стран. Спб.

2. *Руководство къ всеобщей исторіи.* Сочиненіе доктора *Фридриха Лоренца.* Часть I. Изданіе *второе.* Въ 8; VIII и 694 стран. Спб.

3. *Собраніе любимыхъ Русскихъ пѣсень.* Изданіе *второе,* исправленное. Въ 18; 31 стран. Моск.

4. *Сводъ постановленій о воспитаніи дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Имперіи.* Составленъ и изданъ *Иваномъ Пушкаревымъ,* для руководства родителей при опредѣленіи дѣтей въ учебныя заведенія. Изданіе *третіе,* исправленное и дополненное вновь собранными свѣдѣніями по 1-е Іюля 1845 года. Спб.

5. *Новый карманный Французско-Русскій и Русско-Французскій словарь* съ краткою грамматикою обоихъ языковъ и съ присовокупленіемъ списка употребительнѣйшихъ именъ мужескихъ и женскихъ, самыхъ извѣстныхъ именъ историческихъ и миѳологическихъ, географическаго словаря и сравнительной таблицы вѣсовъ, мѣръ и монетъ обоихъ народовъ, составленный *Е. Ольдекопомъ.* Изданіе *третіе,*

тщательно пересмотрѣнное и исправленное двумя профессорами. Двѣ части. Въ 12; XXX—506 и XLV—853 стран. Спб.

6. *Французскіе, Нѣмецкіе и Русскіе общественные разговоры,* съ присовокупленіемъ употребительнѣйшихъ словъ и краткихъ реченій для упражненія. Изданные въ пользу юношества. Изданіе *второе.* Въ 8; 102 стран. Спб.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ЖУРНАЛА: *СОВРЕМЕННИКЪ.*

Истекающій 1845 годъ есть послѣдній въ первомъ десятилѣтіи Современника, который продолжаемъ будетъ нынѣшнимъ же его Редакторомъ и въ 1846 году.

Мысль А. С. Пушкина объ учено-литературномъ журналѣ, который бы, независимо отъ книгопродавческихъ расчетовъ, безъ угожденія мелкимъ страстямъ литературныхъ партій, благородно выражалъ истину, который бы, характеромъ своимъ соединивши достойнѣйшихъ людей изъ нашихъ писателей, представлялъ въ себѣ *дѣйствительную* картину современнаго состоянія литературы нашей — эта прекрасная мысль великаго Поэта не погибла съ его смертію; потому-что Современникъ, ни въ чемъ

не отступивъ отъ перваго своего направленія, издается уже *десять лѣтъ*. Публика, поддерживая столько лѣтъ это изданіе, утвердила въ Редакторѣ убѣжденіе, что прямодушіе и совѣстливое исполненіе долга важнѣе всего въ общеполезномъ предпріятіи.

Въ будущемъ 1846 году Редакторъ останется по-прежнему неуклончивымъ въ дѣлѣ истины, строгимъ въ выборѣ доставляемыхъ къ нему статей, точнымъ въ своевременномъ изданіи нумеровъ журнала и чуждымъ пустыхъ полемическихъ выходокъ. Считая за излишнее всѣ предварительныя обѣщанія касательно своего изданія, онъ, какъ всегда было, своими трудами и трудами постоянныхъ участниковъ въ его журналѣ, поставитъ въ возможность самихъ читателей вѣрно судить о достоинствѣ Современника. Число литераторовъ, изъявляющихъ желаніе печатать въ немъ сочиненія, увеличивается годъ отъ году. Въ Редакціи составляется уже подробный Указатель именъ авторовъ и названій статей за первое десятилѣтіе. Когда объявится о выходѣ его, читатели въ состояніи будутъ обозрѣть, кѣмъ и что̀ сдѣлано было у насъ въ Россіи самаго замѣчательнаго по части наукъ и словесности въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ. *Сорокъ томовъ* Современника представятъ имъ вѣрную картину по этой части.

Ни въ программѣ, ни въ духѣ, ни въ направленіи Современника, измѣненій въ 1846 году не предназначается. Но по причинѣ бо̀льшаго числа,

сравнительно съ прежними годами, уже доставленныхъ въ Редакцію матерьяловъ, помѣщаемо будетъ предпочтительно то, что прямѣе дѣйствуетъ на истинное совершенствованіе ума, вкуса, нравственности и гражданственности. Критика и полная современная библіографія, какъ важнѣйшія части журнала, составятъ безпристрастные отчеты о движеніи нашей литературы, отчеты безъ оскорбительной личности, недостойной высокаго призванія писателей, но справедливые и выводимые прямо изъ самаго дѣла.

Подписка на Современникъ 1846 года принимается по-прежнему: 1. Въ Санктпетербургскомъ Университетѣ у редактора и издателя, Д. С. С. Петра Александровича Плетнева; 2. Въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургсксго Почтамта; 3. Въ книжныхъ лавкахъ книгопродавцевъ. Цѣна за 12 номеровъ въ годъ *безъ доставки* 7 р. 15 к. сер.; а *съ доставкою* или *пересылкою* въ города 8 р. 60 к. сереб.

ФЕЛИЦА И СОБЕСѢДНИКЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

1. *Прекращеніе С. Петербургскаго Вѣстника.*

Переходъ Державина въ статскую службу, женитьба его, и явленіе въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ начатковъ новаго направленія его: таково было содержаніе второй статьи, посвященной Современникомъ изученію пѣснопѣвца Екатерины (См. Современ. т. XXXVIII, стр. 38: *Участіе Державина въ С. Петерб. Вѣстникѣ*). Въ Некрологѣ Державина, помѣщенномъ вскорѣ послѣ кончины его въ Сынѣ Отечества *, сказано, что въ Вѣстникѣ напечатано было и «нѣсколько прозаическихъ піесъ» его, но къ повѣркѣ этаго показанія нѣтъ никакихъ способовъ — такъ-какъ онъ въ то время и еще долго послѣ того не подписывалъ имени подъ своими трудами. Можетъ быть, между напечатанными въ Вѣстникѣ прозаическими переводами изъ славившихся тогда Нѣмецкихъ поэтовъ нѣкоторые принадлежатъ Державину. Въ Некрологѣ упомянуто, что онъ въ 1778-мъ году перевелъ Клейстову идиллію *Иринъ*. Въ Вѣстникѣ этаго года въ самомъ дѣлѣ находимъ ее, только съ подписью Г. Б. (Григорія Брайко), издателя, который часто выставлялъ и всю свою фамилію подъ переводами такаго рода. Подъ *идил-*

* Ч. XXXI, стр. 76.

лiею Клейста онъ объявляетъ, что, кончивъ ея переводъ, «нашелъ оной напечатанной въ Утреннемъ Свѣтѣ (журналѣ Новикова)». И-такъ, можетъ быть, тамъ помѣщенъ переводъ Державина? Развернувъ Утренній Свѣтъ, дѣйствительно находимъ во 2-й книжкѣ его (Октябрь 1777) статью *Иринъ*. Мы уже прежде замѣтили, что поэтъ, при самомъ появленіи этаго журнала, подписался на полученіе его. Идиллія *Иринъ* помѣщена въ той же книжкѣ Утренняго Свѣта, гдѣ находится приведенный нами отказъ редакціи въ напечатаніи «Епистолы» *, вѣроятно, присланной Державинымъ. Если прибавимъ, что этотъ *Иринъ*, языкомъ своимъ, напыщеннымъ и наполненнымъ Церковно-Славянскими формами, очень напоминаетъ прозу Державина въ Читалагайскихъ одахъ, появившихся также въ 1777-мъ году, то будемъ въ правѣ думать, что помѣщенный въ *Утреннемъ Свѣтѣ* Иринъ есть переводъ Державина. Въ такомъ случаѣ списокъ журналовъ, въ которыхъ участвовалъ поэтъ нашъ, надобно пополнить *Утреннимъ Свѣтомъ*. Замѣтимъ, что переводъ Ирина, сдѣланный Григоріемъ Брайко, проще другаго, а, по увѣренію самаго переводчика, онъ и «согласнѣе съ подлинникомъ». Наконецъ въ Некрологѣ Державина еще приписана ему сочиненная, какъ тамъ сказано, въ 1778-мъ году *идиллія на маскарадъ, бывшій въ селѣ Александровскомъ у Князя Вяземскаго*. Мы не знаемъ этой пьесы, но извѣстіе о ней любопытно, показывая отношеніе поэта къ дому новаго въ то

* Соврем. т. XXXVIII, стр. 43.

время начальника его, Генералъ-Прокурора Князя Вяземскаго, гдѣ и послѣ, въ 1791-мъ году, было дано небольшое представленіе, сочиненное Державинымъ по случаю семейнаго праздника въ этомъ домѣ.

Послѣ *оды на Новый годъ*, которою начинается С. Петербургскій Вѣстникъ въ 1781-мъ году, Державинъ ничего болѣе не помѣщалъ въ этомъ изданіи. Да и само оно въ Іюнѣ мѣсяцѣ того же года прекратилось, съ извѣстіемъ, что «разныя непредвидимыя обстоятельства, помѣшавъ порядочному мѣсячному С. Петербургскаго Вѣстника изданію, принуждаютъ издателей окончать оное сею *седьмою* или нынѣшняго года *первою* частію». «Господа подписавшіеся» — прибавлено было съ совѣстливостію, нынѣ почти баснословною — «и заплатившіе напередъ за обѣ части нынѣшняго года благоволили бы принять назадъ половину заплаченныхъ ими денегъ.»

Первое стихотвореніе Державина, послѣ того прочитанное публикою, было — *Фелица*, явленіе, которымъ начинается *третья* эпоха въ исторіи таланта и жизни поэта. Проходя эту столь любопытную эпоху, мы будемъ стараться, какъ можно лучше, сохранить ея особенныя краски, и для того часто будемъ удерживаться отъ собственнаго расказа, давая самому времени говорить за себя, т. е. представляя выписки и извлеченія изъ тогдашнихъ свидѣтельствъ, относящихся къ нашему предмету. Здѣсь нелишнимъ будетъ напомнить читателю, что, приводя стихи изъ Державина, мы не всегда выбира-

емъ мѣста, заслуживающія предпочтеніе въ поэтическомъ отношеніи; для нашей цѣли часто бываютъ важнѣе отрывки, объясняющіе что-нибудь въ жизни или характерѣ поэта.

2. *Сказка о Царевичѣ Хлорѣ.*

Въ 1782-мъ году Державинъ прочиталъ написанную Императрицею Екатериною для Великаго Князя Александра *Сказку о Царевичѣ Хлорѣ*. Это чтеніе рѣшило всю будущность Державина, и потому здѣсь надобно изложить, хотя въ сокращенномъ видѣ, содержаніе Сказки, вдвойнѣ замѣчательной: по ея Вѣнценосному Автору, и по важности, какую она своимъ вліяніемъ на Державина пріобрѣла въ исторіи Русской поэзіи.

«До временъ Кія, Князя Кіевскаго, жилъ да былъ въ Россіи Царь добрый человѣкъ»; у него родился «сынъ дивныя красоты, ему дали имя Хлоръ». Но тогда же Царь долженъ былъ итти въ походъ «для защиты границы». Царица поѣхала съ Царемъ. Царевичъ остался дома подъ присмотромъ «семерыхъ нянь». «Какъ Царевичь сталъ выростать, кормилица и няни начали примѣчать, что сколь былъ красивъ, столь же былъ уменъ и живъ... Услышавъ о томъ, какой-то *Ханъ Киргизской*, на дикой степи кочующій съ кибитками, полюбопытствовалъ видѣть столь дивное дитя, и, увидѣвъ, пожелалъ увезти съ собою въ степь». Но такъ-какъ няни ему наотрѣзъ отказали въ этомъ, то онъ прибѣгнулъ къ хитрости:

«нарядился въ изодранную одежду и сѣлъ у воротъ сада, будто человѣкъ старой и больной, просилъ милостыни у мимоходящихъ». Хлору позволили подать ему. Далеко обогнавъ нянь и «подбѣжавъ къ мнимому нищему, младенецъ зацепился ножкою за камышекъ и упалъ на личико; нищій вскочилъ, поднялъ дитя подъ руки и спустился съ нимъ подъ гору. Тутъ стояли вызолоченные роспуски, бархатомъ обитые, сѣлъ на роспуски и ускакалъ съ Царевичемъ въ степь;... сидя держалъ онъ Царевича предъ собою одною рукою, какъ будто курочку за крылышко, другою же рукою махнулъ шапкою черезъ голову и кричалъ три раза ура. На сей голосъ няни прибѣжали къ косогору, но поздно, догнать не могли».

Когда Ханъ, собравъ своихъ вельможъ, объявилъ имъ объ удачномъ похищеніи, то они «поклонились въ поясъ; изъ нихъ ласкатели похвалили Ханскій поступокъ, что чужое и то еще сосѣдняго Царя дитя увезъ; трусы потакали, говоря: такъ, Надежда Государь Ханъ, какъ инако быть, какъ тебѣ на сердце пріидетъ? Нѣсколько изъ нихъ, кои прямо любили Хана, тѣ кивали головою, и когда Ханъ у нихъ спрашивалъ, для чего не говорятъ, сказали чистосердечно: дурно ты сотворилъ, что у сосѣдняго Царя увезъ сына, и бѣды намъ не миновать, буде не поправишь своего поступка. Ханъ же сказалъ: вотъ такъ, всегда вы ропщете противу меня, и пошелъ мимо ихъ»....

Чтобы испытать, справедливы ли слухи о да-

рованіяхъ Царевича, Ханъ приказалъ ему «сыскать розу безъ шиповъ, что не колется; дядька, прибавилъ онъ, тебѣ покажетъ обширное поле, сроку же даю тебѣ трои сутки... Дорогою попалась Царевичу на встрѣчу дочь Ханская, которая была за мужемъ за *Брюзгою* султаномъ, сей никогда не смѣялся и серживался на другихъ за улыбку. Ханша же была нрава веселаго и весьма любезна».... Узнавъ, что Хлоръ по приказанію отца ея ищетъ розы безъ шиповъ, «*Фелица*, такъ ее звали», хотѣла-было итти вмѣстѣ съ нимъ, но, не получивъ на то позволенія Ханскаго, обѣщала по крайней мѣрѣ выслать къ малюткѣ на встрѣчу сына своего, который поможетъ ему найти розу безъ шиповъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва дядька впустилъ Хлора въ превеликій звѣринецъ, какъ явился юноша и сказалъ: «я *Разсудокъ* сынъ Фелицынъ»... «Царевичь, благодаря Фелицѣ сердцемъ и устами, взявъ его за руку, навѣдывался, по которой дорогѣ итти».

Въ продолженіе странствованія Хлоръ не разъ подвергался искушенію потерять изъ виду цѣль свою и отступить отъ прямаго пути, котораго онъ, по совѣту Фелицы, долженъ былъ неизмѣнно держаться. То льстецы старались увлечь его, то люди, преданные увеселеніямъ, убѣждали его остаться съ ними. Далѣе *Лѣнтягъ мурза* зазвалъ его въ «избу» свою, «легъ посредѣ пуховыхъ подущекъ, покрытыхъ старинною парчею» и старался также отклонить Царевича отъ предпріятія слишкомъ труднаго; но тщетно. «Между разговоровъ Лѣнтягъ мурза ут-

кнулъ голову въ подушку и заснулъ»; однако жъ вскорѣ проснулся, «и внесли въ горницу столъ съ фруктами». Только-что Хлоръ сбирался отвѣдать поднесенное ему лакомство, какъ «Разсудокъ его за рукавъ дернулъ полегоньку, кисть прекраснаго винограда, которую Царевичь въ рукахъ держалъ, по полу разсыпалась, онъ же, опомнясь, тотчасъ всталъ и оба вышли изъ хоромъ Лѣнтягъ мурзы».

Послѣ такихъ похожденій, они ночевали въ крестьянскомъ домѣ, принявъ приглашеніе добрыхъ и счастливыхъ хозяевъ, которые сказали Хлору, что «матушка его Ханша ихъ жалуетъ, посѣщаетъ и не оставляетъ». Здѣсь «сельное счастіе» описано чертами Русскаго деревенскаго быта. На другое утро продолжая путь и уже наскучивъ имъ, Хлоръ съ неудовольствіемъ удалился отъ провожатаго и забрелъ-было на шумный рынокъ, гдѣ кто-то, видя, что дитя плачетъ, сказалъ ему: «перестань, щенокъ, кричать, и безъ тебя здѣсь шума довольно»! Къ-счастію Разсудокъ подоспѣлъ въ это время и вывелъ Царевича. Тутъ они встрѣтили «множество юношъ», которые шли съ своимъ учителемъ и изъ которыхъ одинъ, услышавъ отъ Хлора, чего онъ ищетъ, растолковалъ ему, что роза безъ шиповъ не что иное значитъ, какъ добродѣтель. «Вотъ» прибавилъ онъ, «гора у васъ въ виду, на которой растетъ роза безъ шиповъ, но дорога крута и камениста». Съ трудомъ взобравшись на вершину этой горы, путники наконецъ нашли цвѣтокъ, который не колется. «Лишь успѣли снять розу съ куста, какъ

въ тамо находящемся храмѣ заиграли на трубахъ и на литаврахъ, и разнесся повсюду слухъ, что Царевичь Хлоръ сыскалъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ розу безъ шиповъ. Онъ поспѣшилъ къ Хану съ цвѣткомъ, Ханъ же Хлора и со цвѣткомъ отослалъ къ Царю. Сей обрадовался столько пріѣзду Царевича и его успѣхамъ, что забылъ всю тоску и печаль. Царевича Царь и Царица и всѣ люди любили часъ отъ часу болѣе для того, что часъ отъ часу укрѣплялся въ добродѣтели. Здѣсь Сказка кончится, а кто больше знаетъ, тотъ другую скажетъ».

3. *Происхожденіе оды: Фелица.*

Сказка о Царевичѣ Хлорѣ сильно поразила Державина. И прежде уже онъ искренно благоговѣлъ къ Екатеринѣ, что̀ не разъ выражалъ и въ стихахъ своихъ — въ одахъ: на Ея возшествіе на престолъ, на Ея рожденіе, на Ея отсутствіе въ Бѣлоруссію и въ другихъ пьесахъ, такъ какъ и въ письмѣ отъ имени Казанскаго Дворянства. Теперь Екатерина такъ убѣдительно высказала свою любовь къ добру и къ правдѣ. Она простонароднымъ языкомъ, въ веселомъ тонѣ, написала завлекательное наставленіе Своему Августѣйшему Внуку. Сердце Державина было тронуто идеею и цѣлію Высокой Писательницы; Русскій умъ его, который ему самому недавно указалъ новый путь въ творчествѣ, былъ увлеченъ оригинальными подробностями и красками расказа. Голосъ Екатерины пробудилъ новую струну въ душѣ Державина — онъ написалъ Фелицу: удивитель-

но ли, что это произведеніе было такъ же необыкновенно, какъ и то явленіе, которымъ оно вызвано было къ жизни? Удивительно ли, что между обоими было родственное соотношеніе, и что Екатерина узнала Себя въ Фелицѣ?

Много разъ уже было расказываемо, какимъ образомъ ода эта сдѣлалась извѣстною. Для полноты изложенія нашего надобно однако жъ и здѣсь повторить главныя обстоятельства, относящіяся къ ея появленію.

Вотъ что видно изъ *Объясненій* Львова.

Державинъ, написавъ Фелицу, былъ въ недоумѣніи, печатать ли ее, опасаясь, чтобы нѣкоторые въ ней стихи не были приняты за личности. Н. А. Львовъ и В. В. Капнистъ, которымъ поэтъ прочелъ ее, посовѣтовали ему спрятать Фелицу. Въ одномъ домѣ съ Державинымъ жилъ тогда пріятель его Козодавлевъ. * Разъ утромъ, когда Державинъ разбиралъ бумаги, лежавшія въ его бюро, Козодавлевъ, вошедъ къ нему въ то самое время, случайно увидѣлъ Фелицу, прочиталъ начало оды и выпросилъ ее на короткое время для тетки своей, почитательницы таланта Державина. Онъ обѣщалъ никому другому не показывать этихъ стиховъ и часа черезъ два возвратилъ ихъ.

Черезъ нѣсколько дней вдругъ приходятъ за поэтомъ отъ давнишняго покровителя его, И. И. Шувалова. Каково было удивленіе Державина, ког-

* Они жили на Литейной въ домѣ Неплюева, какъ сказано въ Библ. для Чтен. 1843, № 3 (Критика, стр. 12), и въ Жизни Г. Р. Д., написанной Г-номъ Савельевымъ.

да вельможа съ безпокойствомъ сказалъ ему, что Потемкинъ требуетъ тѣхъ стиховъ... На нетерпѣливые вопросы встревоженнаго поэта Шуваловъ объяснилъ, что ему по дружбѣ сообщилъ Фелицу Козодавлевъ. «Но какъ же Потемкинъ узналъ о томъ?» «Вчера обѣдали у меня Графъ Безбородко, Графъ Заводовскій и другіе. Зашла рѣчь о литературѣ; говорили, что у насъ еще нѣтъ легкаго и пріятнаго стихотворства: я прочелъ имъ стихи ваши, а С. изъ подслуги Князю все и раскажи ему, что тамъ на его счетъ сказано. Посылать ли ихъ, или нѣтъ? Не выбросить ли намъ тѣ куплеты которые относятся къ Князю?» Подумавъ, Державинъ отвѣчалъ: «извольте отослать, какъ они есть; если что выкинемъ, то покажемъ умыселъ на личное оскорбленіе Князя, чего у меня и въ умѣ никогда не было; а писаны стихи забавно на счетъ всѣхъ слабостей человѣческихъ, и больше ничего.»

«Потомъ», продолжаетъ Львовъ, «авторъ уѣхалъ домой; озабочиваясь крайне симъ происшествіемъ и призвавъ къ себѣ искренняго своего пріятеля, г. Львова (Н. А.), бывшаго домашнимъ человѣкомъ у Графа Безбородко, онъ просилъ его развѣдать мнѣніе Графа по сему предмету и предупредить его, на случай, если Императрица спроситъ о стихахъ сихъ, что никакаго оскорбительнаго умысла ни на чей счетъ тутъ не было, а писаны стихи изъ одной шутки, и для пріятелей оставлены безъ огласки, но что вышли они въ свѣтъ по единой нескромности г. Козодавлева. Г. Львовъ исполнилъ просьбу

автора. Неизвѣстно, посылалъ ли стихи Шуваловъ къ Князю Потемкину, но нѣкоторое время сочиненіе сіе оставалось безвѣстнымъ.»

Козодавлевъ, недовольный одною нескромностію, позволилъ себѣ еще и другую: онъ представилъ Фелицу Княгинѣ Е. Р. Дашковой—и хотя поступилъ такъ не спросясь Державина, однако жъ не могъ оказать ему лучшей услуги. Но послушаемъ, какъ объ этомъ расказываетъ шуточнымъ тономъ одно изъ лицъ, игравшихъ роль въ исторіи возвышенія Державина — чуть ли не самъ Козодавлевъ. «Жившій въ Петербургѣ по дѣламъ своимъ нѣкоторый Татарскій мурза (какъ Державинъ назвалъ себя въ заглавіи Фелицы), знающій весьма хорошо Россійскій языкъ, сочинилъ въ исходѣ 1782 года оду къ премудрой Киргизкайсацкой Царевнѣ Фелицѣ. Сіе сочиненіе, какъ всѣмъ извѣстно, писано совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такаго рода стихотворенія писывались. Мурза прочелъ сію оду другу своему, нѣкоторому молодому Россіянину, * который также, какъ и онъ, наполненъ благоговѣніемъ къ сему примѣру земныхъ Царей, а сверхъ того и благодарностію за изліянныя Фелицею на воспитаніе его щедроты, которыми онъ, будучи хотя Россіяниномъ, но служа при Ея Дворѣ съ осьми лѣтъ своего возраста, пріобрѣлъ нѣкоторыя человѣку нужныя знанія, ибо Фелица посылала его учиться за тридесять земель въ десятое царство. Истина, изображенная въ семъ прекрасномъ

* Козодавлеву.

произведеніи Татарскаго пера, восхитила его до слезъ, и онъ, будучи знакомъ со многими покровителями и любителями наукъ, взялъ сію оду къ себѣ, и нѣкоторымъ изъ оныхъ далъ съ нее копіи; но она довольно долгое время пребывала въ карманахъ тѣхъ господъ, и не доходила до ушей Фелицы за неимѣніемъ — можетъ быть — курьера, который бы могъ ее доставить въ назначенное мѣсто (Собесѣд. XVI, 6).»

Обстоятельства, здѣсь представленныя, не совсѣмъ согласны съ тѣми, какія передалъ намъ Львовъ по расказамъ Державина. Повѣрка подробностей теперь невозможна; сущность дѣла по обоимъ источникамъ — та же: Козодавлевъ былъ первоначальнымъ виновникомъ извѣстности *Фелицы*. При этомъ случаѣ поправимъ только ошибку Остолопова, который относитъ происхожденіе знаменитой оды къ 1781 году и говоритъ, будто она цѣлый годъ хранилась въ бюро Державина — что повторяемо было и другими. Изъ приведенныхъ строкъ видно, что она — бывъ сочинена въ исходѣ 1782 — едва и нѣсколько мѣсяцевъ оставалась въ неизвѣстности. Въ той же статьѣ читаемъ далѣе:

«Въ началѣ 1783 года помянутый Россіянинъ опредѣлился въ какую-то должность при Россійскомъ Парнассѣ (Козодавлевъ назначенъ былъ Совѣтникомъ при Академіи Наукъ). Сіе подало ему случай показатъ сіе сочиненіе начальницѣ Парнасса (Княгинѣ Дашковой, Директору Академіи Наукъ), которая красоты и истины, находящіяся въ сей одѣ, почув

ствовавъ, рѣшилась приказать ее напечатать; а дабы чрезъ то подать случай и другимъ сочинителямъ изощрять свои дарованія, вздумала она издавать книгу, подъ заглавіемъ: *Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова.* Для исполненія предпріятія своего пригласила она мурзу (т. е. Державина), помянутаго Россіянина и нѣкоторыхъ другихъ сочинителей. Вотъ рожденіе Собесѣдника, а возвышеніе его на высочайшую степень знатности слѣдуетъ за симъ.»

Въ достовѣрности этихъ словъ нельзя сомнѣваться, потому-что они напечатаны въ самомъ *Собесѣдникѣ*, гдѣ главная издательница его Княгиня Дашкова конечно не допустила бы, безъ особенно-важной причины, показанія неточнаго. И-такъ поводомъ къ происхожденію Собесѣдника была отчасти *Фелица* Державина, а Собесѣдникъ составляетъ въ Русской литературѣ такое явленіе, что надобно поговорить о немъ подробнѣе.

4. *Собесѣдникъ.*

Изъ всѣхъ журналовъ, когда-либо издававшихся на Руси, ни одинъ не можетъ равняться съ Собесѣдникомъ въ *исторической* достопамятности, ни похвалиться такими знаменитыми сотрудниками, каковы были особы, принимавшія самое дѣятельное участіе въ его наполненіи. Мало того, что онъ съ именемъ Княгини Дашковой соединилъ имена Державина, Хераскова, Капниста, Фонвизина, Богдановича и Княжнина, которыхъ уже достаточно бы-

ло бы для прославленія журнала въ исторіи Русской словесности XVIII вѣка: къ этому созвѣздію литературному присоединилось еще свѣтило, которое однимъ своимъ сіяніемъ превосходило весь его совокупный блескъ — словомъ, Екатерина II. И Августѣйшая Сотрудница не иногда только наполняла въ Собесѣдникѣ нѣсколько страницъ, какъ выразилась Княгиня Дашкова въ своихъ Запискахъ *: нѣтъ, изъ 2800 страницъ, входящихъ въ составъ Собесѣдника, болѣе половины принадлежитъ перу Екатерины (именно 1456 странницъ). И-такъ этотъ журналъ — одинъ изъ любопытнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ Ея царствованія.

Хотя Собесѣдникъ и былъ изданъ вторично въ 1809-мъ году, однако жъ онъ въ наше время очень мало извѣстенъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что нынѣшніе литераторы, когда вскользь упоминаютъ о немъ, одинъ за другимъ повторяютъ ту же ошибку. Появленіе его они соединяютъ съ основаніемъ *Россійской Академіи* **, тогда-какъ онъ издавался отъ Академіи Наукъ. Это ложное мнѣніе основывается на томъ, что какъ Россійская Академія, такъ и Собесѣдникъ возникли въ 1783 году. Но журналъ этотъ сталъ выходить въ началѣ года, и до 1784 издано его цѣлыхъ *десять*

* Современника, т. XXXVII, стр. 29.

** Г-нъ Полевой: Очерки Р. Л. I, 15 (въ выноскѣ). Г-нъ Гречь: Чтен. о Русс. яз. II, 384. Библ. для Чтенія 1843, № 3, Крит: стран. 13. Г-нъ Савельевъ, при 3-мъ изд. сочин. Державина, стр. XXXVII, и проч.

Въ эту ошибку ввелъ всѣхъ вѣроятно Остолоповъ (См. Ключь къ Соч. Державина, стр. 26); однако жъ у Львова ея нѣтъ.

книжекъ, а Россійская Академія открыта не прежде, какъ въ Октябрѣ 1783 года,и только уже въ 8-й книжкѣ Собесѣдника въ первый разъ упоминается объ этомъ важномъ для литературы событіи (стр. II, въ статьѣ Богдановича).

Впрочемъ ненужно даже никакихъ соображеній, чтобы открыть истину: стоитъ только прочесть первыя строки *Предувѣдомленія*, помѣщеннаго въ началѣ I-й части Собесѣдника: «Сіе собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ любителей Россійскаго слова издается по желанію нынѣшняго *Академіи наукъ Директора* Ея Сіятельства Княгини Екатерины Романовны *Дашкавой.*» Мы здѣсь удерживаемъ правописаніе этой знаменитой фамиліи такъ, какъ оно принято было въ Собесѣдникѣ.

«Сіе собраніе,» сказано далѣе о Собесѣдникѣ, «издаваться будетъ по Частямъ, заключая въ себѣ только *одни подлинныя Россійскія сочиненія*», условіе, очень замѣчательное для того времени. При этомъ упомянуто однако жъ, что и *подражанія* будутъ приниматься; отвергнуты только «*переводы*, какаго бы они рода ни были.» Слѣдующая оговорка введена очевидно въ пользу Державина, который въ заглавіи *Фелицы* назвалъ эту оду *переводомъ съ Арабскаго языка:* «Ежели же напечатается что-нибудь въ семъ собраніи подъ названіемъ перевода, то сіе только будетъ въ такомъ случаѣ, когда кто изъ сочинителей, желая остаться неизвѣстнымъ, назоветъ себя переводчикомъ.» Труды, назначаемые для

Собесѣдника, предлагалось присылать къ Княгинѣ, «которая однако жъ предоставляетъ себѣ право таковыя сочиненія разсматривать, и ежели что въ таковыхъ найдется непристойное, нравамъ вредное, или какому-либо лицу предосудительное, то оное въ сіе собраніе не внесется. Къ изданію сего Собесѣдника точнаго времени не назначается, а издаваться оный будетъ, смотря по числу вступающихъ для внесенія въ него сочиненій, и по отпечатаніи каждой части публика увѣдомляться будетъ чрезъ Санктпетербургскія Вѣдомости.»

Самое это объявленіе также напечатано было въ газетахъ, какъ видно изъ писемъ къ издателямъ, помѣщенныхъ потомъ въ журналѣ. Онъ издавался не долго и прекратился уже въ 1784 году, въ которомъ вышло только *шесть* частей его, тогда-какъ въ предыдущемъ, какъ уже сказано, появилось *десять*.

Съ первыхъ книжекъ своихъ Собесѣдникъ пріобрѣлъ успѣхъ блистательный. Не смотря на значительное пространство, съ того времени донынѣ пройденное Россіею на поприщѣ образованности, тогдашнее состояніе нашей литературы во многомъ походило на нынѣшнее. «Публика наша — сказалъ тогда кто-то въ Собесѣдникѣ (I, 75)—не очень еще охотно читаетъ Россійскія стихотворенія: *Душинька* и многія другія сочиненія въ стихахъ лежатъ въ книжныхъ лавкахъ не проданы, тогда, когда многіе переведенные романы печатаются четвертымъ тисненіемъ.» Въ другомъ мѣстѣ (IX. 244) расказывает-

ся о какомъ-то господинѣ, который, вошедши въ одно собраніе, «началъ говорить слово похвальное Французской литературѣ», а на вопросъ, читалъ ли онъ Душеньку, отвѣчалъ: «нѣтъ, сударь; я думалъ, что ее когда-нибудь *сыграютъ*», и послѣ объяснилъ: «мнѣ сказали, что это комедія...» «Бѣдные Россійскіе писатели! — продолжаетъ авторъ — вотъ какъ сочиненія ваши читаются. Не худо бы разсмотрѣть, отъ чего Россійское стихотворство кажется погребено съ тѣломъ безсмертнаго Ломоносова, и отъ чего подобные ему писатели, ежели нынѣ таковые есть, остаются въ неизвѣстности, хотя науки и писатели нынѣ покровительствуемы Россійскою Минервою болѣе, нежели то во времена прошедшія бывало?» Уваженіе къ званію поэта, выражающееся въ этихъ отрывкахъ, ничуть не было господствующимъ въ тогдашнемъ Русскомъ обществѣ. Изъ самой біографіи Державина извѣстно, что на стихотворство многіе смотрѣли какъ на пустое препровожденіе времени. Это понятіе не разъ высказалось и въ Собесѣдникѣ, наприм. (XV, 34) въ *Эпитафіи мудрецу нынѣшняго вѣка*, которая начинается такъ:

«Лежитъ здѣсь мудрый мужъ, что *въ карты вѣкъ игралъ,*
Стихи писалъ
И спалъ.»

При такомъ положеніи литературы, появленіе Собесѣдника заключало въ себѣ великое значеніе. Не одни внѣшнія, въ высшей степени благопріятныя обстоятельства были причиною его необыкно-

веннаго успѣха. Къ нимъ присоединилось еще здравое его направленіе. Національная цѣль знатной издательницы обнаружилась въ исключеніи всякихъ переводовъ изъ состава этаго журнала. Не менѣе важенъ для него былъ выражавшійся въ немъ духъ безпристрастія и той любви къ истинѣ, которая не боится суда искренняго. «Издатели — сказано въ особенномъ объявленіи, напечатанномъ въ концѣ I Части Собесѣдника—просятъ всѣхъ любителей Россійскаго слова и всю публику, ежели кто захочетъ написать критику на какое-либо сочиненіе, находящееся въ семъ собраніи, не искать другихъ типографій къ напечатанію таковыхъ критикъ или сатиръ, но присылать оныя прямо къ издателямъ, или на имя Е. С. Княг. Е. Р. Дашкавой, которая конечно прикажетъ оныя безъ малѣйшей перемѣны напечатать въ семъ же Собесѣдникѣ». Приглашеніе, въ слѣдъ за этимъ, всѣхъ литераторовъ присылать свои сочиненія «для помѣщенія въ сіе изданіе» должно было доставить множество и *незваныхъ* сотрудниковъ журналу, въ которомъ всѣхъ дѣятельнѣе участвовала Сама Государыня: въ самомъ дѣлѣ, «всякой умѣющій писать старался помѣщать въ Собесѣдника свои сочиненія (XVI, 10) *. Въ слѣдствіе приведеннаго объявленія Собесѣдникъ становился часто поприщемъ полемики, всегда заманчивой для *большинства* читателей. Наконецъ къ успѣху его немало содѣйствовало преобладавшее въ

* Въ-старину всегда говорили: помѣщать въ Собесѣдника, въ Вѣстника, въ Друга Просвѣщенія.

немъ *сатирическое* направленіе, которое съ первыхъ уже страницъ дало себя почувствовать въ *Фелицѣ*, потомъ такъ игриво выражалось въ *Быляхъ* и *Небылицахъ*, сверхъ того поддерживалось остроуміемъ Фонвизина, и вообще составляло отличительный характеръ бо̀льшей части статей, а часто и стиховъ, помѣщенныхъ въ Собесѣдникѣ. Все это придало журналу много живости, тѣмъ болѣе, что издатели нерѣдко выражали свои мысли въ формѣ писемъ, будто бы адресованныхъ къ нимъ изъ разныхъ мѣстъ, наприм. изъ Звенигорода, изъ Москвы. При этомъ они не упускали случая говорить о необыкновенномъ успѣхѣ Собесѣдника, о томъ, какъ его вездѣ въ провинціи читаютъ, и какой великой пользы отъ него можно ожидать для просвѣщенія. Умно сообщали они разные толки о Собесѣдникѣ, опровергали, осмѣивали невыгодныя сужденія—и, печатая иногда статьи, совсѣмъ для нихъ нелестныя, умѣли приправлять свои возраженія колкою ироніей. Такъ во II Части кто-то, подъ именемъ *Любослова*, помѣстилъ мелочную критику на 1-ую книжку: досталось этому Любослову въ слѣдующихъ Частяхъ Собесѣдника! Въ 3-й книжкѣ другой критикъ выразился довольно неучтиво на счетъ издателей. Въ возраженіи сказано между прочимъ, что онъ писалъ, «не зная, можетъ быть, кто они таковы». Критикъ намекнулъ, что въ Собесѣдникѣ подъ вымышленными именами разумѣются извѣстныя лица. Вотъ что отвѣчали: «Изъ издателей Собесѣдника по крайней мѣрѣ одинъ не скрывался и знаемъ всѣми

(т. е. Княгиня Дашкова); *Клиръ же, Дамонъ, Клариса* и тому подобныя имена ничьего прозванья, ни имени не означаютъ; то хотя бъ кто себя подъ оными и узнавалъ, въ томъ воля его, а не вина сочинителей или издателей, кои предоставляютъ публикѣ заключать, сколь мало благопристойно предложенное сочиненіе, которое, ежели не послужитъ къ удовольствію читателей, то конечно служить можетъ образцомъ неучтивости. А чтобъ впредь таковыхъ невѣжливыхъ сочиненій читатель въ Собесѣдникѣ встрѣтить не могъ, то издатели таковыхъ къ нимъ присылаемыхъ сочиненій въ ономъ печатать нс будутъ; ибо равновѣсія никаковаго нѣтъ между аллегорическими выдуманными стихотворцами именами, на счетъ коихъ они вольны писать, что имъ вздумается, и тѣмъ, чтобъ писать къ извѣстнымъ особамъ, кои, не имѣя другаго намѣренія, какъ пользу и увеселеніе публики, никакъ себя и не скрываютъ». Статьи такаго рода, безъ сомнѣнія, писались то самою Княгинею Дашковой, то Козодавлевымъ. Въ своихъ *Запискахъ* Княгиня именно говоритъ, что и она работала для журнала. «Изъ другихъ сотрудниковъ, прибавляетъ она, особенно дѣятеленъ былъ адвокатъ Козодавлевъ, помѣщавшій въ немъ и прозу и стихи (Соврем. т. XXXVII, стр. 30)». Въ связи съ приведеннымъ объясненіемъ можно выписать еще слѣдующій отрывокъ изъ письма, подъ заглавіемъ: *Искреннее сожалѣніе объ участи г. издателей Собесѣдника* (III, 152). «Надобно наполнять Собесѣдника твореніями достойными его. Но

гдѣ жъ ихъ взять? Присылаемые къ вамъ разноманерные пакеты, запечатанные то полушкою, то пуговкой, правда, наполнены стихотвореніями: но по скольку добрыхъ стиховъ на сто худыхъ? Я увѣренъ, что не находите вы тутъ ниже по шести на сто указныхъ процентовъ. Помѣщать же всякую прозу, которая до рукъ вашихъ доходитъ, было бы ни что иное, какъ издавать книгу, которую никто читать не захочетъ». Дѣйствительно, есть въ Собесѣдникѣ чудные образчики тогдашняго авторства. Любопытно также замѣтить правописаніе, какое встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: *этово*, *ево*, *предражайшева*. По-видимому, оно употреблялось преимущественно тогда, когда языкъ приноравливался къ простонародному; но въ письмо Русской дамы, которая безпрестанно пестритъ его Французскими словами, такая ортографія введена, кажется, съ умысломъ ироніи (Ч. I). Въ *Сонетѣ* же къ *сочинителю Фелицы* (III, 46) сказано даже *сваво* (блаженства) вмѣсто *своего*. Извѣстно, что и въ наше время была попытка установить въ Русскомъ языкѣ такое правописаніе.

Самую большую часть трудовъ Императрицы Екатерины въ Собесѣдникѣ составляютъ Ея *Записки касательно Россійской Исторіи*. Юмористическіе расказы и замѣтки, которые Она писала подъ заглавіемъ *Былей и Небылицъ* заняли только 120 страницъ съ небольшимъ и прекратились съ VIII Частью Собесѣдника. Сверхъ того въ 3-й книжкѣ (стр. 160) Государыня удостоила отвѣчать на вопросы, доста-

вленные въ редакцію Фонвизинымъ; при чемъ издатели объяснили, что они «раздѣлили трудъ разсматривать присылаемыя къ нимъ сочиненія понедѣльно, равно какъ и отвѣтствовать на оныя, ежели того нужда потребуетъ. Сочинитель Былей и Небылицъ, разсмотрѣвъ присланные вопросы отъ неизвѣстнаго, на оные сочинилъ отвѣты, кои совокупно здѣсь прилагаются». И–такъ сочинитель Былей и Небылицъ считалъ себя въ числѣ издателей журнала? Какъ Собесѣдникъ интересовалъ Августѣйшую Сотрудницу, видно изъ многихъ мѣстъ этихъ расказовъ, гдѣ объ немъ упоминается съ особеннымъ участіемъ; то же доказываетъ смѣлость, съ какою нѣкоторые изъ наполнявшихъ журналъ могли въ статьяхъ своихъ обращаться къ Сочинителю Былей и Небылицъ. Правда, они, по большей части, подъ видомъ критики тонко хвалили это сочиненіе, но какъ было и не хвалить его? И что могло быть справедливѣе сдѣланнаго кѣмъ-то замѣчанія, что это «совсѣмъ новаго рода сочиненіе (Собес. VI, 175—178)? Здѣсь не мѣсто распространяться о произведеніяхъ пера Екатерины; сужденія о тѣхъ изъ нихъ, которыя напечатаны въ Собесѣдникѣ, должны войти въ составъ общей оцѣнки литературныхъ заслугъ Великой Монархини, еще не обратившихъ на себя надлежащаго вниманія критики. Мы только позволимъ себѣ указать на глубокую идею, руководившую Екатериною въ Быляхъ и Небылицахъ, и Ею самою высказанную шуточнымъ объясненіемъ, что онѣ «вытащены изъ обширнаго моря *естества* (Со-

бесѣдн. III, 140). * Были и Небылицы «сдѣлали Собесѣдника знакомымъ съ знатными Дамами, и каждая изъ нихъ читала его съ удовольствіемъ (XV, 10)».

Записки касательно Россійской Исторіи появлялись въ каждой Части Собесѣдника до самой предпослѣдней; но въ этой книжкѣ онѣ занимаютъ уже немного мѣста; въ шестнадцатой ихъ совсѣмъ нѣтъ—и за то какъ тощи этѣ двѣ послѣднія книжки! *Записки*, составляющія по большей части только выборъ изъ Лѣтописей, высоко цѣнились современниками, что̀ также видно изъ многихъ отзывовъ Собесѣдника; да онѣ и въ самомъ дѣлѣ были въ

* Авторъ предполагаетъ, что къ нему пишутъ:

«Господинъ или Госпожа издательница Былей и Небылицъ! Напрасно изволите думать, что въ описаніяхъ вашихъ закрытые лики остаются сокрытыми. Я и моя семья знаемъ и угадываемъ, кто они таковы; да и не мы одни столь догадливы, знакомые намъ тоже угадываютъ. Я сіе вамъ сообщаю для осторожности вашей; ибо на васъ многіе сердятся: пребывая вамъ

Всепокорнѣйшій слуга
Петръ Угадаевъ.

«Господину Петру Угадаеву всенижайшій отвѣтъ.

Буде вы и семья ваша между знакомыми вашими нашли сходство съ предложенными описаніями въ Быляхъ и Небылицахъ, то сіе доказываетъ, что Были и Небылицы вытащены изъ обширнаго моря *естества*. Хотя не имѣю чести знать ни васъ, ни семьи, ниже знакомцовъ вашихъ; но какъ они равномѣрно какъ и всѣ плаваютъ въ той же стихіи, то статься можетъ, что попались нѣкоторые изъ васъ ненарокомъ въ рукавъ; Были и Небылицы наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится, но люди тутъ безъ имени; а описывается умоположеніе человѣческое; до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ. Буде же Карпъ или Сидоръ сердится, и желаетъ быть описанъ лучше, пусть пришлетъ описаніе своей особы; слово отъ слова внесемъ въ Были и Небылицы, съ прописаніемъ имени, полуимени, три четверти имени, или съ начальною только буквою, или и безъ имени, какъ кто пожелаетъ; пребывая и проч.»

то время очень важны, какъ примѣръ любви къ отечественной Исторіи и какъ попытка представить ее въ общепонятномъ видѣ. Всѣ знали, кто былъ Авторъ *Записокъ* — могъ ли примѣръ Его остаться безплоднымъ? И тутъ, въ основныхъ идеяхъ этаго труда, виденъ умъ, высоко стоявшій надъ современнымъ образованіемъ Россіи *.

Кто бы писалъ о нравахъ нашего отечества въ царствованіе Екатерины, тотъ нашелъ бы въ Собесѣдникѣ, особливо въ сатирическихъ его выходкахъ, обильные матерьялы для своего труда. Но намъ пора уже возвратиться къ главному предмету нашего разсмотрѣнія. Лучшимъ переходомъ къ Державину можетъ служить любопытная, полушуточная статья, которою начинается послѣдняя Часть Собесѣдника и откуда мы уже представили отрывокъ, когда говорили о происхожденіи оды: *Фелица*. Вотъ заглавіе этой статьи: «*Историческія, философическія, политическія и критическія разсужденія о причинахъ возвышенія и упадка книги, во всѣхъ концахъ Россійскія Имперіи въ 1783 году славившейся, и по столичнымъ, губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ городамъ той Имперіи до сего дня читаемой, но не столько какъ прежде покупаемой, а именно, Собесѣдника любите-*

* Такъ въ выноскѣ подъ предисловіемъ къ Запискамъ сказано: «Собиратель сихъ Записокъ не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за пазухой, онъ вѣкъ свой чтился выполнить долгъ благодарнаго сердца. Онъ думаетъ, что похвальное не останется безъ хвалы; непохвальное безъ опороченія; добраго же умалять доброту, или порочнаго умножать дурноту, и тѣмъ подобиться неискусному врачу, либо невѣжествомъ наполненному дѣтскому учителю — не есть его дѣло».

лей Россійскаго слова». Жаль, что эта статья не кончена. Изъ нея напечатаны только три коротенькія Главы, и послѣдняя заключается слѣдующими словами: «Словомъ, сія книга распространилась весьма скоро повсюду, нравилась почти каждому, а кому она и не полюбилась, тотъ ее читалъ изъ любопытства. Иной находилъ тутъ сучки, видимые въ очахъ брата своего; другой встрѣчалъ тутъ бревна, видимыя другими въ собственныхъ его глазахъ; иной не хотѣлъ сего примѣтить, другой на издателей гнѣвался. Вотъ краткая исторія возвышенія Собесѣдника, а философическія разсужденія о разнообразныхъ причинахъ сего возвышенія предлагаются въ слѣдующей Главѣ, во удовольствіе тѣмъ, которые болѣе смѣются, нежели плачутъ *.

(Продолженіе впредь, ежели читателямъ угодно).»

Въ 1-й Главѣ этой статьи авторъ (Козодавлевъ?) расказываетъ, какъ «лѣтъ съ тридцать тому назадъ» въ Русской литературѣ господствовали Ломоносовъ и Сумароковъ, и какъ они «почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ просили баснословныхъ боговъ къ себѣ въ гости и часто были ими посѣщаемы». Примѣру этихъ двухъ писателей слѣдовали и другіе: «оды, наполненныя именами баснословныхъ боговъ, начали на читателей наводить скуку, и наконецъ служили онѣ и нынѣ служатъ пищею мышамъ и крысамъ. На Парнассѣ Россійскомъ поселились потомъ другіе сочинители, и издавать начали, хотя и поне-

* Намекъ на одно лицо, упоминаемое въ Быляхъ и Небылицахъ (Соб. IV, 166).

многу, другаго рода сочиненія; но читатели, отвращенные отъ Россійской литературы скучными одами, мало ихъ читали».

Вотъ каково было положеніе дѣлъ въ нашей литературѣ, когда внезапно появилась въ Собесѣдникѣ

Фелица,

подъ заглавіемъ: «Ода къ премудрой Киргизкайсацкой Царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ Татарскимъ мурзою, издавна поселившимся въ Москвѣ, а живущимъ по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ. Переведена съ Арабскаго языка 1782 года». Противъ этато заглавія была выноска: «Хотя имя сочинителя намъ неизвѣстно; но извѣстно намъ то, что сія ода точно сочинена на Россійскомъ языкѣ». «Подъ именемъ Фелицы», сказано въ другой выноскѣ, «разумѣется здѣсь премудрость, а сынъ ея разсудокъ».

Львовъ говоритъ, что Императрица названа Киргизкайсацкою Царевною частью потому, что у автора были деревни въ Оренбургской губерніи близъ Киргизской орды, которая числилась въ подданствѣ Россіи. Этаго объясненія нельзя принять, когда вспомнимъ, что въ самой Сказкѣ о Царевичѣ Хлорѣ Фелицею названа дочь *Хана Киргизскаго*. Какія деревни были у Державина въ Оренбургской губерніи, намъ неизвѣстно; мы знаемъ только, что онъ наслѣдовалъ отъ отца небольшое имѣніе близъ Казани; но такъ-какъ онъ вскорѣ послѣ женитьбы

ѣздилъ въ Оренбургъ, то можетъ быть, что у него дѣйствительно была и въ той сторонѣ какая-нибудь собственность.

Разсмотримъ содержаніе Фелицы.

Строфы:

1. 2. Обращеніе къ Фелицѣ съ просьбою, чтобы она подала совѣтъ, какъ найти розу безъ шиповъ.

Подай, Фелица! наставленье:
Какъ честно и правдиво жить,

NB. Вмѣсто *честно* поставлено въ-послѣдствіи *пышно*.

Какъ укрощать страстей волненье
И щастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ.
Мятясь житейской суетою,
Севодня властвую собою,
А *завтря* прихотямъ я рабъ

NB. Здѣсь соблюдена первоначальная ортографія.

3. 4. Добродѣтели Фелицы въ противоположности съ недостатками ея мурзъ, преданныхъ нѣгѣ и роскоши. Выдавая себя за однаго изъ этихъ царедворцевъ, поэтъ говоритъ:

Подобно въ карты не играешь,
Какъ я отъ утра до утра.

Темными могутъ показаться стихи:

Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на Востокъ.

Первый изъ этихъ стиховъ относится къ Мартинистамъ, которые воображали, что могутъ бесѣдовать съ духами; а во второмъ намекъ на довольно-обыкновенную въ то время мечту о завоеваніи Индіи, намекъ, встрѣчающійся у Державина и въ другихъ пьесахъ.

5—10. Въ качествѣ мурзы поэтъ приписываетъ себѣ господствующія между современными вельможами слабости. Здѣсь онъ между прочимъ задѣваетъ Потемкина, Орлова, Нарышкина, Вяземскаго, что все объяснено въ книжкѣ Львова. Этѣ строфы составляютъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ отдѣловъ *Фелицы*, представляя рѣзкую картину нравовъ тогдашнихъ Русскихъ царедворцевъ. Строфы 6–ая и 7–ая живо напоминаютъ двѣ другія въ одѣ: *Къ первому Сосѣду*. Тамъ находимъ такое описаніе:

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой:
И Аліатико съ Шампанскимъ,
И пиво Русское съ Британскимъ,
И Мозель съ Зельцерской водой.

Въ вертепѣ мраморномъ прохладномъ,
Въ которомъ льется водоскатъ,

На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь лѣни, нѣги и отрадъ,
Любовью распаленный страстной,
Съ младой, веселою, прекрасной
И нѣжной нимфой ты сидишь;
Она поетъ; ты страстью таешь;
То съ ней въ весельѣ утопаешь,
То, утомленъ весельемъ, спишь *.

Въ *Фелицѣ* читаемъ:

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ:
Тамъ славный окорокъ Вестфальской,
Тамъ звенья рыбы Астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ;
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средъ винъ, сластей иароматъ.

Или, средь рощицы прекрасной,
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь,
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце ей любовь.

* Эти стихи такъ были первоначально написаны: и остались безъ всякаго измѣненія.

Ясно видно, что поэтъ въ обоихъ случаяхъ рисовалъ тѣ же картины дѣйствительности, глубоко запечатлѣвшіяся въ его воображеніи, Такъ въ его поэзіи вездѣ отражается современная жизнь съ ея рѣзкими особенностями.

11. 12. Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
. . . .
Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславьемъ и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Такъ напечатано въ собраніи сочиненій Державина; но въ Собесѣдникѣ было сказано:

«Между *Лентягомъ* и *Брюзгой*»,

лицами, которыя, какъ мы видѣли, играютъ роль въ Сказкѣ о Царевичѣ Хлорѣ. Сколько извѣстно, подъ этими именами Государыня разумѣла великолѣпнаго *Князя Тавриды* и Князя Вяземскаго, который «часто брюзжалъ, когда у него, какъ отъ управляющаго Казначействомъ, денегъ требовали (Льв. II, 3).»

Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ!
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ!
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

13 — 24. Похвала достоинствамъ Фелицы, начинающаяся такъ;

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна! свѣтъ изъ тмы творить,

Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить.

Этими словами изображается новое раздѣленіе Имперіи и устройство областнаго управленія, бывшія слѣдствіемъ *Учрежденія о Губерніяхъ*.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого...

Вмѣсто *не оскорбляешь* въ Собесѣдникѣ стояло: *ни ненавидишь*. Въ осьмнадцатой строфѣ недоставало одной рифмы. Тамъ было:

О коль щастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткой, Ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Владѣетъ областью какой.

Вмѣсто послѣдняго стиха, въ собраніи сочиненій Державина явился другой:

Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить,

за которымъ по прежнему слѣдуетъ:

Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе Царей не пить.

Въ этомъ отдѣлѣ оды представлены простодушнымъ, отчасти шуточнымъ тономъ главныя черты политическихъ дѣлъ, домашнихъ занятій и душевныхъ свойствъ Екатерины. Вопросъ, которымъ оканчивается предыдущій отдѣлъ, распространенъ въ 24-ой строфѣ, и разрѣшенъ отвѣтомъ:

У трона развѣ Твоего!

25 и 26. Но гдѣ Твой тронъ сіяетъ въ мірѣ

(а не *миръ*, какъ послѣ было печатаемо)?

Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ, Смирнѣ, Кашемирѣ?
Послушай! гдѣ Ты не живешь

(т. е. ни живешь):

Хвалы мои Тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ Тебя желалъ!
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какаго Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ Твоихъ коснусь,
Да словъ Твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь.
Небесныя прошу я силы,
Да ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо Тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки,
Да дѣлъ Твохъ въ потомствѣ звуки
Какъ въ небѣ звѣзды возблестятъ.

Перенести на Государыню имя Фелицы, которая въ Сказкѣ о Хлорѣ показала столько нѣжной любви къ молодому Царевичу, вообразить себя ея мурзою, обратить къ ней рѣчь и въ своемъ лицѣ соединить всѣ самые разительные недостатки ея

придворныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ воздать хвалу ея собственнымъ достоинствамъ — было идеею необыкновенно-счастливою. Какъ въ маскарадѣ переодѣтому все позволяется говорить, такъ и Державинъ, скрывшись подъ одеждою Татарскаго мурзы, и на все, что окружало его, набросивъ покровъ вымысла, могъ въ шуточномъ тонѣ высказать много истинъ, которыхъ иначе нельзя бы было коснуться. Въ похвалахъ Екатеринѣ онъ умѣлъ такъ вѣрно охарактеризовать Ее, свой тонъ онъ такъ удачно приноровилъ ко вкусу Государыни, онъ въ каждомъ стихѣ обнаружилъ такое глубокое пониманіе духа всѣхъ дѣлъ Ея, такое истинное сочувствіе къ Ея человѣчности, что новое произведеніе его не могло остаться безъ сильнаго дѣйствія на сердце Государыни. Извѣстно, что, когда Княгиня Дашкова, по отпечатаніи I Части Собесѣдника, поднесла эту книжку Екатеринѣ, и на другой день послѣ доклада, въ понедѣльникъ, опять явилась во дворецъ, то застала Ея Величество въ слезахъ за чтеніемъ Фелицы. Съ любопытствомъ Императрица спросила у нея, откуда она взяла это сочиненіе, и кто авторъ. Княгиня, не зная, чему приписать такой вопросъ, смутилась. Екатерина продолжала: «не опасайтесь; я васъ только о томъ спрашиваю, кто бы такъ коротко могъ знать меня и умѣлъ такъ меня описать, что, видишь, я плачу.» Извѣстно также, какимъ образомъ Государыня изъявила поэту свое благоволеніе: когда онъ, черезъ нѣсколько дней послѣ появленія Собесѣдника, обѣдалъ у своего на-

чальника, Князя Вяземскаго, то курьеръ привезъ ему пакетъ съ надписью: *Изъ Оренбурга отъ Киргизской Царевны къ мурзѣ*, и въ этомъ пакетѣ заключалась золотая табакерка, осыпанная брильянтами, съ 500 червонцевъ (Львовъ. II, 9). Эту милость поэтъ въ-послѣдствіи помянулъ стихами:

Блаженъ, кому Царевны
Какой бы ни было орды,
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ,
Изъ сребророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ,
За росказни, за растабары,
За вирши, иль за что-нибудь,
Изподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ *.

Вскорѣ исполнилось и желаніе, выраженное въ послѣдней строфѣ Фелицы: Державинъ, котораго Княгиня Дашкова описала Екатеринѣ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, былъ представленъ Императрицѣ. Этаго счастья удостоился онъ въ одно воскресенье, въ Кавалергардской комнатѣ, при множествѣ зрителей. Государыня, подойдя къ нему, въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась и, окинувъ автора быстрымъ взоромъ, подала наконецъ ему руку. Сего величественнаго взора авторъ не могъ забыть никогда (Львовъ. II, 15), и послѣ написалъ:

* Досканцами назывались въ-старину маленькіе ящички, въ которыхъ держали разныя мелкія принадлежности женскаго убора. Подъ великолѣпными теремами и свѣтлицами разумѣется Царско-сельской дворецъ.

Сафиро-свѣтлыми очами
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла!
Пребудетъ образъ въ вѣкъ во мнѣ,
Она которой впечатлѣла.

Одна уже милость Екатерины должна была сдѣлать Державина и новое произведеніе его предметомъ шумной молвы. Но Фелица дѣйствительно заслуживала то вниманіе, какаго удостоила ее Императрица—и справедливая слава была удѣломъ Державина. Фелица много способствовала первоначально къ успѣху Собесѣдника: «Лишь первый листъ сей книги, содержащій оду къ премудрой Фелицѣ, напечатался, то издатели читали оный каждому, желавшему слушать сіе Татарскаго мурзы стихотвореніе, и говорили встрѣшнему и поперешнему о красотахъ, находящихся почти въ каждомъ отдѣленіи сей оды. Болтливая богиня, Слава вытвердила ее наизусть и распространила по всему городу... Первая Часть Собесѣдника вышла — и лишь о рожденіи сего изданія публика извѣстилась, то у каждаго, по-Русски читать умѣюшаго, очутилась она въ рукахъ. Каждый восхищался сею новорожденною книжкою, и хотя нѣкоторыя сочиненія и показались многимъ съ лишкомъ солоны, однако же читались какъ грамотными, такъ и безграмотными читателями. Слухъ о щедромъ награжденіи, полученномъ мурзою отъ руки, награждать и ободрять дарованія умѣющія, поощрилъ хорошихъ сочинителей къ дальнѣйшимъ трудамъ, а въ дурныхъ воз-

будилъ зависть. Начали браниться. Дурные стихотворцы и ихъ пріятели ополчились на издателей. Пустословы или Любословы начали писать критики — загорѣлась война; но война сія болѣе еще возвысила Собесѣдника. Онъ явился въ Москву и въ многіе города Россійской Имперіи, гдѣ уже слухъ о немъ давно распространился, и повсюду увеличивалъ свою славу (Собесѣд. XVI, стр. 9).»

Кромѣ Фелицы, въ первой книжкѣ Собесѣдника помѣщено еще пять стихотвореній Державина, но ни подъ Фелицею, ни подъ остальными нѣтъ никакой подписи. Вообще и въ этомъ журналѣ рѣдко видны имена участвовавшихъ въ немъ; только Богдановичь, который, какъ было показано, пользовался и тогда уже славою однаго изъ первыхъ Русскихъ поэтовъ, всегда выписывалъ во всей полнотѣ не только фамилію свою, но и имя *Ипполитъ;* еще подписывались иногда *Я. Княжнинъ* и *М. Муравьевъ;* чаще ставились только начальныя буквы имени и фамиліи. Фонвизинъ ни разу не подписался въ цѣломъ Собесѣдникѣ. Державинъ также. Впрочемъ во всѣхъ шестнадцати Частяхъ этаго журнала мы находимъ только *шесть* новыхъ стихотвореній Державина. Остальныя *семь* были уже прежде напечатаны, большею частію въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ. Таковы именно: *На новый годъ* (1781), *Къ сосѣду, На смерть Князя Мещерскаго, На рожденіе Порфиророднаго Отрока, На отсутствіе Императрицы въ Бѣлоруссію* и ода *Ключь.* Издатели Собесѣдника, какъ замѣчаетъ Остолоповъ, ободрили Держави-

на и утвердили въ хорошемъ мнѣніи публики о его талантѣ, перепечатавъ въ своемъ журналѣ большую часть его сочиненій, прежде помѣщенныхъ въ Вѣстникѣ. Во II Части Собесѣдника помѣщена сверхъ того ода: *Успокоенное невѣріе*, подъ которою сказано, что она «сочинена и напечатана въ 1779 году; но послѣ того г. сочинитель ее передѣлалъ такъ, какъ она здѣсь находится». И-такъ это стихотвореніе неизвѣстно намъ въ томъ видѣ, въ какомъ первоначально явилось, исправленное — по словамъ Остолопова и Львова — пріятелями поэта. Показаніе года въ приведенномъ примѣчаніи несогласно съ разнорѣчащими извѣстіями обоихъ комментаторовъ; мы приняли еще несходное показаніе Сопикова (1776 годъ) — и теперь остаемся при прежнемъ мнѣніи, вопреки Собесѣднику, гдѣ, можетъ быть, цыфра 6 ошибкою напечатана наоборотъ. Невѣроятно, чтобы *Успокоенное невѣріе* сочинено было не прежде 1779 года. Во-первыхъ, тогда совершился уже переломъ таланта Державина — и, послѣ оды *На смерть Князя Мещерскаго*, послѣ *Ключа*, не было поэту надобности давать свои стихи поправлять другимъ. Во-вторыхъ, если *Успокоенное невѣріе* написано было въ 1779 году, то отъ чего же оно не появилось въ *Вѣстникѣ*, гдѣ Державинъ помѣщалъ всѣ свои тогдашнія произведенія? Въ-третьихъ, эта ода была плодомъ счастливо-побѣжденныхъ сомнѣній поэта, а въ 1779 году, послѣ женитьбы, онъ былъ уже свободенъ отъ всякаго колебанія въ убѣжденіяхъ, и *Успокоенное невѣріе* не могло возникнуть рядомъ

съ другими стихотвореніями той эпохи, ясно свидѣтельствующими о спокойствіи духа, уже успѣвшемъ твердо установиться. *

Почти подъ всѣми перепечатанными въ Собесѣдникѣ пьесами Державина означено, что онѣ переделаны такъ, какъ тамъ помѣщены; въ томъ же видѣ перешли онѣ потомъ и въ собраніе его сочиненій. Объ одѣ *На новый годъ* сказано, что «г. Сочинитель совсѣмъ оную передѣлалъ,» хотя перемѣны и въ ней ограничиваются только немногими стихами, что̀ было отчасти показано при разсмотрѣніи *участія Державина въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ* (Современникъ; т. XXXVIII, стр. 72).

Я. Гротъ.

* Срав. Современникъ; т. XXXVII, стр. 174 — 179.

ДВѢ ПѢСНИ ИЗЪ АДА ДАНТА АЛИГЬЕРИ.

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Великанъ Антей опускаетъ Виргилія и Данта на дно мрачнаго колодезя. Неувѣренный въ собственныхъ своихъ силахъ, Поэтъ взываетъ о помощи къ Музамъ, ибо приступаетъ къ описанію средоточія вселенной, краеугольнаго камня всей адской бездны, девятаго и послѣдняго круга, гдѣ ледяный Коцитъ, замерзшій отъ взмаховъ крылъ Люцифера, казнитъ величайшій грѣхъ — измѣну. Какъ всѣ тяжести стремятся къ центру земли, такъ всѣ пороки человѣческіе тяготѣютъ къ измѣнѣ, первородному грѣху Люцифера. Потому-то всѣ круги адской бездны, приближаясь къ его обители, стѣсняются все болѣе и болѣе; потому-то и здѣсь, какъ въ мрачной, чуждой любви, душѣ эгоиста, царствуетъ вѣчная тьма, вѣчный холодъ, вѣчная ненависть. На четыре отдѣленія дробится проклятая бездна: въ первомъ, *Каинѣ*, названномъ такъ по имени Каина, томятся предатели своихъ родственниковъ; во второмъ, *Антенорѣ*, заключены измѣнники отечества; третье, *Птоломея*, казнитъ предателей друзей своихъ, и наконецъ, четвертое, *Джьюдекка*, получившее имя отъ Іуды Искаріотскаго, содержитъ въ себѣ измѣнившихъ своимъ благодѣтелямъ и Богу. — Въ этой пѣсни описывается первое отдѣленіе и часть втораго.

Когда бъ мой стихъ былъ дикъ и грубъ какъ мысли,
Приличныя для страшной бездны сей,
Надъ коей всѣ громады скалъ нависли —

Тогда бъ я выжалъ мысль свою полнѣй;
Но стихъ мой слабъ изобразить ту яму,
И не безъ страха я начну о ней.

Не языкомъ, зовущимъ *папу, маму*,
Вселенной дно я долженъ описать,
Чтобъ дерзкій замыслъ не подвергнуть сраму.

Но да послужатъ дѣвы [1] мнѣ опять,
Помогшія пѣвцу воздвигнуть Ѳивы,
Чтобъ могъ предметы стихъ мой выражать!

О гнусный родъ, межъ всѣми нечестивый,
Затертый льдами вѣчныя зимы —
Будь стадомъ козъ, ты былъ бы родъ счастливый!

Когда гигантъ въ колодезь страшной тьмы
Къ ногамъ своимъ спустилъ насъ изъ объятій,
И созерцалъ я стѣны сей тюрьмы —

Вдругъ возлѣ насъ раздался крикъ проклятій:
«Гляди же подъ ноги, и такъ пятой
Не попирай головъ несчастныхъ братій!»

И обратясь, увидѣлъ подъ собой
Я озеро, которое съ кристаломъ
Имѣло больше сходства, чѣмъ съ водой.

[1] Музы. Амфіонъ, пѣвецъ Греческій, игрою на лирѣ подвигнулъ камни, которые сами собою сложились въ стѣны и положили первое основаніе Ѳивъ. Не безъ цѣли упоминаетъ здѣсь Данте о Ѳивахъ — этомъ гнѣздѣ ужаснѣйшихъ измѣнъ и преступленій, совершенныхъ въ древности.

Самъ Танаисъ въ стремленьи одичаломъ,
Иль въ Австріи Дунай своихъ валовъ
Не тяготитъ столь толстымъ покрываломъ,

Какое здѣсь — и пусть въ сей мрачный ровъ
Вдругъ съ Пьетропаной Таберникъ свалится [2],
Подъ ними ледъ не треснетъ у краевъ.

И какъ лягушка, квакая, стремится
Изъ пруда мордой въ тѣ часы, когда
Колосьевъ сборъ порой селянкѣ снится [3]:

Такъ до ланитъ, гдѣ зеркало стыда [4],
Замерзли тѣни, щелкая зубами
Какъ аисты, и посинѣвъ средь льда.

Всѣ грѣшники поникнули глазами:
Скорбь ихъ сердецъ является въ очахъ,
О холодѣ твердятъ онѣ устами [5].

Я внизъ взглянулъ, и подъ собой въ ногахъ
Увидѣлъ двухъ, которыхъ льды тамъ смяли,
Что волосы сплелись на ихъ главахъ.

«Скажите вы, что̀ грудь такъ съ грудью сжали,»
Спросилъ я, «кто вы?»—и на мой вопросъ,
Закинувъ выи, взоръ они подняли.

[2] *Пьетропана,* высокая гора въ Тосканѣ, недалеко отъ Лукки. *Таберникъ* — одиноко стоящая, высокая гора въ Славоніи.

[3] Т. е. лѣтомъ, когда жатва уже кончена, и бѣдная сельская дѣвушка, весь день подбиравшая оброненные колосья, продолжаетъ думать объ нихъ и во снѣ. — Данте въ своихъ сравненіяхъ часто уподобляется Гомеру, рисуя, подобно ему, самыя очаровательныя картины сельской жизни среди ужасовъ ада.

[4] У грѣшниковъ, наполняющихъ Каину, еще осталось чувство стыда.

[5] Т. е. стучаніемъ и скрежетомъ зубовъ.

Изъ глазъ, когда-то влажныхъ, капли слезъ
До самыхъ губъ они струили оба,
И новымъ льдомъ имъ вѣки сжалъ морозъ:

Такъ плотно брусьевъ не скрѣпляетъ скòба!
Они же лбами грянулись сильнѣй,
Чѣмъ два козла: такъ ихъ объяла злоба!

И вотъ одинъ, котораго ушей
Лишилъ морозъ, лицомъ припавши къ льдинѣ,
Спросилъ: «Зачѣмъ не сводишь съ насъ очей?

Ты хочешь знать, кто эти два? Въ долинѣ,
Гдѣ съ горъ бѣжитъ Бизенціо ручьемъ,
Отецъ ихъ, Альбертъ, съ ними жилъ донынѣ.

Они два брата [6]; обойди кругомъ
Каину всю — не встрѣтишь предъ собою,
Кто бъ былъ достойнѣй стынуть подо льдомъ:

Ни тотъ, чью грудь и тѣнь своей рукою
Пронзилъ Артуръ [7]; нижѐ Фокаччья самъ [8];
Ни даже сей, который головою

[6] По словамъ Боккаччіо, это были два брата-близнецы: Алесандро и Наполеонъ дельи Альберти, тиранствовавшіе въ Фальпсеровѣ, гдѣ протекаетъ Бизенціо. Они измѣннически умертвили другъ друга.

[7] Мордрекъ возмутился противъ отца своего, короля Артура, и выжидалъ его въ засадѣ; но Артуръ пронзилъ измѣнника такъ сильно копьемъ своимъ, что солнечный лучь прошелъ сквозь рану, и потому какъ бы раздѣлилъ тѣнь убитаго (См. Lancelot du lac, dern. partie de la table ronde. Cap. XXI). — Другіе комментаторы (Бенвенуто изъ Имолы, Ландино, Веллутелло) называютъ тѣнью спину, которая, если грудь обращена къ солнцу, находится въ тѣни.

[8] Фокаччья де'Канчелльери, изъ партіи Бѣлыхъ, величайшій трусъ и измѣнникъ своего времени, умертвилъ своего родственника, Детто де'Канчелльери, однаго изъ Черныхъ.

Загородилъ всю даль моимъ очамъ
И прозывался Сассоль [9] — коль въ Тосканѣ
Родился ты, его ты видѣлъ тамъ.

Но чтобъ мнѣ кончить свой расказъ заранѣ,
Узнай: я Пацци — и Карлина жду [10],
Чтобъ онъ меня здѣсь превзошелъ въ обманѣ.»

Потомъ я зрѣлъ тьму синихъ лицъ во льду [11],
И я дрожу, и ввѣкъ дрожать я буду,
Лишь вѣчный ледъ на память приведу.

Когда мы шли къ срединѣ, что̀ отвсюду
Влечетъ всю тяжесть къ центру своему,
И съ трепетомъ я зрѣлъ льдяную груду —

Судилъ ли рокъ, иль случай быть тому,
Не знаю; но, идя межъ черепами,
Ногой я въ лобъ ударилъ одному.

«За что̀ ты бьешь?» вскричалъ онъ со слезами;
«Коль не пришелъ ты мнѣ вдвойнѣ отмстить
За Монт'Аперти, что̀ разишь ногами?»

[9] Сассоль Маскерони убилъ своего двоюроднаго брата; передъ казнію возили его, прикованнаго къ бочкѣ, по улицамъ Флоренціи.

[10] Мессеръ Альберто Камичьонъ деи Пацци да Валь д'Арно измѣннически убилъ своего родственника, Убертино. Онъ хочетъ сказать, что предательства Карлино деи Пацци, который былъ еще живъ во времена Данта, такъ велики и ужасны, что его собственная измѣна должна казаться передъ ними ничтожною. Этотъ Карлино, принадлежа къ Бѣлымъ, сдалъ въ руки Черныхъ крѣпость Піано во Флоренціи.

[11] Данте вступаетъ во второе отдѣленіе девятаго круга, Антенору, названное такъ по имени Троянца Антенора, принявшаго сторону Грековъ при взятіи Трои.

И я: «Мой Вождь, дозволь мнѣ здѣсь пробыть,
Пока узнаю, кто сей грѣшникъ новый;
Потомъ, какъ хочешь, мнѣ вели спѣшить.»

Учитель сталъ, и я направилъ слово
Къ тому, который все еще грозилъ:
«Скажи, кто ты, хулитель столь суровый?»

—«А кто ты самъ?» мнѣ грѣшникъ возразилъ;
«Ты въ Антенорѣ такъ дробишь намъ лицы,
Что и живой не такъ бы поразилъ.» —

«Я живъ, и выйдя изъ льдяной темницы,»
Былъ мой отвѣтъ, «я и тебя включу,
Коль славы ждешь, къ другимъ въ свои страницы.»

И онъ на то: «Противнаго хочу;
Прочь отъ меня, не досаждай мнѣ долѣ!
Въ сей безднѣ лесть тебѣ не по плечу.»

Схвативъ его за темя: «По неволѣ,»
Воскликнулъ я, «отвѣтишь на вопросъ,
Или волосъ здѣсь не оставлю болѣ [12]!»

И онъ: «Хоть всѣхъ лиши меня волосъ,
Но не скажу, кто я, и не открою,
Хотя бъ ты сто ударовъ мнѣ нанесъ.»

Ужъ въ волосы вцѣпился я рукою,
И множество клоковъ съ него сорвалъ —
И духъ завылъ съ поникшей головою.

[12] Зрѣлище адскихъ мукъ ожесточило сердце Поэта и къ измѣнникамъ онъ не чувствуетъ уже никакаго сострадания.

Вдругъ слышу гласъ: «Чтó, Бокка, закричалъ [13]?
Иль челюстьми стучать не надоѣло,
Чтобъ лаять такъ? кой чортъ къ тебѣ присталъ?»

«Молчи жъ,» сказалъ я, «извергъ закоснѣлый!
Тебѣ упорство не могло помочь;
Позоръ твой въ мірѣ возвѣщу я смѣло.»

—«Чтó хочешь, говори; ступай же прочь!
Но и о томъ, чтó такъ языкъ торопитъ,
Не умолчи, покинувъ адску ночь.

О золотѣ Французовъ здѣсь онъ вопитъ;
Скажи: Дуэру видѣлъ я во рву [14]
На холодкѣ, гдѣ насъ измѣна топитъ [15].

Съ нимъ и другихъ тебѣ я назову:
Здѣсь Беккарія близъ тебя, сложившій
Въ Флоренціи подъ топоромъ главу [16].

Тамъ, думаю, дель Сальданьеръ, застывшій [17]

[13] Бокка Абати, Флорентинскій Гвельфъ, подкупленный Гибеллинами, въ сраженіи при Монт'Аперти отрубилъ руки знаменоносцу Джьакомо Пацци; съ паденіемъ знамени, произошло ужаснѣйшее смятеніе въ рядахъ Гвельфовъ, кончившееся для нихъ совершеннымъ пораженіемъ и побѣдою для Фаринаты, предводителя Гибеллиновъ (См. Villani lib. II c. 80).

[14] Буасо да Дуэра, Гибеллинъ изъ Кремоны, подкупленный Графомъ Монтфорскимъ, дозволилъ войску Карла Анжуйскаго проникнуть въ Апулію.

[15] Въ подлинникѣ: Là dove i peccatori stanno freschi — каламбуръ непереводимъ.

[16] Беккарія, Аббатъ Валомброзскій, изъ Павіи или Пармы, хотѣлъ передать Флоренцію въ руки Гибеллиновъ и погибъ за то на эшафотѣ.

[17] Джьованни Сальданьери, Гибеллинъ, принявшій сторону Гвельфовъ.

Съ злымъ Ганеллономъ [18]; далѣ — Трибальделлъ,
Въ Фаэнцу ночью двери отворившій [19].»

Разставшись съ нимъ, я двухъ во рву узрѣлъ
Замерзшихъ вмѣстѣ такъ, что покрываетъ
Глава главу — мученія предѣлъ!

И какъ голодный жадно хлѣбъ съѣдаетъ,
Такъ верхній зубы въ нижняго вонзалъ
У выи, тамъ, гдѣ въ черепъ мозгъ вступаетъ.

Не съ большей яростью Тидей терзалъ [20]
Трупъ Меналиппа, ослѣпленъ раздоромъ,
Съ какой сей грѣшникъ черепъ раздиралъ.

«О ты, который съ столь свирѣпымъ взоромъ
Грызешь главу сосѣда своего,
Скажи, за что?» я вопросилъ съ укоромъ;

«И коль ты правъ, терзая такъ его,
То я, узнавъ о васъ, о вашей долѣ,
И въ міръ пришедъ, не скрою ничего,

Коль не изсохнетъ мой языкъ дотолѣ.»

[18] Ганеллонъ или Ганъ Майнцскій былъ причиною гибельнаго пораженія Карла Великаго при Ронцеваллаcѣ въ Испаніи.

[19] Трибальделло или Тебальделло отворилъ Болонцамъ ворота Фаэнцы.

[20] Тидей, одинъ изъ семи вождей противъ Ѳивъ, умертвилъ Ѳивскаго героя, Меналиппа, и будучи самъ смертельно имъ раненъ, приказалъ, передъ своей смертью, отрубить голову убитаго имъ врага и грызъ ее съ яростію. См. Statius Theb. VIII. 717—767.

Пѣснь тридцать третья.

Графъ Уголино.

Въ 1284 году Пизою управляли два Глельфа: Графъ Уголино делла Герардеска, и племянникъ его, Нино да Галлура, и Гибеллинъ—Архіепископъ Руджьери дельи Убальдино. Хитрый прелатъ уговорилъ Графа изгнать его племянника; но вскорѣ потомъ самъ возсталъ противъ него и, обвинивъ Уголино въ измѣнѣ, при помощи трехъ могущественныхъ фамилій: Гваланди, Сисмонди и Ланфранки, возбудилъ противъ него ненависть народную. Осажденный во дворцѣ своемъ, Уголино принужденъ былъ сдаться разъяренному народу, вмѣстѣ съ двумя сыновьями: Гаддо и Угуччьономъ, и двумя племянниками: Нино, прозваннымъ Бригатою, и Ансельмуччьо. Ихъ заточили въ башнѣ, принадлежавшей фамиліи Гваланди; по истеченіи девяти мѣсяцевъ, башню заперли и ключи бросили въ Арно. См. Villani lib. VIII c. CXX, CXXVII.

Уста подъялъ отъ мерзостнаго брашна
Сей грѣшникъ, вмигъ отеръ ихъ по власамъ
Главы, имъ въ тылъ изгрызенной такъ страшно,

И началъ такъ: «Ты хочешь, чтобъ я самъ
Скорбь растравилъ, чтó множитъ сердцу бремя,
Лишь вспомню то, о чемъ я передамъ.

Но коль слова мои должны быть сѣмя,
Чтобъ плодъ его въ позоръ врагу возникъ,
И рѣчь и плачь услышишь въ то же время.

Не знаю, кто ты, какъ сюда проникъ;
Но подлинно я слышу гражданина
Флоренціи: такъ звученъ твой языкъ!

Ты долженъ знать, что Графъ я Уголино,
Архіепископъ подо мной Руджьеръ;
Сосѣдъ я съ нимъ и вотъ тому причина.

Не говорю, какъ въ силу подлыхъ мѣръ
Довѣрчиво я вдался въ обольщенье,
И какъ сгубилъ меня сей лицемѣръ.

Но то, о чемъ господствуетъ сомнѣнье,
Узнай, какъ страшно я окончилъ дни,
Потомъ суди, то было ль оскорбленье.

Печальное отверстье западни
(Съ тѣхъ поръ ей имя *башня глада* стало:
Погибли въ мукахъ въ ней не мы одни!)

Ужъ много разъ мнѣ свѣтъ луны являло
Сквозь щель свою, какъ вдругъ зловѣщій сонъ
Съ грядущаго сорвалъ мнѣ покрывало.

Какъ господинъ и вождь, мнѣ снилось, онъ [1]
Гналъ волка и волчатъ къ горѣ [2], которой
Видъ Лукки для Пизанцевъ загражденъ.

Со стаей псовъ, голодной, хитрой, скорой,
Гваландъ, Сисмонди и Ланфранкъ неслись.
Передъ ловцемъ, служа ему опорой.

[1] Архіепископъ Руджьери.

[2] Гора С. Джуліано, между Пизою и Луккою.

По маломъ бѣгѣ — мнѣ потомъ приснись —
Отецъ съ дѣтьми сталъ уставать примѣтно,
И псы клыками въ ребра имъ впились.

Проснувшись рано до зари привѣтной,
Я слышу: дѣти, бывшія со мной,
Во снѣ рыдаютъ, просятъ хлѣба тщетно.

Жестокъ же ты, коль не скорбишь душой
При мысли ужъ одной, чтó мнѣ грозило!
Не плачешь здѣсь — ты плакалъ ли порой?

Они проснулись; время приходило,
Когда намъ въ башню приносили хлѣбъ;
Но сновидѣнье каждаго смутило.

И вдругъ я слышу: запираютъ склепъ
Ужасной башни; я взглянулъ съ тоскою
Въ глаза несчастныхъ: взоръ мой былъ свирѣпъ.

Я не рыдалъ, окаменѣвъ душою;
Рыдали дѣти — и Ансельмо мой:
«Ты смотришь такъ, родитель! чтó съ тобою?»

Я не рыдалъ; молчалъ я какъ нѣмой
Весь день, всю ночь, доколь опять денница
Не вспыхнула на тверди голубой.

Лишь озарилась страшная темница —
Свое лице, изсохшее отъ мукъ,
Я вмигъ узналъ, узрѣвъ ихъ страшны лица,

И сталъ я грызть отъ скорби пальцы рукъ,
И думая, что мною овладѣло
Мученье глада, дѣти встали вдругъ,

Сказавъ: «Отецъ, мы всѣ рѣшились смѣло
Тебѣ быть пищей; ты дѣтей своихъ
Во плотъ облекъ, возьми жъ ты наше тѣло!»

Я стихъ опять, чтобъ успокоить ихъ.
Два дня молчали мы въ темницѣ мертвой.
Что жъ не разверзлась, мать-земля, въ тотъ мигъ?

Но только день лишь наступилъ четвертый,
Вдругъ Гаддо палъ къ ногамъ моимъ, стеня:
«Да помоги жъ, отецъ мой!» и, простертый,

Здѣсь умеръ онъ, и какъ ты зришь меня,
Такъ видѣлъ я: всѣ другъ за другомъ вскорѣ
Попадали между шестаго дня

И пятаго, и три дня на просторѣ
Слѣпой бродилъ я, мертвыхъ звалъ дѣтей;
Потомъ... но голодъ былъ сильнѣй, чѣмъ горе!» —

Сказавъ, схватилъ съ сверканіемъ очей
Несчастный черепъ острыми зубами,
Чтó какъ у пса окрѣпли для костей.

. . . .
. . . .

Дмитрій Минъ.

ОТКРЫТІЕ РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Обширна область Географіи какъ науки. *Человѣкъ* въ частномъ его быту со всѣми особенностями жизни внѣшней и духовной; *общество* — отъ племени дикихъ до государства на высшей степени гражданственности — съ его узаконеніями, нравами, промышленностію, торговыми и политическими сношеніями; *земля*, какъ обиталище людей, какъ источникъ удовлетворенія ихъ нуждъ, удобствъ, прихоти и роскоши, какъ физическое тѣло—предметъ неисчислимо-разнородныхъ изслѣдованій учености; какъ сокровищница, которой нѣдра и поверхность представляютъ наблюдателю произведенія трехъ царствъ природы; какъ планета въ сонмѣ свѣтилъ, движущихся на тверди небесной; *воды*, окружающія землю, и во глубинѣ безпредѣльныхъ пространствъ своихъ въ новыхъ видахъ содержащія еще три царства природы; наконецъ *атмосфера*, объемлющая земной шаръ; ея вѣчное движеніе, сопровождаемое чудными, плѣнительными, грозными, величественными, благотворными, гибельными явленіями — все это вмѣстѣ входитъ въ науку землеописанія. Неисчислимы выгоды, ожидающія людей по мѣрѣ дальнѣйшихъ успѣховъ ихъ въ Географіи. Ежели разумною, безсмертною душой человѣкъ пріобрѣлъ себѣ названіе *царя земли*; то ясное, точное и полное знаніе всѣхъ пред-

метовъ, принадлежащихъ Географіи, нѣкогда законно доставитъ ему и высокость, и блескъ, и силу, и власть священнаго сана, которымъ онъ вознесся надъ всѣми земными созданіями. Его взглядъ, его мысль, его слово будутъ столько же могущественны, какъ и неизмѣнны. Ихъ значеніе сравнится съ откровеніемъ самой истины. Для каждаго намѣренія, для каждаго предпріятія во благо частное и общественное у него откроется путь вѣрный и прямой. Исчисливъ сокровища, разсыпанныя передъ нимъ природою, постигнувъ устройство движенія всѣхъ пружинъ нравственныхъ, умственныхъ и политическихъ, опираясь на силы вещественныя и духовныя, онъ будетъ въ состояніи осуществлять отважнѣйшіе изъ помысловъ своихъ.

Гражданскія общества, столь удивительныя по многосложности отношеній между лицами и сословіями, ихъ образующими, преимущественно изъ точныхъ и подробныхъ показаній Географіи извлекаютъ самыя удовлетворительныя рѣшенія важнѣйшихъ своихъ вопросовъ. Въ ней и частные люди и правительства открываютъ указанія, какъ умножить источники богатства, какъ облегчить способы сообщенія между отдаленнѣйшими краями, какъ поддержать равновѣсіе во всѣхъ частяхъ народнаго хозяйства, какъ правильнѣе разложить подати, куда обратить движеніе капиталовъ, чѣмъ вознаградить отсутствіе какой-нибудь промышленности, гдѣ сосредоточить войско, какъ обезопасить его нужды, словомъ: въ обширномъ значеніи Географія есть надеж-

нѣйшее руководство во всѣхъ соображеніяхъ государственныхъ и приватныхъ. Изъ Исторіи извѣстно, что величайшіе люди древнихъ и новыхъ временъ, люди, которымъ по-видимому предоставлено было преобразованіе судьбы народовъ, главнѣйшее вниманіе обращали на расширеніе точныхъ свѣдѣній по части Географіи. Въ этомъ случаѣ довольно назвать Александра Македонскаго, Юлія Кесаря, Петра Великаго и Наполеона. Каждый изъ нихъ, сколько непосредственнымъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ, столько же и пособіями другимъ, велъ науку землеописанія къ возможному ея совершенствованію. Они проникнуты были убѣжденіемъ, что высокія политическія идеи не могутъ иначе осуществляться, какъ по мѣрѣ пріобрѣтенія точныхъ знаній въ Географіи. Никогда гражданственность, военное искуство, дипломація, промышленность, торговля и вообще успѣхи разума не пріобрѣтали столько важныхъ, благодѣтельныхъ для человѣчества переворотовъ, какъ съ путешествія Гамы по Южному Океану, а Колумба по Западному.

Правительства образованныхъ народовъ и частныя лица, ясно постигающія связь успѣховъ Географіи съ общественнымъ благомъ, давно дѣйствуютъ разными способами къ распространенію между людьми точныхъ свѣдѣній о предметахъ науки землеописанія. Въ Россіи, со времени основанія Академіи Наукъ, безпрерывно употребляемы были усилія къ совершенствованію Географіи. Наблюденіями и открытіями ея Ученыхъ давно пользуются всѣ умѣю-

щіе примѣнять науку къ жизни. Нынѣ, въ эпоху соревнованія къ общему благу, является новое Общество, которое будетъ содѣйствовать распространенію успѣховъ землеописанія. Современникъ считаетъ своею обязанностію сообщить о томъ извѣстіе читателямъ, передавая его въ томъ видѣ, какъ само Общество приступило къ обнародованію своихъ извѣстій.

✱

Возрастающая потребность во взаимномъ сообщеніи свѣдѣній о пространномъ Царствѣ Русскомъ и странахъ, съ нимъ сопредѣльныхъ, уже нѣсколько лѣтъ сряду побуждала любителей Географіи, Этнографіи и Статистики сходиться какъ для того, чтобы въ свободной бесѣдѣ пользоваться размѣномъ познаній, такъ и для обозрѣнія сочиненій, выходящихъ по симъ частямъ *.

Чѣмъ полезнѣе оказывались такія бесѣды, тѣмъ очевиднѣе становилась необходимость упрочить дальнѣйшее ихъ существованіе. Самымъ вѣрнымъ для сего средствомъ представлялось учрежденіе Общества, котораго предметами были бы Землеописаніе, Этнографія и познаніе общественнаго быта Россіи.

По ближайшемъ обсужденіи нѣкоторыми лицами современныхъ въ этомъ отношеніи потребностей, ходатайство объ учрежденіи такаго Общества было предоставлено Господину Генералъ-Адъютанту, Вице-Адмиралу *Ѳедору Петровичу Литке*.

* Такимъ образомъ, на прим , составилась недавно изданная 9-я книжка свѣдѣній о Россіи, издаваемыхъ, при Императорской Академіи Наукъ, Академиками Бэромъ и Гельмерсеномъ (Beiträge zur Kenntniß des Russischen Reiches etc.)

Просьба учредителей Общества, чрезъ Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ, къ завѣдыванію котораго принадлежитъ и Статистика Государства, была представлена на Высочайшее усмотрѣніе, и Государь Императоръ не только соизволилъ (9 Августа н. г.) на учрежденіе Общества, коего цѣль состоитъ въ разработываніи Отечественной Географіи, Этнографіи и Статистики, но, при утвержденіи представленнаго проекта временнаго Устава, даровалъ Обществу по десяти тысячь рублей серебромъ ежегодно изъ Государственнаго Казначейства. Сего не довольно: Августѣйшій Покровитель всего полезнаго Всемилостивѣйше соизволилъ и на просьбу учредителей Государю Великому Князю Константину Николаевичу о принятіи Его Императорскимъ Высочествомъ званія Предсѣдателя Русскаго Географическаго Общества.

Будучи обрадованы вѣстію о томъ, что Его Императорское Высочество, согласно съ волею Державнаго Своего Родителя, удостоилъ принять на себя званіе Предсѣдателя Общества, учредители избрали единогласно Господина Генералъ-Адъютанта *Ѳ. П. Литке* Помощникомъ Предсѣдателя и вмѣстѣ съ тѣмъ умножили число своихъ сочленовъ избраніемъ новыхъ Дѣйствительныхъ Членовъ.

Въ то же время учредители рѣшились просить Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Льва Алексѣевича Перовскаго* — доведшаго, какъ сказано выше, ихъ желаніе до Высочайшаго свѣдѣнія — о принятіи на

себя званія Почетнаго Члена, на что̀ Господинъ Министръ изъявилъ свое согласіе.

По возвращеніи въ С. Петербургъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, Общество, подъ предсѣдательствомъ Господина Генералъ-Адъютанта *Ѳ. П. Литке*, 7-го Октября, въ большой конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ имѣло засѣданіе, въ которомъ присутствовала бо̀льшая часть Дѣйствительныхъ Членовъ Общества.

Г. Генералъ-Адъютантъ *Литке* открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:

«*Милостивые Государи!*

«Прежде-нежели коснусь предмета настоящаго нашего собранія, я обязанъ исполнить порученіе, возложенное на меня Высокимъ Предсѣдателемъ нашимъ. Его Императорское Высочество поручилъ мнѣ выразить предъ Вами, Милостивые Государи, удовольствіе, съ которымъ Онъ, съ соизволенія Державнаго Родителя Своего, принялъ на себя званіе Предсѣдателя Русскаго Географическаго Общества. Обнимая въ полной мѣрѣ всю значительность Общества, имѣющаго цѣлію воздѣлывать науку и по себѣ важную и притомъ спеціально входящую въ число занятій мореходца, Великій Князь сожалѣетъ, что не можетъ теперь еще принять дѣйствительнаго участія въ трудахъ его. Но Его Высочество, не взирая на то, намѣренъ слѣдить со вниманіемъ за ходомъ и успѣхами вашихъ работъ, и содѣйствовать достиженію цѣли ихъ всѣми зависящими отъ Него средствами.

«Временный Совѣтъ пригласилъ Васъ, Милостивые Государи, собраться для окончательнаго образованія нашего Общества. Мы должны дать ему требуемую его Уставомъ организацію, безъ чего оно не можетъ начать своихъ дѣйствій.

«Приступая къ этому, позвольте мнѣ, Милостивые Государи, предварительно изложить Вамъ цѣль, для которой мы соединяемся и которая въ Уставѣ Общества въ общихъ только чертахъ означена, и указать то направленіе, которое, по моему мнѣнію, работы наши принять должны, чтобы цѣль эта надежно была достигнута.

«Географическія Общества существуютъ издавна въ Англіи, Франціи, Пруссіи и другихъ земляхъ. Работы сихъ Обществъ имѣютъ предметомъ преимущественно Географію Общую; домашняя Географія остается для нихъ предметомъ какъ бы второстепеннымъ. Наше Отечество, простираясь отъ южнѣйшаго пункта Закавказья до сѣвернаго края Таймурской земли на 40° по широтѣ, и по долготѣ слишкомъ на 200°, т. е. болѣе, нежели на полуокружность земли, Отечество наше, говорю я, представляетъ намъ само по себѣ особую часть свѣта, со всѣми свойственными такому огромному протяженію различіями въ климатахъ, отношеніяхъ геогностическихъ, явленіяхъ органической природы и проч., съ многочисленными племенами, разнообразными въ языкахъ, нравахъ, отношеніяхъ гражданственныхъ и т. д., и, прибавимъ, часть свѣта, сравнительно еще весьма мало изслѣдованную. Такія,

совершенно особенныя условія указываютъ прямо, что главнымъ предметомъ *Русскаго* Географическаго Общества должно быть воздѣлываніе *Географіи Россіи*, принимая названіе Географіи въ обширнѣйшемъ его значеніи.

«Хотя такимъ образомъ Географія Общая становится для насъ предметомъ второстепеннымъ, но изъ того не слѣдуетъ, чтобы и этотъ предметъ не имѣлъ для насъ своей важности и даже большой важности. Не говоря уже объ общемъ интересѣ, который эта наука представляетъ для всякаго образованнаго человѣка, ни о пользѣ, которую она приноситъ со стороны образованія народнаго, укажемъ только на то, сколь важно для Россіи изслѣдованіе въ Географическомъ отношеніи земель съ нею сопредѣльныхъ. Турція, Персія, Хива̀ и другія Туркестанскія области, Китай, Японія, владѣнія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ и Гудсонской Компаніи—вотъ наши близкіе сосѣды (не говоря уже объ Европейскихъ), состоящіе съ Россіею въ безпрестанныхъ торговыхъ, общественныхъ и политическихъ сношеніяхъ, сношеніяхъ, которыя, по естественному ходу вещей, съ каждымъ днемъ должны становиться и чаще и многообразнѣе. Согласитесь, Милостивые Государи, что поле, которое намъ предстоитъ воздѣлывать, довольно обширно, и жатву обѣщаетъ богатую; будемъ надѣяться, что въ дѣлателяхъ не будетъ недостатка.

«Этотъ краткой очеркъ предлежащей Обществу задачи указываетъ уже, какими путями можетъ она

быть разрѣшена. Очевидно, что дѣйствія его должны имѣть нѣсколько различныхъ направленій. Ему предстоитъ, во-первыхъ, собирать новые матерьялы, преимущественно снаряженіемъ путешествій въ страны, недостаточно еще изслѣдованныя.

«Во-вторыхъ, стараться разработывать матерьялы уже существующіе и находящіеся частію въ вѣдѣніи разныхъ Правительственныхъ мѣстъ, частію въ рукахъ частныхъ лицъ, имѣвшихъ случай производить наблюденія и изслѣдованія Географическія.

«Въ-третьихъ, извлекаемые изъ всѣхъ такихъ матерьяловъ результаты, до однаго ли познанія Россіи, или вообще до Географіи относящіеся, сообщать читающей публикѣ не только въ предѣлахъ Отечества, но и въ другихъ государствахъ.

«Не входя на этотъ разъ въ бòльшія подробности относительно круга дѣйствій Общества, прилично будетъ взглянуть на отношенія его къ нѣкоторымъ уже существующимъ Учрежденіямъ, занимающимся тѣмъ же предметомъ — Отечественною Географіею.

«*Топографическое Депо Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества* имѣетъ задачею графическое изображеніе поверхности Государства, начертаніе картъ. Тригонометрическія съемки служатъ основаніемъ этой работѣ, топографическія даютъ подробности. Въ странахъ отдаленныхъ мѣсто тригонометрическихъ измѣреній заступаютъ наблюденія астрономическія. Но пространство Россіи такъ необъятно, что безпрерывно продолжающіяся работы

Топографическаго Депо едва ли когда-либо возмогутъ обнять съ одинакою подробностію все Государство. Тутъ начинается содѣйствіе Географическаго Общества. Многія частности, для совершенства картъ необходимыя, будутъ пополняемы трудами его сочленовъ. Карты, издаваемыя Топографическимъ Депо, суть главное основаніе Математической Географіи Россіи; но онѣ представляютъ малѣйшую только часть сокровищъ, заключающихся въ Архивахъ сего знаменитаго Учрежденія. Архивы эти содержатъ множество матерьяловъ къ обогащенію Географіи и въ другихъ отношеніяхъ, и Общество наше можетъ надѣяться, что ему дозволено будетъ почерпать изъ этаго богатаго рудника.

«Очертаніе окраенности твердой земли къ морю, изслѣдованіе глубинъ моря, опредѣленіе Географическаго положенія приморскихъ мѣстъ, составляютъ задачу *Гидрографическаго Департамента*. Огромныя работы въ этомъ отношеніи уже совершены, или начаты. Всѣми свѣдѣніями нашими о положеніи и очертаніи отдаленнѣйшихъ береговъ Государства обязаны мы почти безъ исключенія трудамъ смѣлыхъ нашихъ мореходцевъ, доставившихъ сверхъ того много матерьяловъ къ познанію Климатологіи, Этнографіи и Естественной Исторіи. Ревность моряковъ нашихъ къ наукамъ не ослабла. Отъ будущаго содѣйствія ихъ и отъ разработки документовъ, хранящихся въ Архивахъ Гидрографическаго Департамента Общество наше можетъ ожидать для наукъ Географическихъ богатой жатвы.

«Не вдаваясь въ разсмотрѣніе всего, что было сдѣлано для Отечественной Географіи со стороны многихъ другихъ отраслей Государственнаго Управленія, коснемся мы еще того отношенія, въ которое Общество наше, какъ ученое сословіе, вступаетъ къ *Императорской Академіи Наукъ;* ибо та самая отрасль познаній, къ воздѣлыванію которой образовалось наше Общество, была доселѣ однимъ изъ главныхъ предметовъ дѣятельности Академіи.

«Всѣмъ извѣстны обогащенія, которыми Отечественная Географія обязана сему знаменитому сословію. Довольно упомянуть объ астрономическихъ работахъ Красильникова, Исленьева, Шуберта, Вишневскаго и другихъ; объ ученыхъ путешествіяхъ Гмелиныхъ, Палласа и такъ далѣе, до новѣйшаго путешествія Миддендорфа, чтобы видѣть, что̀ въ этомъ отношеніи совершено Академіею въ послѣднія сто лѣтъ. Если разсудимъ при томъ, что первая ученая обработка Статистики Россіи, въ твореніяхъ Шторха, имѣетъ начало свое въ Академіи же, то прямо увидимъ тѣсную связь между трудами Академіи Наукъ до сего времени и будущими дѣйствіями нашего Общества.

«Но тутъ могъ бы родиться вопросъ: на что̀ же быть особенному Географическому Обществу, когда задача его уже рѣшается Академіею, и притомъ въ такомъ объемѣ? На это отвѣчаемъ: Географія принадлежитъ преимущественно къ разряду Наукъ Естественныхъ и отчасти къ Наукамъ Историческимъ; обѣ этѣ отрасли человѣческихъ познаній

преслѣдуются Академіею въ нѣкоторыхъ только главныхъ направленіяхъ, и отъ того нѣтъ возможности доставить изслѣдованію всѣхъ побочныхъ вѣтвей одинакой степени совершенства. Ограниченная и въ средствахъ своихъ и въ числѣ сотрудниковъ обязанностію преслѣдовать въ одно время всѣ отрасли наукъ, Академія не имѣла возможности сдѣлать для Географіи всего — можно бы было сдѣлать болѣе — и это-то *болѣе* есть задача Русскаго Географическаго Общества, для разрѣшенія которой находитъ оно значительные способы въ щедротахъ Монаршихъ и въ большомъ числѣ своихъ сочленовъ. И-такъ съ ученой точки зрѣнія Географическое Общество, впрочемъ совершенно самостоятельное, есть какъ бы распространеніе Академіи для нѣкоторой спеціальной цѣли. Но имѣя однимъ изъ главныхъ предметовъ обработываніе Статистики Россіи, оно принадлежитъ къ вѣдѣнію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; и это обстоятельство, открывая ему доступъ къ стекающимся въ этомъ Министерствѣ статистическимъ матерьяламъ, будетъ значительно способствовать успѣху работъ его въ этомъ отношеніи».

За симъ Г. Помощникъ Предсѣдателя объявилъ, что, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, Управляющими Отдѣленіями, изъ которыхъ состоитъ Общество, назначены:

Отдѣленія Географіи Общей: Контръ-Адмиралъ, Баронъ *Фердинандъ Петровичь Врангель.*

Отделенія Географіи Россіи: Академикъ, Дѣйств. Ст. Сов. *Василій Яковлевичь Струве.*

Отдѣленія Этнографіи Россіи: Академикъ, Ст. Сов. *Карлъ Максимовичь Бэръ.*

Отдѣленія Статистики Россіи: Академикъ, Ст. Сов. *Петръ Ивановичь Кеппенъ.*

Въ Члены Совѣта Общества избраны:

Арсеньевъ, Константинъ Ивановичь, Дѣйств. Ст. Сов.

Бергъ 2-й, Өедоръ Өедоровичь, Генералъ-Квартирмейстеръ, Генералъ отъ Инфантеріи, Генералъ-Адъютантъ.

Вронченко, Михаилъ Павловичь, Дѣйств. Ст. Сов.

Гельмерсенъ, Григорій Петровичь, Академикъ, Корпуса Горныхъ Инженеровъ Полковникъ.

Даль, Владиміръ Ивановичь, Чиновникъ особыхъ порученій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Левшинъ, Алексѣй Ираклієвичь, Директоръ Департамента Сельскаго Хозяйства.

Ленцъ, Эмилій Христіановичь, Академикъ, Ст. Сов.

Муравьевъ, Михаилъ Николаевичь, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ.

Объявляя объ открытіи Русскаго Географическаго Общества, нельзя не надѣяться, что образованныя лица всѣхъ состояній, могущія споспѣшествовать полезнымъ его видамъ, станутъ оказывать ему содѣйствіе, соразмѣрное тому участію, которое они готовы принять въ дѣлѣ всеобщаго просвѣщенія, и въ особенности въ распространеніи познаній о Россіи.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

21. *Руская рѣчь въ сравненіи съ Западнославянскою.* Сочиненіе *Михаила Максимовича.* Книжка *первая*, Въ 8; 48 стран. Кіевъ.

Въ этой книжкѣ содержатся предварительныя статьи. Ихъ двѣ: *О значеніи и происхожденіи слова* и *О системѣ Славянскихъ нарѣчій.* Первая статья есть вступительная лекція автора, которою начато было имъ преподаваніе Русской Словесности въ Университетѣ Св. Владиміра. Во второй статьѣ, посвященной изслѣдованію системы Славянскихъ нарѣчій, разсмотрѣны мнѣнія объ этомъ предметѣ извѣстнѣйшихъ филологовъ Славянскихъ: Добровскаго, Шафарика, Палацкаго и Копитара. Въ заключеніе авторъ излагаетъ собственныя свои мысли о систематическомъ раздѣленіи Славянскихъ нарѣчій. «По моему понятію (говоритъ онъ), кругъ языковъ и народовъ Славянскихъ дѣлится прежде всего на двѣ половины: I. Восточную или Рускую и II. Западнославянскую. Этѣ половины выражаютъ собою ту степень сродства, на которой коренная Славянская рѣчь разошлась въ двѣ первоначальныя вѣтви. Здѣсь Руская рѣчь принимается соотвѣтственною не одному какому-либо Западному отдѣлу, но обоимъ вмѣстѣ — и они къ Руской рѣчи относятся, какъ

разрозненныя дѣти родной сестры ея, рѣчи Западнославянской. Каждая половина подраздѣляется опять на двѣ, ближайшія другъ къ другу части: Южную и Сѣверную, которыя составляютъ собою новую степень сродства и могутъ называться удѣлами. Здѣсь Руская рѣчь дѣлится на Южнорускую и Сѣвернорускую; а Западнославянскія нарѣчія соединяются въ два удѣла — Югозападный и Сѣверозападный. Такимъ образомъ въ Славянскомъ кругу различаются *двѣ половины* и *четыре удѣла*, которыми выражается сродство Славянскихъ нарѣчій въ своихъ высшихъ степеняхъ. ВЪ ВОСТОЧНОЙ ИЛИ РУСКОЙ ПОЛОВИНѢ, гдѣ природа Славянская сохраняетъ полноту бытія своего, и Славянская рѣчь является болѣе единою и цѣлою, чѣмъ въ половинѣ Западной. Рѣчь Южноруская, въ своихъ мѣстныхъ разностяхъ, запечатлѣна наибольшимъ единствомъ и составляетъ одинъ языкъ Южнорускій. Въ немъ можно различать два нарѣчія: 1. нарѣчіе Малоруское, съ поднарѣчіями Кіевопереясловскимъ, Волынскимъ, Слобожанскимъ и Сѣверскимъ; 2. нарѣчіе Червоноруское, съ поднарѣчіями Галицкимъ и Карпатрускимъ, болѣе другихъ особеннымъ. Рѣчь Сѣвернорусская разнообразна болѣе Южнорусской и состоитъ въ двухъ главныхъ видахъ: 1. Великорускомъ и Бѣлорускомъ или Литовскорускомъ. Принимать ихъ можно за два особыхъ языка; но еще вѣрнѣе, кажется, называть ихъ только нарѣчіями однаго Сѣвернорускаго языка. Во всякомъ случаѣ они составляютъ одно цѣлое — и

потому въ системѣ должны быть неразручно подъ общимъ именемъ, равно идущимъ къ обоимъ: таково названіе Сѣвернорускаго. Разности этихъ двухъ главныхъ Сѣвернорускихъ нарѣчій не приведены еще въ желанную извѣстность, такъ же, какъ и Южнорускія, и требуютъ новаго систематическаго переслѣдованія. Пока оно состоится, я повторю здѣсь то разпредѣленіе Великорускихъ нарѣчій, какое предложено въ моей Исторіи Древней Руской Словесности, 1839 г. Говорящія на о: 1, Нарѣчіе Верхнеруское, котораго средоточіе въ поднарѣчіи Новгородскомъ; 2. нарѣчіе Нижнеруское, котораго средоточіе въ поднарѣчіи Суздальскомъ. Говорящія на а: 3. Нарѣчіе Среднеруское, котораго средоточіе въ поднарѣчіи Рязанскомъ; 4. избранное нарѣчіе Московское, которое изъ Москвы распространилось по всей Руси и составляетъ теперь языкъ *Общеруской*, или собственно такъ называемый Рускій — представитель всей Руской рѣчи. ВЪ ЗАПАДНОЙ ПОЛОВИНѢ, по разрозненному бытію народовъ, а можетъ быть и по врожденному стремленію къ разнообразію, Славянская рѣчь произошла болѣе разъединенною и различною, чѣмъ въ Восточной. Въ рѣчи Югозападной, послѣдуя Копитару, можно принимать 4 языка: Церковнославянскій, Болгарскій, Сербскій съ Хорватскимъ и Хорутанскій. Въ рѣчи Сѣверозападной, послѣдуя Шафарику, можно принимать также 4 языка: Польскій, Чешскій съ Словацкимъ, Лужицкій и Полабскій. —— Соотвѣтственно этому дѣленію Славянской рѣчи (заклю-

чаетъ авторъ) и въ Славянскомъ племени будутъ тѣ же двѣ половины, четыре удѣла и въ нихъ восемь народовъ:

1.	Народъ	Южнорускій	13,144,000.
2.	—	Сѣвернорускій	38,040,000.
3.	—	Болгарскій	3,587,000-
4.	—	Хорватосербскій	6,095,000.
5.	—	Хорутанскій	1,151,000.
6.	—	Польскій	9,365,000.
7.	—	Словеночешскій	7,167,000.
8.	—	Лужицкій	142,000.
		Всего Славянъ	78,691,000.

Сочиненіе, начатое этою книжкою (прибавляетъ авторъ въ *Послѣсловіи*), названо Рускою Рѣчью для означенія, что въ немъ разсматривается не одинъ избранный, собственно такъ называемый *Русскій* языкъ, господствующій теперь въ Россіи, но всѣ нарѣчія, принадлежащія Рускому люду и составляющія одну Рускую рѣчь. Здѣсь она разсматривается собственно въ тѣхъ свойствахъ и отношеніяхъ, которыми или опредѣляется ея мѣсто въ цѣломъ Славянскомъ кругу, или отличается она отъ рѣчи Западнославянской; потому здѣсь наибольшее обращено вниманіе на *филологическія примѣты*, которыми Руская рѣчь напрасно соединяется въ одинъ разрядъ съ языками Славянъ Задунайскихъ, и на *полногласіе* Руской рѣчи, отъ котораго зависитъ ея отличіе отъ Западнославянской, и которое несправедливо считается не древнѣйшимъ и не корен-

нымъ, а позднѣйшимъ и пришлымъ въ ней явленіемъ. На такое понятіе о полногласіи Руской рѣчи и на ея причисленіе къ одному разряду съ Задунайскою я смотрю какъ на два привычныя заблужденія Славянской филологіи, отъ которыхъ пора бы освободиться.» Ученіе Г. Максимовича, какъ выводъ изъ многоразличныхъ системъ, замѣчательно по своей ясности, полнотѣ и приблизительной истинѣ. Еще болѣе занимательности и положительныхъ результатовъ ожидать можно отъ *книжки второй*, которую обѣщаетъ авторъ и гдѣ будетъ говорить о степеняхъ сродства означенныхъ языковъ и о звукѣ Л послѣ губныхъ буквъ.

22. *Рѣчь о камеральномъ образованіи*, произнесенная Докторомъ правъ, ординарнымъ Профессоромъ Законовъ благоустройства и благочинія государственнаго, *Иваномъ Платоновымъ*. Въ 8; 144 стран. Харьковъ.

Намъ пріятно обратить вниманіе читателей на сочиненіе, котораго предметъ справедливо занимаетъ нынѣ людей здравомыслящихъ, предметъ, образовавшій въ Русскихъ Университетахъ отдѣльную, важную часть преподаванія, и до сихъ поръ мало изслѣдованный въ литературѣ нашей. *Г. Платоновъ* систематически и по-возможности подробно изложилъ свое ученіе о Камеральномъ образованіи. Извѣстно, что слово *камеральный* возникло изъ названія *камеръ*, завѣдывавшихъ въ Германіи доходами государства и въ частности доходами владѣтельныхъ Князей. По этому значенію составленъ въ

Университетахъ отдѣлъ наукъ, «которыя бы (какъ выражается сочинитель разсматриваемой книжки), озаряя свѣтильникомъ своимъ составъ и свойство физическихъ предметовъ, указывали наилучшіе способы къ полученію ихъ изъ неистощимыхъ сокровищницъ природы; которыя бы, знакомя съ годностію и цѣлію тѣхъ предметовъ, объясняли способы для ихъ обработки и ближайшаго приспособленія къ требованіямъ человѣческимъ; которыя бы раскрывали основанія управленія всѣми видами промышленности или разработки вещественнаго міра, съ двоякою цѣлію: и государству доставить средства къ осуществленію его высокихъ цѣлей, и частному человѣку обеспечить возможность благосостоянія.» Авторъ въ первой части сочиненія разсматриваетъ, какія науки входятъ въ разрядъ камеральныхъ. Изъ Физико-математическихъ онъ вноситъ сюда. 1. Математику Чистую, 2. Математику Прикладную, 3. Физику, 4. Физическую Географію, 5. Химію, 6. Минералогію и Геогнозію, 7. Ботанику, 8. Зоологію. По его выраженію, онѣ служатъ вмѣстѣ пособіемъ и приготовленіемъ собственно къ камеральному образованію. Изъ наукъ хозяйственнаго образованія поименованы: 1. Сельское Хозяйство, 2. Технологія, 3. Лѣсоводство, 4. Гражданская Архитектура, 5. Политическая Экономія и Статистика, 6. Законы Благоустройства и Благочинія Государственнаго, 7. Законы о Государственныхъ Повинностяхъ и Финансахъ. Другую часть сочиненія составляетъ Исторія ка-

меральнаго ученія, которое по частямъ, не нося нынѣшняго своего наименованія, уже обработывалось и въ Древности. Авторъ съ необыкновенною любознательностію изслѣдовалъ всѣ пути, по которымъ камеральное ученіе подвигалось у разныхъ народовъ до нынѣшняго своего состоянія. Эта часть его сочиненія обработана, можно сказать, съ любовію и знаніемъ. Наконецъ онъ заключаетъ свое сочиненіе исчисленіемъ всѣхъ Учрежденій въ Россіи, которыхъ существованіе связано съ успѣхами камеральныхъ наукъ. Не только для Русскихъ, но и для иностранцевъ эта часть сочиненія представляетъ важные матерьялы камерально-историческаго вѣдѣнія. Вотъ названія этихъ Учрежденій. А. Для Сельскаго Хозяйства. 1. Въ Горыгорѣцкомъ казенномъ имѣніи, состоящемъ въ Могилевской губерніи, Земледѣльческая Школа, съ образцовымъ сельскимъ хозяйствомъ и коренною овчарнею, съ присоединеніемъ къ ней нужнаго для этой цѣли числа фольварковъ, съ стоящими на нихъ крестьянами и потребными землями и лѣсами. 2. Во всѣхъ полосахъ Россіи, отличающихся климатомъ, почвою и другими особенностями, въ видахъ распространенія усовершенствованнаго по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, учреждаются Учебныя Фермы. 3. Для улучшенія хлѣбопашества и вообще сельскаго хозяйства въ удѣльныхъ имѣніяхъ учреждено въ 1842 году подъ Петербургомъ особое Земледѣльческое Училище для 125-ти крестьянскихъ мальчиковъ, избираемыхъ изъ всѣхъ удѣльныхъ имѣній. 4. При Московскомъ Об-

 committed ществѣ сельскаго хозяйства состоитъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ однаго изъ членовъ Общества, Земледѣльческая Школа, въ которую принимаются люди всѣхъ сословій для обученія сельскому хозяйству. 5. По разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства въ особенности — именно по части садоводства — положено устроить въ трехъ постепенныхъ видахъ слѣдующія заведенія: а) главное училище, для образованія садоводовъ съ высшими теоретическими и практическими познаніями; б) училище втораго разряда, для образованія практическихъ садовниковъ, или огородниковъ, и в) казенные сады третьяго разряда, или питомники, которые могли бы доставлять отсадки и сѣмена всякаго рода полезныхъ растеній и овощей, свойственныхъ мѣстному климату и почвѣ. Въ главномъ и единственномъ доселѣ Училищѣ Садоводства, какое открыли въ Одессѣ, съ присоединеніемъ къ нему Императорскаго Никитскаго Сада, какъ высшаго учебнаго заведенія для практическихъ занятій, садоводство, послѣ общихъ вспомогательныхъ наукъ, преподается теоретически и практически, во всѣхъ его отрасляхъ, съ присовокупленіемъ свѣдѣній въ Латинскомъ языкѣ, сколько нужно для разумѣнія Латинскихъ названій растеніямъ. 6. По части винодѣлія находится Училище на Кавказѣ, главная цѣль коего состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ практическаго производства показать примѣръ жителямъ того края, какъ насаждать виноградъ, ходить за нимъ, дѣлать вино по правиламъ искуства, и сберегать его—чтобы

обучающіеся въ семъ училищѣ люди могли со-временемъ замѣнить иностранныхъ мастеровъ и руководствовать другихъ. 7. Къ пользѣ шелководства въ южной полосѣ Россіи, благопріятной по климатическому свойству для этой мало еще развитой отрасли сельскаго хозяйства, положено учредить, по соображеніи мѣстныхъ удобствъ, Училище шелководовъ и образцовыя тутовыя плантаціи. 8. Для общаго же распространенія и поощренія улучшеннаго сельскаго хозяйства въ Губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской области учреждена, подъ вѣдомствомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, особая инспекція, подъ названіемъ Инспекціи Сельскаго Хозяйства Южныхъ Губерній. 9. По части лѣсной существуютъ слѣдующія учебныя заведенія: а) Лѣсной и Межевой Институтъ, и б) Лисинское Учебное Лѣсничество. По лѣсной части есть еще въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ Лѣсное Училище, учрежденное въ 1836 году на двенадцать лѣтъ для образованія потребнаго числа Лѣсничихъ, которые могли бы постоянно, систематически заниматься разведеніемъ лѣсовъ на земляхъ Оренбургской пограничной линіи, и при Митавской Гимназіи классы Лѣсныхъ Наукъ, для образованія лицъ, свѣдущихъ по лѣсной части. Собственно для межевой части учрежденъ въ Москвѣ при Межевой Канцеляріи Константиновскій Межевой Институтъ, преобразованный изъ прежде-бывшаго Межеваго Училища, который, составляя главное межевое учеб-

ное заведеніе, имѣетъ цѣлію образованіе искусныхъ землемѣровъ для Государственнаго размежеванія земель. 10. Для разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ, кои, заключая въ себѣ новое предположеніе, или исправленіе недостатка существующихъ учрежденій по Государственнымъ имуществамъ и сельскому хозяйству, требуютъ свѣдѣній спеціальныхъ и соображеній ученыхъ, учрежденъ при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ Ученый Комитетъ. 11. По Горной части, для приготовленія свѣдущихъ чиновниковъ, учрежденъ Институтъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ. Б. По части мануфактурной промышленности. 1. Чтобы приготовить людей, имѣющихъ достаточныя теоретическія и практическія свѣдѣнія, для управленія фабриками, или отдѣльными частями оныхъ, учрежденъ въ С. Петербургѣ Практическій Технологической Институтъ, состоящій, подъ главнымъ начальствомъ Министра Финансовъ, въ вѣдѣніи Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли. При С. Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ находится Горная Техническая Шлола и Рисовальная Школа для вольноприходящихъ. При Рисовальной Школѣ учреждено Гальванопластическое Отдѣленіе, коего положеніе и штатъ Высочайше утверждены 27 Марта 1841 г. 2. Въ 1825 году, по представленію Министра Финансовъ, образованъ былъ въ Москвѣ также Технологическій Институтъ, съ цѣлію преподаванія коммерціи, наукъ мануфактурныхъ, прикладной Химіи, Технологіи, Механики, Гидротехники,

фабричнаго рисованія и черченія; но существованіе его было недолговременно: въ 1827 г., по поводу возникшей мысли соединить съ Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства новое Общество поощренія мануфактуръ, предположено было перевести Институтъ въ вѣдомство сего послѣдняго, Московскую Коммерческую Практическую Академію преобразовать такъ, чтобы она была вспомогательнымъ училищемъ Института и составляла бы четыре нисшіе класса его — на сей конецъ соединить ее съ Институтомъ въ одно заведеніе, подъ названіемъ Технологическаго и Коммерческаго Института, въ которомъ бы преподавались не только общія свѣдѣнія, необходимыя всякому, занимающемуся торговлею и управляющему фабрикою, но практически объяснялись бы и техническія производства. Но всѣ сіи предположенія не пришли въ исполненіе. Нынѣ, внѣ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, распространенію техническихъ свѣдѣній между промышленнымъ классомъ въ Москвѣ содѣйствуютъ находяшіяся подъ вѣдѣніемъ Министерства Финансовъ двѣ Рисовальныя Школы съ женскимъ и гальванопластическимъ Отдѣленіями. 3. Находящееся въ Черниговѣ Ремесленное Училище предназначено для образованія ремесленниковъ Губерній Полтавской и Черниговской; оно содержится на счетъ городскихъ доходовъ тѣхъ губерній и состоитъ въ вѣдомствѣ Полтавскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія. 4. Камчатская Ремесленная Школа предназначена для

обученія природныхъ тамошнихъ жителей разнымъ необходимымъ ремесламъ, какъ-то: кузнецкому, слѣсарному, плотничному, столярному и токарному. В. По части торговли. 1. Въ С. Петербургѣ находится Коммерческое Училище, состоящее подъ вѣдѣніемъ С. Петербургскаго Воспитательнаго Дома и 27 Іюня 1841 года получившее Высочайше утвержденный уставъ и штатъ. 2. Въ 1839 г. 27 Генваря, для образованія дѣтей потомственныхъ Почетныхъ Гражданъ, купцовъ первыхъ двухъ гильдій и иностранныхъ гостей къ дѣламъ коммерціи высшаго размѣра, и для приготовленія ихъ исключительно къ занятіямъ негоціантовъ, учрежденъ въ С. Петербургѣ Высшій Коммерческій Пансіонъ на пятдесятъ воспитанниковъ, въ числѣ коихъ, по особымъ уваженіямъ, могутъ быть принимаемы и дѣти купцовъ третьей гильдіи. 3. Московское Коммерческое Училище учреждено въ 1804 году Марта 12-го обществомъ купцовъ и мѣщанъ города Москвы и, принадлежа къ воспитательнымъ благотворительнымъ обществамъ блаженныя памяти Императрицы Маріи, состоитъ нынѣ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Всемилостивѣйшимъ покровительствомъ. 4. Московская Практическая Коммерческая Академія учреждена съ Высочайшаго утвержденія 17 Декабря 1840 года. 5. Для пользы торговаго мореплаванія находится въ С. Петербургѣ особое Училище, состоящее подъ главнымъ начальствомъ Министра Финансовъ въ вѣдѣніи Департамента Ма-

нуфактуръ и Внутренней Торговли и подъ управленіемъ Директора. Въ составъ сего Училища поступила существовавшая при С. Петербургской верфи Школа мореплаванія и кораблестроенія. 6. Находящееся въ Херсонѣ Училище Торговаго Мореплаванія также имѣетъ цѣлію приготовленіе молодыхъ людей, во-первыхъ, въ штурманы, или шкиперы на частныя мореходныя купеческія суда, и, во-вторыхъ, въ строители коммерческихъ судовъ. 7. Въ Архангельскѣ и Кеми учреждены Шкиперскіе учебные курсы. Они состоятъ подъ вѣдѣніемъ Министра Финансовъ по Департаменту Мануфактуръ и Внутренней Торговли. Г. По части путей сообщенія и строеній въ Государствѣ. 1. Въ С. Петербургѣ существуетъ преобразованный въ 1829 году Институтъ Корпуса Путей Сообщенія, коего цѣль состоитъ въ образованіи искусныхъ офицеровъ для службы по тому Корпусу. 2. При Главномъ Управленіи Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій учреждено Архитектурное Училище. 3. При Московской Дворцовой Конторѣ, подъ начальствомъ особаго Попечителя, состоитъ Дворцовое Архитектурное Училище, коего цѣль заключается въ образованіи архитекторовъ, совершенно свѣдущихъ въ теоретической и практической части сего художества. «Способъ общаго дѣйствованія (говоритъ за тѣмъ авторъ) къ распространенію камеральныхъ свѣдѣній въ Россіи проходитъ чрезъ всю постепенность учебныхъ заведеній по Министерству Народнаго Просвѣщенія, такимъ обра-

зомъ, что, чѣмъ выше онъ восходитъ, тѣмъ болѣе горизонтъ камеральныхъ наукъ расширяется.»

23. *Матеріалы для сравнительнаго Русскаго Словаря.* Сочиненіе *Самуила Богумила Линде.* Буквы К выпускъ *первый.* Въ 4: XII и 24 стран. въ два столбца. Варшава.

Имя Линде давно знаменито въ Европѣ. Лексикографическіе труды его составляютъ неоцѣненныя сокровища въ Славянской филологіи. Нынѣ, въ такихъ лѣтахъ, когда обыкновенный человѣкъ ищетъ только успокоенія, неутомимый нашъ филологъ еще ревностно продолжаетъ ученыя свои изслѣдованія. Мы не можемъ обстоятельнѣе ознакомить читателей съ новымъ, великимъ трудомъ его, какъ вполнѣ помѣстивъ здѣсь предисловіе почтеннаго издателя (П. А. М.) Матеріаловъ, о которыхъ идетъ рѣчь. «Пребываніе мое въ Варшавѣ, говоритъ П. А. М., доставило мнѣ пріятный случай лично познакомиться съ знаменитымъ лексикографомъ и авторомъ извѣстнаго Польскаго Словаря, Г-номъ Линде, и быть свидѣтелемъ неутомимыхъ трудовъ его по части Русско-Словянской лексикографіи. Не смотря на преклонную старость (ему уже слишкомъ 75 лѣтъ отъ роду), совершенное изнеможеніе силъ физическихъ и почти безпрерывную болѣзнь, онъ съ неутомимымъ тщаніемъ собираетъ матеріалы для сравнительнаго Русскаго словаря, и остальные годы своей жизни услаждаетъ учеными изслѣдованіями по части Русско-Словянскаго языкознанія. Матеріалы, собранные имъ до сихъ поръ, весьма важны и многочи-

сленны; нѣкоторые изъ нихъ приведены уже въ порядокъ; такъ буквы *Б*, *В*, *Г*, *Д*, *Е*, *Ж*, *З*, уже составлены, и послѣ нѣкоторой передѣлки и дополненія могутъ быть изданы въ свѣтъ; для остальныхъ же буквъ сдѣланы и дѣлаются постоянно выписки изъ разныхъ сочиненій старинной и новой письменности Русской, и редакція по мѣрѣ возможности подвигается впередъ. Важность лексикографическихъ разысканій Господина Линде, посвятившаго всю жизнь свою на изученіе сей отрасли наукъ, и пріобрѣтшаго своимъ знаменитымъ Польскимъ Словаремъ Европейскую славу, извѣстна ученому свѣту. По этому непростительна и невозвратима была бы потеря, если бы новый трудъ его и собранные имъ матеріалы остались безъ надлежащаго употребленія, и не были бы извѣстны просвѣщенной публикѣ. Вотъ что побудило меня напечатать хотя нѣкоторую часть изъ трудовъ знаменитаго Лексикографа. Изъ этихъ листовъ можно уже получить нѣкоторое понятіе о направленіи и объемѣ труда, предпринятаго Господиномъ Линде, а изъ приложеннаго при нихъ списка прочитанныхъ и приводимыхъ сочиненій и писателей легко убѣдиться, какъ въ богатствѣ и важности матеріаловъ, такъ и въ томъ, что Г-нъ Линде старается придать труду своему возможную полноту и цѣлость. Впрочемъ авторъ ссылается на извѣстное изреченіе: in magnis voluisse sat est. Матеріалы для своего труда ученый Лексикографъ собралъ какъ изъ старинной Словяно-Русской письменности, такъ и изъ произведеній новѣйшей ли-

тературы Русской. Прекрасное описаніе Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума, составленное Востоковымъ, а также описаніе рукописей Графа Толстаго, составленное Строевымъ, Остромирово и Реймское Евангелія, сочиненія Іоанна Экзарха Болгарскаго, Житія Святыхъ, всѣ Акты и Лѣтописи, изданные доселѣ Археографическою Коммиссіею, богатые сборники, какъ то: Древняя Вивліоѳика и Продолженіе оной, Сборникъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, С. Петербургской Академіи, Муханова и другихъ, собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, прочитаны и выписаны имъ со всею тщательностью. Сіи послѣднія изданія были для него тѣмъ драгоцѣннѣе, что въ примѣрахъ, изъ нихъ заимствованныхъ, можно было указать время, иногда даже мѣсто, когда и гдѣ употреблено приводимое слово, а это обстоятельство важно особенно по тому, что изъ такихъ указаній можно будетъ со-временемъ хронологически опредѣлить слова, и показать, гдѣ какое слово получило свое начало, и какимъ перемѣнамъ подвергалось въ разныхъ мѣстахъ. Онъ обратилъ также особенное вниманіе на огромныя, истинно Монаршія собранія, каковы: Полное Собраніе Законовъ и Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Извлеченныя изъ нихъ выписки важны особенно по тому, что Собранія эти изданы самимъ Правительствомъ. Что касается новѣйшей Русской литературы, то трудъ сей значительно обогащенъ выписками изъ сочиненій Ломоносова, Державина, Княжнина, Фонвизина, Дмит-

ріева, Озерова, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Крылова, Греча, Булгарина, Гоголя, Давыдова, Шевырева, Погодина, Даля и др. по части изящной словесности. Кромѣ старинной Грамматики Мелетія Смотрицкаго и новѣйшихъ Востокова и Греча, особенное вниманіе обратили на себя Филологическія Наблюденія Протоіерея Павскаго. Треязычный Лексиконъ Поликарпова, Церковный Словарь Алексѣева, первое и второе изданіе Словаря Академическаго, Словарь Соколова, Этимологическій Лексиконъ Рейфа, Корнесловъ Шимкевича, Карманный Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго языка, издаваемый Николаемъ Кириловымъ, Русско-Польскіе Словари Миллера, Якубовича, служили важнымъ пособіемъ при составленіи ученыхъ матеріаловъ. Особенно же они обогащены Опытомъ терминологическаго Словаря Бурнашева, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи бѣдность весьма ощутительна. По части зодчества, особенно въ историческомъ отношеніи, важная услуга оказана этому труду прекраснымъ изданіемъ Памятниковъ Московской древности Снегирева. Въ отношеніи названій одежды замѣчательно сочиненіе подъ заглавіемъ: «Выходы» * съ приложеннымъ при немъ отличнымъ указателемъ. Въ современной литературѣ Русской важное мѣсто занимаютъ разныя періодическія изданія, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ быть считаемы весьма за-

* Не можемъ не посовѣтовать Г. Линде воспользоваться, въ этомъ отношеніи, прекраснымъ сочиненіемъ *Г. Висковатова:* О древнемъ вооруженіи Русскихъ.

мѣчательными сборниками. Авторъ матеріаловъ пользовался особенно Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Москвитятиномъ, Современникомъ, Маякомъ, фельетономъ Сѣверной Пчелы, которая первая изъ повременныхъ изданій была доступна Господину Линде, потому-что только съ того времени, когда Его Высокопревосходительство Господинъ Министръ Народнаго Прбсвѣщенія, узнавши отъ Профессора Погодина о трудѣ Господина Линде, благоволилъ обратить на него свое благосклонное вниманіе, ученыя разысканія его обагащены были многими новыми средствами, дотолѣ ему недоступными, и трудъ его получилъ новую жизнь и лучшее направленіе. Въ наше время вездѣ, преимущественно же въ Германіи и у Словянъ, слѣдовательно и у насъ, особенное вниманіе обращено на бы́тъ и языкъ народа. Этотъ предметъ не упущенъ изъ виду и нашимъ Лексикографомъ. Важнымъ пособіемъ въ этомъ отношеніи служили ему изданія Сахарова, сочиненія Снегирева, и нѣкоторые журналы, особенно же Маякъ. Въ 1-омъ томѣ Полнаго Собранія Законовъ, стр. 1000, находится весьма замѣчательное мѣсто, показывающее, съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ Царь Алексѣй Михайловичь на областныя различія языка народнаго: «Будетъ кто въ челобитьи своемъ напишетъ въ чьемъ имени или прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто *о* — *а*, или вмѣсто *а* — *о*, или вмѣсто *ь* — *ъ*, или вмѣсто *ь* — *е*, или вмѣсто *и* — *і*, или вмѣсто *о* — *у*, или вмѣсто *у* — *о*, и иныя въ письмахъ нарѣчія, подоб-

ныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился и по обыкностямъ своимъ говорить и писать извыкъ, того въ безчестье не ставить.» Господинъ Линде держится доселѣ своего, еще въ 1807 году въ предисловіи къ Польскому Словарю высказаннаго мнѣнія, что Словарь долженъ заключать въ себѣ всѣ безъ исключенія слова, во всѣхъ ихъ значеніяхъ. Въ языкѣ выражаются всѣ чувствованія, желанія, дѣйствія, познанія и понятія людей всякаго званія, всякаго воспитанія и образованія. По мнѣнію нашего Лексикографа составитель Словаря долженъ собирать и представлять все, что онъ находитъ въ богатомъ рудникѣ нашего слова, и драгоцѣнные металлы, и камни, и щебень, и известь, и песокъ, потому-что все входитъ въ составъ огромнаго зданія человѣческаго слова. Когда Г-нъ Линде смотритъ на выписки, собранныя имъ изъ разныхъ эпохъ литературы, ему кажется, что онъ видитъ передъ собою безчисленный народъ, не только нынѣшній, но и его дѣдовъ и прадѣдовъ, приносящихъ каждый свою лепту, и требующихъ, чтобы и они, ихъ родина, друзья и сосѣды не были забыты, ne quid detrimenti capiat publica res. Въ этомъ отношеніи часто повторяетъ онъ слѣдующія слова Горація: «Ut sylvae foliis pronos mutantur in annos; prima cadunt: ita verborum vetus interit aetas. Multa renascentur, quae jam cecidere, cadentque quae nunc sunt in honore vocabula, si volet usus, quem penes arbitrium est et jus et norma loquendi.» По этому коренные языки должны быть въ грамматичес-

комъ и лексикографическомъ отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ каждыя 50-тъ лѣтъ, подвергаемы ученой повѣркѣ и разбору. По мнѣнію Господина Линде всякое слово хорошо, лишь бы только было употреблено умѣстно, прилично предмету, обстоятельствамъ, лицу говорящему, или пишущему. Вѣдь и въ природѣ на одномъ и томъ же деревѣ нѣтъ двухъ листьевъ между собою совершенно сходныхъ. Ученое сословіе, которому исключительно ввѣрено наблюденіе за правильнымъ ходомъ и развитіемъ языка, пусть разбираетъ то, что собрано, пусть опредѣляетъ, что устарѣло и вышло изъ употребленія, что можетъ быть введено, и что должно быть отвергнуто, что высоко, что низко; но да не пренебрегаетъ оно ничѣмъ, да старается сохранять все, что ему народъ представляетъ, потому-что, по истеченіи извѣстнаго времени, преемники того же сословія отвергнутъ то, что было принято и утверждено ихъ предмѣстниками, и напротивъ примутъ и утвердятъ то, что ими было отвергнуто, «cadunt quae nunc sunt in honore vocabula.» Однако и на этихъ листахъ сдѣлана уже нѣкоторая классификація, такъ на прим. звѣздочкою отмѣчены слова, нынѣ не употребляемыя; при словахъ, употребляемыхъ въ просторѣчьи, сказано, что они простонародныя. Наконецъ собиратель матеріаловъ долженъ былъ помнить не только о нарѣчіяхъ Русскаго языка, какъ-то: Великороссійскомъ, Малороссійскомъ и Бѣлорусскомъ, но и о такъ называемыхъ южныхъ и западныхъ нарѣчіяхъ Словянскихъ. Въ этомъ отно-

шеніи Господинъ Линде держался большею частью того, что имъ было собрано, сорокъ лѣтъ тому назадъ, для его Польскаго Словаря. Но съ того времени на поприщѣ изслѣдованія Словянскихъ нарѣчій сдѣланы большіе успѣхи, особенно Чехами; въ Германіи также въ послѣднее время обращено вниманіе на этотъ предметъ, преимущественно братьями Гриммами; въ Россіи важная услуга въ этомъ отношеніи оказана Павскимъ и другими. Нѣкоторыми изъ этихъ новыхъ трудовъ по части языкознанія воспользовался нашъ Лексикографъ. Онъ не забылъ также о замѣчательныхъ разысканіямъ Шишкова и о многихъ важныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности. Такимъ образомъ трудъ, предпринятый Г-номъ Линде, предвѣщаетъ появленіе въ свѣтъ огромнаго и единственнаго въ своемъ родѣ сочиненія, которое можетъ повести къ весьма важнымъ результатамъ, не только къ показанію разныхъ значеній словъ и различнаго ихъ употребленія, но и къ хронологическому и біографическому опредѣленію оныхъ, и, что всего важнѣе, къ идеологіи языка, могущей, по мнѣнію Господина Линде, быть основаніемъ народной философіи, особенно же Логики. Отъ благосклоннаго вниманія публики и отъ другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ будетъ зависѣть изданіе въ свѣтъ этаго произведенія. Между-тѣмъ напечатанные теперь листы пусть ближе ознакомятъ любителей Русскаго слова съ предпріятіемъ знаменитаго Лексикографа; пусть по крайней мѣрѣ не ус-

кользнетъ отъ ихъ вниманія трудъ, хотя, можетъ быть, несовершенный, но во всякомъ случаѣ весьма важный и полезный, могущій со-временемъ послужить матеріаломъ для единственнаго въ своемъ родѣ Словаря. Наконецъ считаю нужнымъ присовокупить, что листы эти напечатаны въ такомъ видѣ, въ какомъ я получилъ рукопись отъ автора, и что изъ числа нѣсколькихъ молодыхъ сотрудниковъ Господина Линде особенное участіе въ редакціи принимаетъ Учитель Русской Словесности, Кандидатъ Московскаго Университета, Адамъ Плеве.» Остается намъ представить образецъ изложенія въ самомъ текстѣ книги, чтобы можно было живѣе чувствовать, сколь высокаго достоинства сочиненіе, приготовляемое Г. Линде для Славянснихъ народовъ. Вотъ примѣръ.

КАБАЛА́, КА́ББАЛА, КА́БАЛА, ы, ж. Изъ слѣд. примѣра видно, что слово это, не смотря на то, что оно различнымъ образомъ пишется и различное имѣетъ удареніе и значеніе, происходитъ отъ однаго начала, и перешло къ намъ съ востока: *Арабское* кабале = *круглые, гладкіе морскіе камешки, употреблявшіеся древними Аравитянами при гаданіи, или для рѣшенія спора по жребію: отъ этаго слова происходятъ названія* кабалы, *и* кабалистики, *и Русскія рѣченія* кабала, кабалить, *со значеніями, заимствованными изъ Татарскаго и состоящими въ связи съ обычаями дрвенихъ Аравитянъ.* Энц. Лекс. 1. 528. Слово это имѣетъ два главныя значенія: 1) преданіе, таинственная наука, 2) судебное обезпеченіе, крѣпость, обязательный актъ; въ этомъ второмъ значеніи оно употребляется только въ Рус. яз. — Алексѣевъ въ своемъ Церков. Слов. 2. на стр. 129 и 130

говоритъ, что *Кабала* значитъ преданіе, и отсылаетъ читателя къ этому слову; *Ка́ббала* же съ Еврейскаго значитъ *пріятіе, соотвѣтствующее преданію;* здѣсь излагаетъ онъ различные роды этой Еврейской мистики — что явствуетъ и изъ слѣд. выписокъ: *Кабала, смѣсь превратныхъ понятій, затемненныхъ восторженными мистическими воззрѣніями* Ж. П. 39. 5. VI. 49. *Каббала изъявляетъ притязаніе быть изъясненіемъ и дополненіемъ закона писаннаго и обращается около таинъ и умозрѣнія.* ib. 38. 9. 522. срав. талмудъ. *Въ кабалѣ все дышитъ мистикою, метафизикою, теургіею.* ib. *Она предлагаетъ разныя средства къ чудодѣйствіямъ.* ib. 528. *При Іоаннѣ III., въ Новѣгородѣ Еврей Схарія успѣлъ обольстить людей слабоумныхъ Іудейскою каббалою, наукою, основанною будто бы на преданіяхъ Моисеевыхъ, на книгѣ, полученной Адамомъ отъ Бога, на искуствѣ изъяснять сновидѣнія, угадывать будущее.* Устряловъ. Ист. 2. 318. см. Карамзинъ. Ист. 6. 192. Въ Пол. Чеш., равно какъ и въ Нѣм. Франц. языкахъ, отъ этаго перваго мистическаго значенія произошли значенія интриги, происковъ, партіи, заговора, хитрости, и даже гаданія на картахъ. см. ниже *кабалистика.* см. Слов. Пол.; Чеш. Слов. Юнгмана; Нѣм. Сл. Аделунга; Dict. de Dict. Ланде. 2) КАБАЛА́ · КОБАЛА́=письменный актъ, по которому кто-нибудь обязывается заплатить долгъ, или служить, работать, быть чьимъ рабомъ, срав. *крѣпость, запись.* Это значеніе неизвѣстно западнымъ языкамъ. Слѣд. выписками еще лучше изъясняется это слово: *Кабала=заемное письмо, обязательный актъ.* Коших. въ спискѣ и на стр. 96. и др. *Кабала, слово Еврейское, значитъ крѣпость, яко заемное письмо, и служалая кабала на холопа.* Пр. Др. Вивл. 1. 55. Татищевъ; см. кабальный. *Взяти мнѣ на охотникѣхъ по кабалѣ прямыхъ рубль денегъ.* г. 1603. Акт. Юрид. 458. *Ему велѣлъ кабалу на себя писать, а въ сколькихъ деньгахъ онъ не упомнитъ.* Др. Вивл. 17. 334. *Дому на немъ осталось по кабаламъ и*

безъ кабалъ. Ж. П. 39. 6. VI. 66. *А та земля ни въ закладѣ, ни продана; а выляжетъ на ту землю какова кабала, или закладная грамота, или купчая, и намъ очищати.* г 1571. Акт. Юрид. 55. *Тѣ у меня кабалы горoцкіе утерялись, а деньги меня по тѣхъ кабаламъ дошли, а у кого тѣ ся кабалы явятъ, ино по тѣмъ кабаламъ до тѣхъ людей, которые въ сей памяти иманы, дѣла нѣтъ никому.* Акт. Юрид. 444. *Не выкуплю язъ того своего закладу на тотъ срокъ, по сей кабалѣ, и мнѣ до того своего закладу дѣла нѣту, и на тотъ мой закладъ и купчая та кабала.* г. 1518. Акт. Юрид. 266. *А не заплатимъ мы на срокъ денегъ, ино ся кабала на нашъ наволокъ четыре стожья и купчая грамота, безъ выкупа на вѣки.* г. 1483. Акт. Юрид. 260. *Бьемъ челомъ въ кабальное холопство и служилую кабалу на себя съ женою даемъ волею своею.* г. 1687. ib. 427. *Которые люди станутъ на себя давати кабалы за росты служити* Пр. Др. Вивл. I. 155. *Холопы должны были всегда быть въ служеніи тому, кому давали на себя кабалы.* Др. Вивл. 20. 253. *Въ состояніе холоповъ кабальныхъ входили добровольно изъ вольныхъ людей, и договорясь о платѣ, давали на себя заппси, чтобъ имъ служить до смерти тому, кому они запись дали; господа записывали кабалы въ судебномъ мѣстѣ.* ib. 20. 255. Карамзинъ. Ист. 7. 204. и 10. 195. Устряловъ. Ист. 2. 342. см. полная. *Новгородцы дѣлали условія съ своими князьями, чтобы они не дозволяли смердамъ у нихъ себя закладывать; т. е. вступать въ кабалы.* Ж. П. 39. 5. 11. 73. *Христосъ всѣхъ братьею нарицаетъ, а у насъ де на иныхъ и кабалы, на иныхъ бѣлыя, а на иныхъ нарядныя, а на иныхъ полныя.* Акт· Арх. 1. 249.; ib. 1. 21. Акт. Ист. 223. 228. 243 *Не продамъ своего житья бытья, не отдамъ въ кабалу малыхъ дѣтушекъ, ужъ и такъ тебя Богъ помилуетъ, Государь Царь тебя пожалуетъ.* Сахаровъ. Р. С. 3. 231· *На которые будете * кобалы поимали, или серебро перевели, а то вы съ нихъ все свести.* Собр. Гр. Румянцева I. 131. §. КАБАЛА, особаго рода наемъ Каспійскихъ

матросовъ судохозяевами. Слов. Бурнашева I. 256. 7. *Закабаленный на весь срокъ кабалы находился въ полной зависимости нанимателя.* ib Академическіе Словари и Соколовъ помѣстили только второе значеніе этаго слова, свойственное Русскому языку. Рейфъ отдѣлилъ *кабала́* отъ *ка́ббала*, при первомъ поставивъ Перс. *kèbâlè*, при второмъ же Евр. *kabbalah*. Аделунгъ подъ словомъ *Cabale* замѣчаетъ: «Der Ton liegt in diesem Worte auf dem mittelsten *a*. Das Stammvort ist das Hebräische *Cabala*, oder *Cabbala*. welches den Ton auf der ersten Sylbe hat, und bei den Juden eigentlich die geheimnissvolle Deutung der hebräischen Buchstaben und Wörter bedeutet.» Ланде производитъ Cabale de l'hebreu *kabalah*, qui signifie proprement chose recue par tradition: fait du verbe *kibbel*, qui en hébreu rabinique veut dire recevoir par tradition, recevoir de père en fils, d'âge en âge. Странное изъясненіе происхожденія слова *кабала* въ значеніи неволи, службы, находится въ слѣд. выпискѣ: *Эта кабала нынѣ называется Кувечь, главная кузница кирасъ, сабель и другаго Кавказскаго оружія въ странѣ Лезгинской*, *откуда происходитъ и наша Русская кабала*, *синонимъ неволи*, *службы*, *рудокопной и кузнечной работы*. Маякъ. 1842. V. IX. I.»

24. *Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ.* Историческое изслѣдованіе *С. Соловьева*. Въ 8; 202 стран. Моск.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ столько новыхъ матерьяловъ обнародовано въ Россіи для ея Исторіи, что если бы въ литературѣ нашей явился теперь *второй* Карамзинъ, онъ могъ бы написать сочиненіе, еще обильнѣе проникнутое прагматисмомъ, живѣе отражающее въ себѣ картины прошлаго, полнѣе объемлющее истинный духъ нашего Отечества. Особенно Министерство Народнаго Просвѣщенія, во второй половинѣ этаго періода, обогатило

Науку сколько изданіемъ драгоцѣнныхъ письменныхъ памятниковъ старины Русской, столько же и съ Университетскихъ каѳедръ одушевленіемъ молодаго поколѣнія къ спеціальному обработыванію каждой части, относящейся къ Исторіи Россіи. Сочиненіе Г. Соловьева убѣдительнѣе всего оправдываетъ послѣднее замѣчаніе наше. Молодой Ученый, готовясь посвятить знанія и труды свои Русской Исторіи, въ залогъ любви своей къ Наукѣ представилъ историческое изысканіе, вполнѣ достойное общаго вниманія и по содержанію его и по успѣху въ изслѣдованіи. Въ его мнѣніяхъ ничего нѣтъ произвольнаго, гадательнаго, даже сомнительнаго. Все подтверждается указаніями на точныя выраженія Лѣтописцевъ и другихъ свидѣтелей истины. Его развитіе просто, легко, естественно, а между-тѣмъ поражаетъ новостію и удовлетворительностію. Читая его, чувствуешь, что онъ не остался подъ чуждымъ вліяніемъ; что онъ принялъ Науку къ собственному сердцу и сообщилъ ей такую физіономію, такой характеръ, какой опредѣлился въ его личномъ убѣжденіи. Онъ не подчинился ни одной изъ тѣхъ ипотезъ о происхожденіи Русскаго народа и гражданскаго въ немъ устройства, которымъ соблазнились многіе писатели. Внимательное чтеніе Лѣтописей, умное сравненіе разныхъ въ нихъ мѣстъ для рѣшенія сомнительныхъ вопросовъ, и счастливая проницательность въ такихъ случаяхъ, которые могли быть изъяснены неудовлетворительно—вотъ главные его руководители. Ежели въ разсматриваемомъ сочиненіи чита-

тель не найдетъ того, что называется твердымъ, зрѣлымъ слогомъ; ежели предметы изложенія не получили въ книгѣ болѣе строгаго порядка и болѣе явственной отдѣльности одинъ отъ другаго — это легко изъяснить: специальное содержаніе книги всегда сообщаетъ ей одноцвѣтность языка и кажущееся отсутствіе характернаго слога; а въ размѣщеніи предметовъ сочинитель—или не смѣлъ, или не пожелалъ явиться самостоятельнымъ, слѣдуя заними попреимуществу хронологически. Всѣ лучшія принадлежности, необходимыя для писателя, сходятся къ нему по мѣрѣ его занятій Наукою и самыхъ успѣховъ въ ея постиженіи. Г. Соловьевъ начинаетъ свое сочиненіе слѣдующимъ образомъ: «Хочу властвовать въ «Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ,» говоритъ Іоаннъ III посламъ Новгородскимъ, и тѣ отвѣчаютъ: «Просимъ В. Князя объявить, какъ онъ же-«лаетъ государствовать въ своей отчинѣ, В. Новго-«родѣ, потому-что Новгородъ не знаетъ Москов-«скаго обычая.» Мало можно найти въ отечественной Исторіи словъ (говоритъ авторъ), которыя были бы знаменательнѣе приведенныхъ! Два Русскіе города, два города, называющіе себя *отчинами* однаго и того же владѣтеля, такъ отдалились другъ отъ друга на своемъ историческомъ пути, что одинъ обнаруживаетъ совершенное незнаніе объ устройствѣ другаго. Прислушаемся къ отвѣту Іоаннову: изъ него мы узнаемъ главныя черты различія между устройствами Новгородскимъ и Московскимъ. «Для того, чтобъ Новгородъ своимъ устройсвомъ

уподобился Москвѣ, говоритъ В. Князь, въ немъ не должно быть ни Вѣча, ни Посадника, а будетъ одна власть государева.» И–такъ прежде всего мы должны опредѣлить, что такое вѣче, показать отношеніе его ко власти Княжеской, и потомъ уяснить причины существованія его въ Новгородѣ и отсутствія въ Москвѣ. Въ извѣстіяхъ, Лѣтописцами сообщаемыхъ, мы различаемъ троякій родъ вѣча: вѣче, собираемое Княземъ, вѣче, собиравшееся противъ Князя, вѣче судное. Перваго рода вѣче собиралось по распоряженію Князя, или, въ его отсутствіе, по распоряженію посадника звономъ колокола, обыкновенно на дворѣ Ярослава; о другихъ же подробностяхъ касательно порядка совѣщанія мы не имѣемъ никакаго права заключать по совершенному недостатку извѣстій. Еще неопредѣленнѣе былъ характеръ остальныхъ родовъ вѣча. Вѣче, собиравшееся противъ Князя, было не иное что, какъ народное возстаніе: оно могло приготовляться въ тайныхъ вѣчахъ по домамъ недовольныхъ, и потомъ обнаруживаться въ разныхъ концахъ города, при чемъ иногда одна часть гражданъ становилась противъ Князя, другая вступалась за него, и дѣло рѣшалось битвою. Наконецъ третій родъ вѣча, вѣче судное носило тотъ же самый характеръ, какъ и вѣче, собиравшееся противъ Князя; такъ иногда жалобщикъ созывалъ одно вѣче, обвиненный другое: слѣдствіемъ было междоусобіе. Судъ и расправа производились слѣдующимъ образомъ: обиженный созывалъ вѣче, излагалъ жалобу; если въ собраніи было согласіе,

то немедленно приступали къ исполненію приговора: отправлялись въ улицу, гдѣ жилъ обвиненный, били его, если находили, грабили имущество, жгли домъ; иногда обиженный схватывалъ самъ обидчика и влекъ за собою, созывая вѣче: изложивъ жалобу, самъ становился исполнителемъ приговора, другіе помогали ему управиться съ обидчикомъ. Иногда, узнавъ, что жители извѣстной улицы совершили преступленіе, вѣче шло на эту улицу, и сожигало домà виновныхъ. При этомъ случалось, что жители улицы, противъ которой направлена была месть вѣча, вооружались и шли отражать нападеніе: сила должна была рѣшить дѣло. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что каждый гражданинъ могъ собирать вѣче, когда хотѣлъ и гдѣ хотѣлъ, при чемъ не обращалось вниманія, всѣ ли граждане присутствовали, или нѣтъ: первая толпа народа была вѣчемъ, имѣла значеніе верховнаго народнаго собранія, и, если сила была на ея сторонѣ, могла перемѣнять существующій порядокъ вещей, смѣнять Князя, сановниковъ, судить и наказывать. Присутствіе на вѣчѣ не было обязанностію гражданина, равно какъ не было правомъ извѣстныхъ сословій: каждый могъ участвовать въ собраніи, или не участвовать. Узнавъ характеръ вѣча, мы должны приступить теперь къ объясненію отношеній власти Княжеской ко власти этаго верховнаго народнаго собранія. Прежде всего наше вниманіе останавливается на правѣ вѣча смѣнять Князя: но для объясне-

нія этаго права, для показанія его происхожденія, намъ необходимо уяснить значеніе Князя въ Новгородѣ, границы его власти, и потому начнемъ съ изслѣдованія значенія Князя какъ судьи, отношенія суда Княжескаго къ суду вѣчевому. Нѣкоторые изслѣдователи отрицаютъ у Князя право суда, уступая ему только власть военную и полицейскую; но всѣ источники единогласно и положительно свидѣтельствуютъ о противномъ.» Здѣсь авторъ много привелъ мѣстъ изъ Лѣтописей для подтвержденія истины своей. За тѣмъ онъ опредѣляетъ границы судной власти Князя, какія лица и дѣла подлежали его суду, при чемъ выводится, что В. Князь былъ судіею верховнымъ, что его суду подчинены были всѣ лица беѕъ исключенія и всѣ важнѣйшія дѣла безъ всякаго переноса къ суду высшему. Перешедши къ изслѣдовенію вопроса объ исполнительной власти Князя, авторъ многими примѣрами доказываетъ, что вѣче пріобрѣтало власть исполнительную, если кто-нибудь изъ тяжущихся несправедливо получилъ судную грамоту. «И-такъ (прибавляетъ сочинитель) мы видимъ, что подлѣ власти Князя стояла власть вѣча съ одинакими правами, и опредѣлить отношенія между обѣими властями нѣтъ никакой возможности для изслѣдователя; ему остается одно средство: объяснить исторически это странное двоевластіе, показать, какъ произошло первое столкновеніе обѣихъ властей и обстоятельства, содѣлавшія возможнымъ ихъ долгое пребываніе другъ подлѣ друга

въ показанныхъ отношеніяхъ. Для этаго мы должны обратиться къ первому появленію Княжеской власти въ Новгородѣ». Авторъ критически ведетъ отсюда исторію отношеній Новгорода къ Великимъ Князьямъ. Въ ней, виденъ аналитическій, тонкій и исполненный наблюдательности умъ его. Выводомъ изъ этаго расказа служатъ слѣдующія мысли сочинителя. «Начало Новгородскаго народовластія совпадаетъ съ началомъ самаго города, относится къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда нѣсколько родовъ Славянскихъ поселились первые не берегахъ Волхова. Мы видѣли, какія причины препятствовали этому обществу къ развитію изъ самаго себя правительственнаго начала, и производили безпрерывныя нарушенія наряда; наконецъ это начало явилось извнѣ, было принесено Князьями Варяжскими. Вѣче умолкло, междоусобіе прекратилось, но не надолго между самыми Князьями скоро возникли которы (распри); сила была призвана для ихъ рѣшенія; городовое народонаселеніе не замедлило объявить, что и оно можетъ въ немъ участвовать; вѣча снова зашумѣли въ старыхъ городахъ, въ Новгородѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Вѣрные обыкновенію, со временъ Олега утвердившемуся и скрѣпленному распоряженіемъ Ярослава I-го, Новгородцы постоянно признавали своимъ Княземъ старшаго въ родѣ Ярослава, державца Кіевскаго, ему посылали дань, отъ него принимали намѣстника, или посадника, Князя, или простаго боярина. Но престолъ Великокняжескій сталъ переходить изъ одной линіи въ другую,

за его обладаніе возникли споры и междоусобія: вмѣстѣ съ Кіевомъ и Новгородъ долженъ былъ подвергнуться безпрестаннымъ перемѣнамъ, переходить отъ однаго Князя къ другому, слѣд. всѣ которы между членами рода Ярославова, всѣ междоусобія, отъ того происшедшія, должны были найти отзвучіе и въ Новгородѣ: внутренній нарядъ снова былъ нарушенъ; шумныя вѣча, волненія, междоусобія участились. Народъ привыкъ къ нимъ, привыкъ самъ рѣшать судьбу свою, привыкъ при первомъ неудовольствіи требовать новаго порядка вещей и силою подкрѣплять свои требованія. Таковы были для Новгорода слѣдствія господствовавшаго въ старой Руси порядка вещей — нераздѣльности владѣнія между членами Княжеской семьи и правъ старшаго въ родѣ. Этотъ порядокъ вещей измѣнился на сѣверовостокѣ, въ сосѣдней Новгороду области Ростовской. Здѣсь, благодаря господству новыхъ городовъ и предпочтенію, которое Андрей и его преемники умѣли оказать имъ, явилось новое понятіе, понятіе собственности неотчуждаемой. Безпрерывный переходъ Князей изъ однаго города въ другой прекратился; они усѣлись—каждый въ своемъ удѣлѣ; каждый старался, вопреки старшинству, получить городъ стольный съ его областію, но уже не для одной чести считаться старшимъ въ родѣ, а для усиленія себя на счетъ остальныхъ Князей, для распространенія своего удѣла на счетъ сосѣдей. Для утвержденія новаго порядка вещей сѣверной Россіи должно было освободиться на-время отъ Рос-

сіи южной, гдѣ старый бытъ господствовалъ, и откуда являлись на сѣверъ непобѣдимые Князья съ угрозою задавить новорожденное государство. Этому освобожденію помогли Монголы. Геній старой Руси, герой Липецкій, не измѣнилъ station—и на берегахъ Калки завелъ котору́ съ братіею и принужденъ былъ обратить тылъ предъ невѣдомыми врагами. Старая Русь, испепеленная Татарами, поддалась Князьямъ Литовскимъ и потеряла свой прежній бытъ: Новгородъ остался одинокимъ представителемъ прошедшаго, одинъ напоминалъ о старинѣ, уже непонятной и враждебной. Лишенный помощи южныхъ Князей, старый городъ не могъ бороться противъ соединенныхъ пригородовъ, и потому видѣлъ единственное средство спасенія въ ихъ разъединеніи, въ междоусобіяхъ Князей и въ ихъ зависимости отъ степныхъ варваровъ, т. е. видѣлъ единственное средство спасенія въ бѣдствіяхъ, въ безсиліи Россіи, ея уничиженіи; можно сказать, что одряхлѣвшій городъ поддерживалъ свое безполезное существованіе кровію, слезами, стыдомъ городовъ южныхъ. Стѣсненный сильною Тверью, онъ старался противопоставить ей Москву; Москвѣ, усилившейся на счетъ Твери, хотѣлъ противопоставить Нижній Новгородъ: послѣднее желаніе не исполнилось — Москва была могущественна, Орда въ изнеможеніи. Тогда Новгородъ сдѣлалъ послѣднюю, отчаянну́ю попытку: онъ обратился къ другому В. Князю Русскому, снова хотѣлъ возбудить силы старой Руси противъ новой, завязать смертельный бой между

Литвою и Москвою: но враждебный рокъ увлекалъ Литву къ западу — и союзъ съ нею положилъ только на Новгородъ пятно тяжкой измѣны, измѣны вѣрѣ предковъ. Съ 1478 года въ Новгородѣ уже не было болѣе ни вѣча, ни посадника; но представитель старыхъ городовъ не могъ вдругъ забыть своей старины, спокойно подчиниться формамъ быта ненавистныхъ пригородовъ, и потому движенія въ пользу прежняго порядка вещей долженствовали находить въ немъ сильныя отзвучія. Мы видѣли, что старый бытъ Новгорода поддерживался Княжескими междоусобіями, дававшими ему возможность выбора между соперниками. Прекращеніе междоусобій смертію Шемяки возвѣстило паденіе Новгорода: ихъ возобновленіе должно было снова воззвать къ жизни умолкнувшее вѣче. Двое братьевъ Іоанна III, Андрей Большой и Борисъ, негодуя на В. Князя за то, что онъ назначилъ мимо ихъ соправителемъ сына своего Іоанна Молодаго, вздумали вооруженною рукою заставить его отказаться отъ новаго порядка престолонаслѣдія. Разумѣется, что въ этой попыткѣ оживить старину удѣльные Князья должны были надѣяться самаго ревностнаго содѣйствія отъ знаменитаго поборника старины — В. Новгорода. Въ 1479 году В. Князь получилъ тайное извѣстіе, что Новгородъ измѣнилъ присягѣ и снова соединился съ Литвою. Король обѣщалъ немедленно явиться съ полками—и послалъ съ одной стороны къ Хану Большой Орды звать его на Москву, а съ другой къ Папѣ съ просьбою о денежномъ вспомо-

женіи для успѣха въ дѣлѣ, которое неминуемо повлечетъ за собою присоединеніе огромной области къ Римской Церкви; Папа назначилъ на военныя издержки сборъ со всѣхъ церквей Польскихъ и Литовскихъ. Новгородцы послали и къ Ордену съ просьбою о союзѣ противъ Москвы; но Нѣмцы отреклись, боясь Псковитянъ, которые ничего не знали о намѣреніяхъ своихъ старшихъ братьевъ и ревностно держались Московскаго Государя. Послѣдній показалъ въ этихъ опасныхъ обстоятельствахъ благоразуміе и рѣшительность необыкновенную. Взявъ съ собою только тысячу человѣкъ, онъ поспѣшно отправился къ Новгороду миромъ, надѣясь внезапнымъ своимъ появленіемъ задавить крамолу, а между-тѣмъ, подъ предлогомъ войны Ливонской, велѣлъ сыну набирать войска и спѣшить за собою слѣдомъ; заставы были разставлены повсюду, дабы не дать къ Новгороду вѣсти о наборѣ и приближеніи многочисленной рати. Но всѣ этѣ предосторожности были тщетны: на границахъ Московской области Іоаннъ свѣдалъ, что Новгородцы затворились и не намѣрены впускать его миромъ. Тогда В. Князь дождался своихъ полковъ и немедленно приступилъ къ Новгороду. Тѣ же обстоятельства, которыя способствовали первому торжеству его, помогли ему и теперь: союзъ съ Литвою—единственное средство избавиться отъ Москвы — былъ ненавистенъ приверженцамъ древняго Православія; они противились Литовскимъ сторонникамъ на вѣчѣ, и толпами перебѣгали въ станъ Московскій.

Тогда Архіепископъ послалъ къ В. Князю требовать опаса, позабывъ, что имѣетъ дѣло съ Іоанномъ III. Послѣдній очень хорошо зналъ, что дать опасъ и вступить въ переговоры съ Новгородомъ значило дать послѣнему видъ независимой державы, и потому отвѣчалъ: «Я самъ опасъ для невинныхъ и Государь вашъ; отворите ворота: невинные не потерпятъ отъ меня ни малѣйшаго оскорбленія», а между-тѣмъ разрушительная стрѣльба изъ пушекъ не прекращалась, «бѣ бо Аристотель искусенъ зѣло,» говоритъ Лѣтопись. Наконецъ отворились ворота, и Архіепископъ, въ сопровожденіи посадника, тысяцкаго (ибо Новгородцы поспѣшили возстановить свои древнія формы правленія), старостъ пяти концовъ, бояръ и всего народа вышелъ на встрѣчу къ В. Князю. Виновные граждане пали ницъ и просили прощенія. Іоаннъ спокойно благословился у Архіепископа и сказалъ во всеуслышаніе: «Я, Государь вашъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ; не бойтесь ничего!» и отправился, по обычаю, къ Св. Софіи, а потомъ въ домъ Ѳеима Медвѣдева, новаго посадника, гдѣ и остановился. Въ тотъ же день 50 человѣкъ главныхъ крамольниковъ были захвачены и пытаны: тутъ только К. Князь узналъ объ участіи Архіепископа въ заговорѣ, и о сношеніяхъ братьевъ своихъ съ Новгородцами. Ѳеофилъ былъ взятъ и отосланъ въ Московскій Чудовъ монастырь подъ стражу; богатство его отобрано въ казну; 100 главныхъ крамольниковъ подверглись смертной казни; 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ разосланы

по Низовымъ городамъ; 7000 семей купцовъ и черныхъ людей разведены по посадамъ и тюрьмамъ: «и тако конечнѣ укроти В. Новгородъ», говоритъ Лѣтописецъ.»

25. *Библіотека* Императорскаго *Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.* Въ 8; VI и 354 стран. Моск.

Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ учредилось 1804 г. въ Москвѣ, гдѣ и нынѣ находится. Оно значительно преобразовалось въ 1811 году, а въ 1837 удостоилось получить названіе Императорскаго. Библіотека его составилась изъ приношеній разныхъ особъ. Въ 1812 году она вся погибла отъ пожара. Но благотворительность Русскихъ не оскудѣла — и вотъ нынѣ Библіотека Общества содержитъ въ себѣ Славянскихъ и Русскихъ книгъ и рукописей 1.180 NN, да иностранныхъ 355 NN. Библіотекаремъ Общества, въ продолженіе первыхъ 25 лѣтъ, былъ извѣстный Профессоръ М. Т. Каченовскій. Въ 1836 году П. И. Артемовъ. Съ 1837 до 1841 Е. Ѳ. Коршъ, а нынѣ П. М. Строевъ, составитель каталога, о которомъ мы говоримъ. Онъ расположилъ его въ трехъ отдѣленіяхъ: въ I однѣ рукописи Русскія и Славянскія, числомъ 335, во II Русскія книги, какъ церковной, такъ и гражданской печати (845), а въ III иностранныя книги и рукописи (355). Въ концѣ каталога приложенъ Указатель названій Лицъ и прочихъ предметовъ, упоминаемыхъ въ каталогѣ. Кому извѣстны библіографическія свѣдѣнія П. М.

Строева и его страсть къ занятіямъ по этой части, тотъ можетъ вообразить, какое совершенство представляетъ его новый трудъ.

26. *Стихотворенія Александра Струговщикова*, заимствованныя изъ Гёте и Шиллера. Книга *первая*. Въ 8; VI и 225 стран. Спб.

Европа завалена журналами, въ которыхъ редакторы воюютъ противъ поэзіи. И въ Россіи, гдѣ *подражать* часто почитаютъ за обязанность, не безъ такихъ же рыцарей. Это временное уклоненіе отъ истины неудивительно. Новость какой бы то ни было мысли, самой смѣшной, легко увлекаетъ толпу писателей. Тѣмъ не менѣе истина непобѣдима, потому-что ея основа въ сердцѣ человѣка. Напрасны всѣ усилія изгнать ее оттуда: она будетъ тамъ жить, пока съ лица земли не исчезнетъ человѣкъ. Страненъ вопросъ: «къ чему поэзія?» Развѣ мы ее выдумали? Она составляетъ такую же потребность духа нашего, какъ любовь, какъ добродѣтель, какъ всякое изъ чистыхъ движеній сердца. Обстоятельства могутъ иногда настроить насъ превратно, но никогда насъ не пересоздадутъ. Напрасно мы будемъ разыскивать, въ чемъ сущность поэзіи, гдѣ область ея господства, какую цѣль назначить ей надобно. Все будутъ только слова — а дѣло ни измѣниться, ни исчезнуть отъ нихъ не можетъ. Природа продолжаетъ творить все по-своему, какъ бы мы ни изъясняли ее превратно. Созданія Гёте и Шиллера, въ эпоху враждебныхъ противъ поэзіи толковъ, еще находятъ своихъ поклонниковъ, избранныхъ, для которыхъ поэ-

зія не бредъ, не запоздалость, не мечта, а голосъ небесной истины. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ перелистывали книгу Г-на Струговщикова, съ любовію предавшагося изученію великихъ поэтовъ Германіи. Въ самомъ его стремленіи есть залогъ прекраснаго. Сочувствіе съ истиннымъ талантомъ обнаруживаетъ уже талантъ. Но эпоха, столь неблагопріятствующая поэзіи, замѣтно подѣйствовала и на труды Г-на Струговщикова. По-видимому, онъ занимался поэзіею безъ полной увѣренности въ высокомъ значеніи этаго труда. Онъ не принесъ ему въ жертву всѣхъ усилій, необходимыхъ для совершенства въ искуствѣ. На произведеніяхъ его остались слѣды недоконченности, или небрежности, разительно отличающей нынѣшнюю школу нашихъ поэтовъ отъ предшествовавшей. Идея великаго поэта обыкновенно проникаетъ все его стихотвореніе и подчиняетъ своей власти душу читателя. Части ея образуются гармонически и плѣняютъ насъ пропорціональностію своею. Для всякой мысли есть особая форма, краска и звуки. Ни одно слово не брошено случайно, безъ цѣли, безъ значенія Прочитавъ такое стихотвореніе, усвояешь его и стремишься къ осуществленію его идеи. Напрасно усиливались мы вынести въ душѣ что-нибудь изъ чтенія стихотвореній Г-на Струговщикова. Какая-то неопредѣленность, какая-то неясность мыслей, разстроенныя части, лишенныя необходимыхъ своихъ принадлежностей — красокъ и ỏбразовъ, неточность выраженій и изысканность въ языкѣ — вотъ что

замѣчаешь съ огорченіемъ въ его подражаніяхъ. Если бы онъ убѣжденъ былъ въ высокомъ достоинствѣ поэзіи какъ значительнѣйшаго изъ искуствъ, онъ своими усиліями побѣдилъ бы всѣ затрудненія, и его стихи дѣйствительно представили бы возсозданіе великихъ твореній. Это все яснѣе покажется читателю, когда мы приведемъ здѣсь хоть одну пьесу Г-на Струговщикова и сравнимъ ее съ какимъ-нибудь другимъ переводомъ, удержавшимъ въ себѣ красоты подлинника.

СЛУГА-УБІЙЦА.

Завидѣнъ слугѣ *господинъ;*
Слугою убитъ Паладинъ.
Онъ мертваго латы надѣлъ
И въ нихъ на коня его сѣлъ.
Убійца къ рѣкѣ подъѣзжалъ,
Гдѣ трупъ подъ волною лежалъ.
И *на мостъ убійца спѣшитъ,*
Но конь *неподвиженъ стоитъ.*
Коню онъ *терзаетъ бока,*
Конь сбросилъ въ рѣку сѣдока.
Онъ *вплавь, но выходитъ изъ силъ,*
И панцырь его утопилъ.

Каждое изъ отмѣченныхъ здѣсь словъ должно считать недоконченностію обработки. Не говорятъ по-Русски: *мнѣ завиденъ кто-нибудь*; можно сказать: *мнѣ завиденъ жребій его.* Далѣе: какъ трупъ убитаго очутился въ той рѣкѣ, къ которой еще только подъѣзжалъ убійца? И что значитъ: *лежать подъ волною?*

Волна бѣжитъ, а не остается на одномъ мѣстѣ. Потомъ: убійца спѣшитъ на мостъ, а конь остается неподвиженъ. Слѣдовательно — или ѣздокъ оставилъ коня, или коню нельзя было сбросить его въ рѣку, когда оба они остались передъ мостомъ. Выраженіе: *терзаетъ бока*, несвойственно духу нашей рѣчи въ подобномъ описаніи, да оно и не точно; говорится: *всадникъ бьетъ по бокамъ,* или *колетъ ихъ шпорами*. Наконецъ: *онъ вплавь,* безъ глагола ничего не значитъ; и выраженіе: *выходитъ изъ силъ*, вяло здѣсь для описываемаго живаго дѣйствія. Ежели въ 12 стихахъ оставлено столько небрежностей, можно по этому судить, какаго достоинства въ отношеніи къ языку будетъ цѣлая книга. За двадцать пять лѣтъ не было этаго у хорошихъ писателей. Они въ поэзіи дорожили всѣмъ: силою мысли, живостію картины, точностію выраженія, потому-что *совершенство искуства* не допускаетъ ничего слабаго, или недоконченнаго. Лѣтъ за двадцать пять это же стихотвореніе переведено было вотъ какъ (по закону *прогресса* теперь слѣдовало бы перевести его еще лучше):

Измѣной слуга Паладина убилъ:
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.
Свершилось убійство ночною порой —
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.
И шпоры и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня Паладинова сѣлъ.
И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ:
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.
Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока:

Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.
Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ:
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

27. *Прогулки по Невскому Проспекту.* Изданіе *Егора Расторгуева.* Въ 8; 131 стран. Спб.

Книга: Прогулки по Невскому Проспекту, произведетъ на читателя точно такое же дѣйствіе, какъ и прогулки-движеніе. Она, пріятно его развлекая послѣ утомительныхъ трудовъ, въ тоже время подѣйствуетъ и на умъ его. Тутъ есть довольно описаній и дѣльныхъ указаній. Особенно для живущихъ не въ Петербургѣ много запимательнаго въ книгѣ, ежели имъ хочется запастися подробностями о первой улицѣ перваго города Россіи. Авторъ, не вдаваяся педантически въ науку, умѣлъ коснуться до всего, что требовало справокъ и выписокъ. Но преобладающій элементъ его вездѣ весело-назидательный расказъ. 23 Главы, составляющія книгу, ведены очень систематически съ западнаго конца улицы до восточнаго. Между прочимъ есть тутъ: Исторія Невскаго Проспекта, Увеселенія въ С. Петербургѣ, Гостиный Дворъ, Казанскій Соборъ, Невскій Проспектъ за Лиговкою. Въ тоже время обрисованы передъ вами: Модный Магазинъ, Кафе-Рестораны, Сигары, Фруктовыя лавки, Торговля винами, Коаферы, Портные изъ Парижа и проч. и проч. Если бы автору вздумалось взять для сочиненія названіе позатѣйливѣе, онъ въ-правѣ былъ бы употребить самое современное, напечатавъ: *Физіологія Невскаго Проспекта.*

II.

28. *Ученіе о жизни вообще и о жизни человѣка въ особенности,* какъ такомъ предметѣ, на которомъ утверждается врачебная наука. Опытъ сближенія медицинскихъ понятій о человѣкѣ со внушеніями святой вѣры и здравой философіи. Сочиненіе *Ивана Зацепина.* Часть *вторая.* Въ 12; 176 стран. Моск.

29. *Библіотека для воспитанія.* Отдѣленіе первое. Часть *четвертая.* Годъ *второй.* Въ 12; 249 стран. Моск.

30. *Частная фармакологія,* или наука о лекарствахъ. Изданіе *Михаила Вейсберга.* Въ двухъ частяхъ. Часть *вторая. Пятая* тетрадь. Въ 8; 191—370 стран. Моск.

31. *Труды Общества Русскихъ врачей въ Санктпетербургѣ.* Часть *четвертая.* Въ 8; 348 стран. Спб.

32. *Сельское чтеніе.* Книжка *третья,* составленная *Княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ* и *А. П. Заблоцкимъ.* Въ 8; 136 стран. Спб.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

7. *Краткія поученія* Священника *Родіона Путятина.* Изданіе *четвертое* (печатано съ 3-го изданія). Въ 8; 171 стран. Моск.

8. *Паломникъ Кіевскій*, или Путеводитель по монастырямъ и церквамъ Кіевскимъ, для Богомольцевъ, посѣщающихъ Святыню Кіева. Соч. *И. Максимовича.* Изданіе *второе*, исправленное и пополненное. Въ 8; IV и 145 стран. Кіевъ.

За четыре года издана была эта книга въ первый разъ. Новое ея изданіе доказываетъ, какъ занимательно описаны предметы, избранные авторомъ. Онъ нынѣ сообщилъ сочиненію такой характеръ, что не одни Богомольцы, но и каждый путешественникъ многое почерпнетъ въ немъ для удовлетворенія любознательности.

9. *Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ*, изданная *Михайломъ Максимовичемъ.* Изданіе *третье.* Въ 8, 70 стран. Кіевъ.

10. *Сочиненія Державина.* Изданіе Штукина. Въ 8; въ два столбца; XVI и 395 стран. Спб.

11. *Собраніе расказовъ, анекдотовъ и отрывковъ,* выбранныхъ изъ лучшихъ Русскихъ писателей, для упражненія дѣтей въ переводахъ съ Русскаго языка на Французскій и на Нѣмецкій, и Русско-Француз-

ско-Нѣмецкій Словарь. *Четвертое,* исправленное изданіе, употребляемое во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 12; 127 стран. Спб.

II.

12. *На сонъ грядущій.* Отрывки изъ вседневной жизни. Сочиненіе *Графа В. А. Соллогуба.* Изданіе *второе.* Томъ *второй.* Въ 8; 407 стран. Спб.

УТРО.

С Польскаго, отрывок.

Кто лѣтъ не помнитъ тѣхъ, когда, въ счастливой долѣ,
Онъ юношею былъ; ходилъ отважно въ полѣ,
Закинувъ мѣткую винтовку на плечо;
А бѣшеная кровь кипѣла горячо!
Какъ птица воленъ былъ среди дубровъ широкихъ,
Бродилъ по всѣмъ путямъ — и въ небесахъ далекихъ
Заранѣ, какъ вѣщунъ, онъ бури узнавалъ;
Порой, какъ чародѣй, къ землѣ онъ припадалъ:
Она, безмолвная для прочихъ какъ могила,
Таинственную рѣчь съ нимъ тихо заводила.

Вотъ, утренній вѣщунъ, задёргалъ коростель,
Вспорхнулъ — и вновь упалъ въ зеленую постель —
Его неслышешь тамъ!... Вонъ жаворонокъ вьется,
Звенитъ — и пѣснь его далеко раздается.
Порою пролетитъ подъ тучами орёлъ,
Очами зоркими окидывая долъ;
Иль ястребъ, просвистѣвъ крыломъ подъ облаками,
Повиснетъ въ воздухѣ надъ темными лѣсами —
И вдругъ на голубя, слетѣвшаго съ гнѣзда,
Онъ падаетъ съ высотъ небесныхъ какъ звѣзда.

Вотъ солнце изъ-за горъ намъ очи показало,
Лучами яркими по небу заиграло;
Взглянуло на сады, на желтое гумно
И будитъ сонную красавицу давно.
На темной муравѣ лежитъ она; ланиты
Пылаютъ розами; уста полуоткрыты,
И грудь высокая вздымается слегка,
И бѣлоснѣжная откинута рука.
Проснись, ужс пора! Чу, хлопнувши крылами,
Ужъ лебедь началъ пѣть надъ сонными водами
Торжественную пѣснь, привѣтствіе зарѣ;
И гусь загоготалъ съ гусыней на дворѣ;
Какъ эхо, на прудѣ имъ утки отвѣчали;
По кровлямъ воробьи скача защебѣтали;
На пастбища бѣгутъ веселыя стадà,
И звонкій рогъ трубитъ въ долинахъ иногда.

Н. Бергъ.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Однажды въ годъ приходитъ извѣщенье
О дѣвушкѣ. Короткое письмо.
Его слова — одно благословенье.
На немъ слеза — завѣтное клеймо.

Тогда въ груди зашевелится совѣсть,
Потухшій взглядъ печалію блеститъ —
И предо мной погибельная повѣсть
Подробною картиною стоитъ.

Но въ тѣхъ скорбяхъ таинственная сладость...
И лишь тобой я оживаю вновь,
О юности плѣнительная радость,
Послѣдняя и первая любовь!

3 Августа, 1843.

Дмитрій Коптевъ.

II.

Мы тихо шли извивистой тропою,
Любуяся душистымъ цвѣтникомъ,
Когда луна стояла надъ рѣкою,
Обвитая мерцающимъ кольцомъ.
О помнишь ли?

Безгранная окрестность засыпала;
Сверчокъ журчалъ, какъ струйка на пескѣ;
И иногда твоя рука дрожала
Въ моей твою сжимающей рукѣ.
О помнишь ли?

И излилось огневыми словами
Изъ устъ моихъ: «на все и навсегда»,
Когда, блеснувъ, какъ будто бы надъ нами
Разсыпалась прекрасная звѣзда...
О помнишь ли?

22 Августа, 1845.

Дмитрій Коптевъ.

ФЕЛИЦА И СОБЕСѢДНИКЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

1. *Державинъ въ борьбѣ съ врагами.*

Какъ все выходящее изъ ряду обыкновеннаго, Фелица не могла быть предметомъ однѣхъ похвалъ. Особливо на нее возстали тѣ, которые въ ней узнавали черты собственной своей физіономіи; но она не понравилась и вообще всѣмъ, кому больно видѣть чужіе успѣхи. Собесѣдникъ сохранилъ намъ нѣсколько обращиковъ критики, которой подверглась Фелица со стороны такихъ людей. Мы видѣли, что издатели приглашали всѣхъ къ доставленію имъ и невыгодныхъ сужденій о содержаніи журнала. Прежде всѣхъ воспользовался этимъ кто-то назвавшій себя *Любословомъ* и неудовлетворенный ни Фонвизинымъ, ни Державинымъ, ни даже *Записками касательно Россійской Имперіи*, гдѣ не показались ему слова *единакій* и *выполнить*. Издатели, напечатавъ у себя эту мелочную критику, оговорились однако же, что одинъ изъ нихъ «нижайше проситъ, чтобъ дозволено ему было и не всегда исправныя свои сочиненія въ Собесѣдникъ помѣщать, думая, что честныя правила, здравый разсудокъ и пріятная шутка предпочтительны педанству. А какъ онъ

ни терпѣнія, ни времени не имѣетъ свои сочиненія переправлять, а притомъ и не хочетъ никого тяготить скукою поправлять его противу Грамматики преступленія; то — — *Е* или *Я* или *И*, можетъ статься, и впредь въ Собесѣдникѣ, по крайней мѣрѣ въ его сочиненіяхъ, не у мѣста поставлены будутъ.» Нетрудно догадаться, что здѣсь рѣчь идетъ о Государынѣ. Далѣе «предоставляется публикѣ судить, что для оной пріятнѣе бъ было, удовольствіе ли, которое всякая благородная душа возчувствовать должна при чтеніи *Оды къ Фелицѣ*, или лишеніе таковыхъ сочиненій, если бъ издатели, убоясь неизвѣстнаго критика — — перестали свои сочиненія печатать». Забавны улучшенія, предлагаемыя Любословомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Фелицы. Такъ, на прим., у Державина первоначально было сказано:

Въ часы твоихъ отдохновеній
Ты пишешь въ сказкахъ поученій...

Справедливо замѣтивъ, что «*писать* принимаетъ падежъ винительный, а не родительный», Любословъ такъ поправляетъ Державина:

«*Ты пишешь въ сказкахъ мысль ученій.*»

Не принявъ этой слишкомъ неискусной перемѣны, поэтъ однако жъ воспользовался грамматическимъ замѣчаніемъ и въ послѣдствіи написалъ:

Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья.

Другой стихъ:

Прошу небесныя я силы,

Державинъ даже передѣлалъ такъ, какъ желалъ Любословъ, для избѣжанія «одинакихъ словъ»:

Небесныя прошу я силы.

Прочія сужденія критика оставлены безъ вниманія.

Любословъ, указывая въ Фелицѣ ошибки, прибавилъ по крайней мѣрѣ, что «соблюдаетъ глубокое почтеніе къ прекраснымъ сочиненіямъ сего знаменитаго стихотворца». Болѣе желчи показалъ другой критикъ, котораго статья, будто бы присланная изъ Шлиссельбурга, помѣщена въ IV Части Собесѣдника подъ заглавіемъ: «Сумнительныя предложенія Господамъ издателямъ Собесѣдника отъ одного невѣжды, желающаго пріобрѣсть просвѣщеніе». Эта статья особенно любопытна по приложеннымъ къ ней въ выноскахъ возраженіямъ *Державина* и *Богдановича*, которымъ издатели предварительно сообщали ее. Отвѣты Державина такъ характеристически-оригинальны, а притомъ они такъ прямо относятся къ нашему предмету, что должны цѣликомъ найти здѣсь мѣсто. Но прежде выпишемъ строки, которыми критикъ заключаетъ свои привязки къ поэту: * «Сдѣлавъ сіи маленькія примѣчанія, которыя ни малѣйшимъ образомъ ни славы, ни хвалы у стихотвор-

* Здѣсь, какъ и въ другихъ выпискахъ нашихъ, соблюдается, по мѣрѣ возможности, правописаніе и пунктуація извлекаемаго мѣста.

ца убавить не могутъ, я жалѣю, что мое невѣжество принудило меня можетъ нѣсколько помѣшать удовольствію, которое онъ отъ звука похвалъ вкушаетъ, помѣшательство хотя самое малое и краткое, но въ таковомъ положеніи всегда раждаетъ докучныя чувствованіи, тѣмъ самимъ, что оно его прерываетъ. Человѣкъ, покоющійся сладкимъ сномъ, приклоня главу свою на вѣнки, сплетенные ему похвалою, отъ поднесенной закрытымъ глазамъ его свѣщи пробуждается съ непріятнымъ ощущеніемъ».

Этотъ критикъ охуждаетъ: 1, выраженіе: *Младой дѣвицы чувства* нѣжа, въ стихахъ (прежде нами выписанныхъ); 2, «уподобленіе поезіи къ лимонаду», въ стихахъ:

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ;

3, стихи:

Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки
Какъ въ небѣ звѣзды возблестятъ,

потому-что «звуки блистать не могутъ».

Державинъ отвѣчалъ:

1) «Ежели нѣтъ у Господина Невѣжды прекрасной женщины, которая бы пріятными своими объятіями нѣжила его осязаніе; то не благоволитъ ли онъ приказать себя кому хорошенько ожечь или высѣчь. Когда сіе ему сдѣлаетъ хотя небольшую боль, то вѣроятнѣе всѣхъ ученыхъ доказательствъ, изъ собственнаго своего опыта познаетъ онъ, что оскорблять чувства, слѣдовательно и *нѣжить* можно».

2) «Ни мало не противорѣча тому, что хорошая Поезія пріятна во всякое время года, кажется въ шуточномъ слогѣ, удовольствіе происходящее отъ нее, не непристойно сравнено съ тѣмъ, которое получается лѣтнею порою отъ лимонада, яко отъ напитка пріятнаго, сладкаго и прохладительнаго, слѣдовательно и нѣкоторую пользу приносящаго, тѣмъ болѣе, ежели Мурза, писавшій сію оду, не охотникъ до крѣпкихъ напитковъ, которые никогда у него въ умѣ никакого удовольствія не составляютъ, какъ то у сего Невѣжды лимонадъ, а по тому и сравненіе сіе измѣрялъ онъ по своему аршину».

3) «Въ натуральномъ смыслѣ конечно звѣзды блистаютъ, а звуки звучатъ, но въ витіеватомъ или фигуральномъ, а особливо Стихотворцы въ пренесеніи одного свойства къ другому, несходственному или совсемъ противному, то есть въ метафорахъ обыкновенно говорятъ, на примѣръ: вмѣсто *славныя дѣла отличаются, славныя дѣла блистаютъ, красота сіяетъ, пламень жретъ, земля стонетъ*, хотя первыя лучей, второй зева, а третья гласу не имѣютъ, подобно какъ брега рукъ; а Господинъ Ломоносовъ написалъ: *брега Невы руками плещутъ*. Въ протчемъ не коротко зная сочинителя, напрасно Господинъ Невѣжда сожалѣетъ и заботится о немъ, что якобы сдѣлалъ ему какую то скуку возбужденіемъ его отъ сна похвалъ поднесенною своею свѣчею: ибо свѣча его, какъ кажется, худо просвѣщаетъ, а сочинитель человѣкъ сырой, спитъ всегда крѣпко и

мало слушаетъ похвалъ; то и не огорчается, есть-ли кто и вздумаетъ пресѣкать оныя. Ежели жъ кто ево и разбудитъ недѣльно; то онъ безъ всякаго однако сердца открывается: поди братецъ съ своими пустяками отъ меня прочь и не мѣшай мнѣ спать. *(Прим. Соч. Оды)*».

Во всѣхъ этѣхъ полуязвительныхъ, полушуточныхъ выходкахъ замѣтна та энергія и рѣзкость характера, которая въ случаяхъ болѣе важныхъ не разъ вредила Державину. Но въ приведенномъ объясненіи видно и добродушіе: поэтъ говоритъ не съ сердцемъ, а только съ презрѣніемъ, которое не исключаетъ веселости. Каждая изъ трехъ выносокъ заключаетъ въ себѣ презабавныя любезности *Господину Невѣждѣ*: въ первой совѣтуется ему попробовать розги, во второй онъ тонкимъ образомъ названъ пьяницею, а въ третьей — øвралемъ. Въ стилистическомъ отношеніи возраженіе Державина можетъ служить обращикомъ не слишкомъ изящной прозы его. Можно вообразить, съ какою жадностью современники читали и Шлиссельбургскую критику и отвѣтъ на нее недавно прославившагося поэта. Многимъ это, безъ сомнѣнія, нравилось гораздо болѣе самыхъ лучшихъ стиховъ его.

Появленіе Фелицы напоминаетъ другую эпоху Русской Словесности, ту именно, когда при Дворѣ Анны Іоанновны вдругъ съ изумленіемъ услышали новые звуки въ присланныхъ изъ Германіи стихахъ Ломоносова на взятіе Хотина. Какъ ни велико различіе между ими и Фелицею, однако жъ для

своего времени каждое изъ этихъ двухъ произведеній было въ нѣкоторомъ смыслѣ явленіемъ однороднымъ. Но въ стихахъ Ломоносова особенно важна была новость формы, въ стихахъ Державина — новость основной идеи, новость всего содержанія и красотъ поэтическихъ. Въ этомъ отношеніи Фелица до сихъ поръ остается и конечно всегда останется явленіемъ единственнымъ въ исторіи не только Русской, но и всемірной Литературы. Гдѣ подданный съ такою искренностію, съ такою простотой и естественностію, такимъ геніально-поэтическимъ языкомъ обращался къ своему Монарху — и когда сочиненіе, написанное въ похвалу царствующей Особы, должно было само пролагать себѣ путь къ Престолу, независимо отъ сочинителя, почти даже противъ воли его? Съ чистою совѣстью поэтъ могъ въ концѣ оды сказать:

Послушай! гдѣ ты ни живешь:
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ тебя желалъ!

Нѣтъ, Державину не нужно вещественныхъ наградъ; онъ обладаетъ высшимъ сокровищемъ, онъ въ самомъ себѣ носитъ лучшую награду за похвалы Екатеринѣ: онѣ ему доказываютъ, что онъ чувствуетъ сладость добра. При внимательномъ чтеніи Фелицы, нельзя не задуматься всякій разъ надъ стихами:

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какаго Крезъ не собиралъ.

Не удивительно, что Екатерина, прочитавъ Фелицу, поняла Державина такъ же, какъ онъ Ее понялъ, и не за похвалы Она его наградила: Она отличила въ немъ не столько поэта, сколько подданнаго, который въ произведеніи своемъ обнаружилъ, вмѣстѣ съ талантомъ, доблесть души, драгоцѣнную для общества.

Способъ, какой Державинъ избралъ въ Фелицѣ для изображенія слабостей вѣка, его сатирическая шутка до такой степени была въ-духѣ самой Екатерины, что Государыня рѣшилась употребить эти стихи какъ дѣйствительное орудіе къ исправленію нравовъ Двора Своего. Она разсылала Фелицу ко многимъ изъ Своихъ приближенныхъ и въ каждомъ экземплярѣ подчеркивала тѣ слова, которыя прямѣе относились къ тому, кто получалъ его. Когда же въ обвиненіе Державина замѣтили, что ода полна личностей, то Екатерина выразилась такъ: «Если авторъ и коснулся страстей нѣкоторыхъ особъ, къ Императрицѣ приближенныхъ, то не по злорѣчію, а единственно въ общемъ видѣ человѣчества (Льв. II, 6)». Что касается до склонности самой Монархини къ сатирической шуткѣ, то достаточно указать на Ея *Были и Небылицы*, въ происхожденіи которыхъ Фелица могла даже имѣть нѣкоторое участіе, внушивъ Екатеринѣ намѣреніе, къ

исправленію нравовъ читателей Собесѣдника, «и быль и небыль говорить.»

Извѣстность, какую Державинъ внезапно пріобрѣлъ Фелицею, доставила ему множество и почитателей и враговъ. Слава его откликнулась и въ самомъ Собесѣдникѣ, гдѣ не разъ упомянутъ онъ въ прозаическихъ статьяхъ подъ именъ Мурзы, Арабскаго переводчика и т. п., и гдѣ сверхъ того посвящено ему, въ разныхъ книжкахъ, цѣлыхъ четыре стихотворенія. Одно изъ нихъ (V, 6), подъ заглавіемъ: *Письмо Китайца къ Татарскому Мурзѣ*, написано какою-то Московскою дамою (М. С.), къ которой издатели показываютъ особенную благосклонность. Въ другомъ (VIII, 3) находимъ слѣдующіе стихи, которыхъ содержаніе стоитъ быть замѣченнымъ:

«Иль можетъ быть тебя невѣжды увѣряютъ,
Что люди дѣльные стиховъ не сочиняютъ,
Что люди съ разумомъ не любятъ ихъ читать,
И словомъ, что стихи постыдно сочинять.
. . . .
А паче правду кто стихами говоритъ,
Надъ тѣмъ ужъ мщеніе жестокое виситъ.
Не слушай ты невѣждъ, возмись опять за лиру....

Стихи эти доказываютъ съ одной стороны, что Державинъ за Фелицу подвергся открытому преслѣдованію, а съ другой подтверждаютъ сказанное уже, что вообще званіе поэта старались покрыть презрѣніемъ.

Послѣднее обстоятельство дало поводъ Фонвизину помѣстить въ 4-й книжкѣ Собесѣдника забавную *Челобитную Россійской Минервѣ отъ Россійскихъ писателей,* которые жалуются Екатеринѣ на беззаконное опредѣленіе невѣждъ, чтобы: «1. всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять; 2) всѣхъ таковыхъ при дѣлахъ уже находящихся отъ дѣлъ отрѣшать.»

«Нѣкоторыя въ то время извѣстныя особы, сказано у Остолопова, почитали упражняющихся въ поэзіи людьми лѣнивыми и къ дѣламъ неспособными.» Это было причиною, что и Державинъ, вскорѣ по полученіи отъ Государыни подарка, написавъ *Благодарность Фелицѣ*, сказалъ между прочимъ:

Когда отъ бремя дѣлъ случится
И мнѣ свободный часъ имѣть:
Я праздности оставлю узы,
Игры, бесѣды, суеты;
Тогда ко мнѣ пріидутъ музы,
И лирой возгласишься ты!

Изъ этаго не видно однако жъ, чтобы Державинъ самъ — какъ нынѣ увѣряютъ нѣкоторые — считалъ поэзію бездѣльемъ. Напротивъ, онъ здѣсь именно противополагаетъ ее праздности и суетѣ; да и многія стихотворенія его показываютъ, что онъ въ поэзіи признавалъ главное свое призваніе. Но при разнообразіи его способностей, она не могла одна наполнить души его. Онъ былъ человѣкъ дѣловой, для котораго необходима была сильная практиче-

ская дѣятельность. Поэтическій даръ его, по самому существу своему, требовалъ внѣшнихъ побужденій, а гдѣ жъ бы онъ нашелъ ихъ, если бъ совершенно предался одной созерцательной жизни? Къ тому же, не потеряли ли бы стихи его много силы и яркости, если бъ онъ стихотворство обратилъ себѣ въ исключительное ремесло? Есть таланты, которые развиваютъ тѣмъ болѣе энергіи, чѣмъ умѣреннѣе ихъ производительность. Впрочемъ и то правда, что въ эпоху Державина не образовалось еще у насъ понятіе, чтобы Литература, сама по себѣ, могла составлять существенную вѣтвь служенія отечеству. Но въ то время, при господствовавшей вообще бѣдности идей въ Литературѣ, такое понятіе было бы и неумѣстно. Слѣдовательно, какъ ни очевидно-несправедлива была крайность, въ какую впадали современники, считая Литературу занятіемъ людей ни къ чему иному не способныхъ, все-таки нельзя сказать, чтобы Державинъ, не вполнѣ посвятивъ себя поэзіи, рѣшительно ошибся въ своемъ назначеніи. Надобно прибавить еще и то, что, при незначительности собственныхъ его доходовъ, служба составляла для него, и въ экономическомъ отношеніи, существенную необходимость.

Благодарность Фелицѣ, напечатанная во II Части Собесѣд., состоитъ изъ двухъ картинъ. Въ одной описывается ликованіе природы,

Когда изъ понта голубаго
Весення, утрення заря
Ведетъ къ намъ звѣзднаго царя.....

Съ торжествомъ земли при восхожденіи солнца поэтъ сравниваетъ состояніе своего сердца, тронутаго благостію Фелицы. Но въ безмѣрномъ чувствѣ онъ не можетъ говорить: онъ обѣщаетъ пѣть во славу Екатерины,

Когда небесный возгорится
Въ Піитѣ огнь,

и когда досугъ позволитъ ему предаться поэзіи. Къ изображенію его готовности славословить Екатерину служитъ другая картина:

Когда поверхъ струистой влаги
Благопріятный дунетъ вѣтръ,
Попутны вострепещутъ флаги
И ляжетъ между водныхъ нѣдръ
За кораблемъ сребро грядою:
Тогда испустятъ гласъ пловцы,
И съ восхищенною душею
Вселенной полетятъ въ концы!

Не одни тѣ, которые задѣты были въ Фелицѣ, негодовали на Державина; люди извѣстнаго разряда не могли простить ему, что онъ, не будучи знатенъ, не занимая важной государственной должности, умѣлъ обратить на себя особенное вниманіе Императрицы, и чѣмъ же? тѣмъ, что̀ въ глазахъ этихъ самыхъ людей было такъ ничтожно — стихами! На него вооружилось оскорбленное самолюбіе, возстала и зависть. Обвиненія, которымъ онъ подвергся, были разнообразны: однихъ поражала въ

Фелицѣ непонятная для нихъ смѣлость, другіе видѣли въ этой одѣ низкую лесть. Екатерина, замѣтивъ, сколько враговъ онъ нажилъ себѣ Фелицею, желала доказать своимъ приближеннымъ, что они не должны принимать на свой счетъ сатирическихъ мѣстъ этаго стихотворенія, и для того стала говорить, что похвалы, въ немъ заключающіяся, также не относятся къ Ней. Державинъ, чтобы торжественно оправдаться во взводимой на него напраслинѣ, написалъ блистательное *Видѣніе Мурзы*. Онъ воображаетъ, что къ нему съ небесъ является Фелица и упрекаетъ его въ лести. Въ отвѣтѣ своемъ заключилъ онъ и толки, которые возбудила новая ода, и краснорѣчивое оправданіе. Видѣніе Мурзы начинается одною изъ прекраснѣйшихъ картинъ, какія когда-либо создавала кисть Державина:

На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ....

Всѣ домашніе уже спали; весь Петербургъ дремалъ; одинъ поэтъ еще бодрствовалъ:

«Блаженъ» воспѣлъ я «кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ

И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карломъ онъ и великаномъ
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный (Часы
дѣлить уединенны)
Дѣлить и скуку и труды! (Съ нимъ могутъ,
скуки и труды).

Картина, далѣе представляющая явившуюся внезапно Фелицу, есть поэтическій списокъ съ портрета Екатерины, котораго идея принадлежала другу Державина, Н. А. Львову, а исполненіе Левицкому. Этотъ портретъ писанъ былъ для Графа А. А. Безбородка.

Укоряя Мурзу въ лести, Фелица между прочимъ говоритъ:

Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ Боговъ....
. . . .
Владыки свѣта люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;

Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже:
А гдѣ поэты не льстецы?
. . . .

Когда Фелица исчезла,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
— «Возможно ль, кроткая царевна,
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту,
За кажду мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиръ щититься злыхъ!...
. . . . . , .
Довольно нажилъ я враговъ!
. . . .
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ анбаровъ (Что ни изъ чьихъ — —)
Тебѣ наряды я крою; (— нарядовъ — —)
Но, Вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты, (Что только сотворила ты)

А то, чему весь міръ свидѣтель: (Я пѣлъ, чему— —)
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучь, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу Тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Видѣніе Мурзы написано было 9 Мая 1783 года, но по содержанію своему не могло въ то время быть напечатаннымъ: вопреки показанію Львова, оно не явилось въ Собесѣдникѣ, и оставалось нѣсколько лѣтъ даже неконченнымъ. Въ такомъ видѣ было это стихотвореніе, когда съ Державинымъ познакомился Дмитріевъ около 1791 года. Пѣвецъ Фелицы показалъ тогда своему собрату, въ рукописи, всѣ свои произведенія, даже и не совсѣмъ еще готовыя. Въ *Видѣніи Мурзы* недоставало двухъ послѣднихъ стиховъ. Дмитріевъ, прочитавъ пьесу, сказалъ автору шутя: «я бы вотъ чѣмъ кончилъ:

Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ!»

Эти два стиха такъ понравились Державину, что онъ ими дѣйствительно заключилъ *Видѣніе Мурзы*. Такъ расказываетъ племянникъ Дмитріева въ примѣчаніи къ Запискамъ его (*).

(*) Мих. Дм. Москвит. 1842, I.

Вскорѣ послѣ того это стихотвореніе напечатано было въ первой книжкѣ *Московскаго Журнала*, который Карамзинъ началъ издавать въ 1791 году, по возвращеніи изъ-за границы.

2. *Рѣшемыслъ.*

Въ 1782 году напечатана при Академіи Наукъ еще сказка Екатерины, назначенная для Великаго Князя Александра, именно *Сказка о Царевичѣ Февеѣ*. Кромѣ литературной занимательности, труды Императрицы представляютъ еще великій интересъ въ другомъ отношеніи: они знакомятъ насъ съ подробностями Ея характера и образа мыслей. Въ этомъ смыслѣ сказка о Февеѣ очень замѣчательна, показывая намъ просвѣщенныя понятія Екатерины о существенныхъ условіяхъ воспитанія не только нравственнаго, но и физическаго. У какаго-то Сибирскаго народа былъ царь Китайскаго происхожденія, по имени Тао-ау; его прекрасная царица безпрестанно хворала и всячески лечилась, но ничто не помогало. Наконецъ одинъ изъ приближенныхъ царя, *баринъ Рѣшемыслъ* привелъ какаго-то лѣснаго врача, который, навѣдавшись объ образѣ жизни царицы, сказалъ царю: «надежда-Государь, запрети своей царицѣ спать днемъ, говорить ночью, кушать и пить не въ обѣдъ, а ужинъ, и прикажи ей встать и не лежать окромѣ ночи, одѣяла же лисьяго употреблять въ теплой горницѣ вовсе не годится, царицу заставь ходить, ѣздить и пользоваться воздухомъ!... Царица не токмо выздоровѣла

отъ порядочнаго образа жизни, но чрезъ годъ Богъ далъ царю и царицѣ сына, прекраснаго царевича, дали ему имя, назвали его *Февей*, то есть красное солнышко.... Дитя росло, что любо было смотрѣть.» Февей сдѣлался крѣпокъ тѣломъ, разуменъ и кротокъ душою, безпрекословно повиновался волѣ родителей, любилъ и уважалъ Рѣшемысла. Черты, расказанныя изъ жизни Февея, должны были сильно подѣйствовать на чувствительное сердце пятилѣтняго Великаго Князя, и при чтеніи сказки мы въ образѣ Февея невольно видимъ Александра — такъ уроки Великой Бабки прививались къ душѣ Его!

Шестая книжка Собесѣдника начинается стихотвореніемъ: *Ода великому боярину и воеводѣ Рѣшемыслу, писанная подражаніемъ одѣ къ Фелицѣ 1783 góду*. Подражанія Фелицѣ были тогда въ модѣ; на этотъ разъ подражателемъ Державина былъ—самъ онъ. Княгиня Дашкова, желая «сдѣлать Потемкину привѣтствіе въ издаваемомъ ею журналѣ», просила Державина написать что-нибудь въ честь могущаго вельможи. Трудно было отказать въ такой просьбѣ. Согласившись на исполненіе ея, поэтъ не хотѣлъ однако жъ показаться «подлымъ ласкателемъ», и для того воспѣлъ Потемкина «въ шутливомъ тонѣ» подъ именемъ *Рѣшемысла*; въ заключеніи же оды далъ замѣтить, что въ лицѣ его хвалитъ вообще достоинство вельможъ, и наконецъ, чтобы вовсе ему не приписывали этихъ стиховъ, подписалъ подъ ними: «сочинялъ З....»

Въ призваніи музы, которымъ они начинаются, замѣчательны приданныя ей названія:

«Подруга Флаккова и дщерь
Природой даннаго мнѣ смысла.»

Здѣсь Державинъ сознаетъ вліяніе Горація на свою поэзію. Уже въ одѣ На смерть Кн. Мещерскаго замѣтно нѣкоторое подражаніе Римскому поэту; знакомство съ нимъ въ Нѣмецкихъ переводахъ было, кажется, однимъ изъ источниковъ новаго направленія Державина, особливо въ отношеніи къ *нравоучительной* стихіи, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась необходимою принадлежностью его поэзіи.

Принявъ забавный тонъ, отличающій какъ Фелицу, такъ и оду къ Рѣшемыслу, Державинъ подчинился общему настроенію умовъ, участвовавшихъ въ движеніи тогдашней Литературы. Мы уже видѣли, что важныя оды тогда наскучили и были въ презрѣніи. Вотъ нѣсколько стиховъ Княжнина, напечатанныхъ тогда въ Собесѣдникѣ и показывающихъ еще яснѣе, какой образъ мыслей господствовалъ въ Литературѣ въ то время, когда утвердилась слава Державина.

Я вѣдаю, что дерзки оды,
Которы вышли ужъ изъ моды,
Весьма способны докучать.
Онѣ всегда Екатерину,
За риѳмой безъ ума гонясь,
Уподобляли райску крину,

И въ чинъ пророковъ становясь,
Вѣщая съ Богомъ будто съ братомъ,
Безъ опасенія перомъ,
Въ своемъ взаймы восторгѣ взятомъ,
Вселенну становя вверхъ дномъ,
Отсель въ страны богаты златомъ
Пускали свой бумажный громъ;
Насъ по уши обогащали
И Индъ и Гангъ порабощали.
Но сколь ни щедры въ чудесахъ,
Они которы предвѣщали,
Все сказанное въ ихъ стихахъ
Ничто предъ громкими дѣлами
Царицы правящія нами.

Нѣкоторые намеки, заключающіеся въ этомъ отрывкѣ, встрѣтились намъ уже и въ Фелицѣ. Приведенное мѣсто любопытно еще и въ томъ отношеніи, что показываетъ огромное различіе между стихами Державина и стихами другаго, въ то время также славнаго писателя.

При мнѣніяхъ, установившихся въ тогдашней Литературѣ, не могло уже почесться антиклассическою ересью такое обращеніе къ музѣ:

Приди, иль въ облакѣ спустися,
Иль хочешь, въ санкахъ прикатися
На легкихъ, рѣзвыхъ шестерней
Оленяхъ бѣлыхъ, златорогихъ,
Какъ ѣздятъ барыни зимой
Въ странахъ Сибирскихъ, хладомъ строгихъ.

Для объясненія этой картины сказано въ выноскѣ,

что супруга царя *Тао-ау* «ѣзжала на оленяхъ златорогихъ и одѣвалася соболиными одѣялами.»

Впрочемъ похвалы Екатеринѣ, которыя находимъ и въ одѣ къ Рѣшемыслу, слабы въ сравненіи съ подобными же въ Фелицѣ. Какъ новое, въ этомъ отношеніи, стоитъ однако жъ замѣтить приложенное къ Рѣшемыслу выраженіе: «не кубаритъ кубарей», которое послѣ попадается и въ другихъ стихотвореніяхъ Державина. Оно заимствовано изъ «Былей и Небылицъ». Тамъ между прочимъ сказано: «Дѣдушка ѣхать хотѣлъ въ уѣздный городъ на ярманку. Насъ внучатъ своихъ съ собою взять хотѣлъ; на ту бѣду мы были не готовы; вошедъ къ намъ въ горницу, дѣдушка сказалъ намъ: кубари, долго ли вамъ кубарить? Тутъ я осмѣлился спросить: по чему мы кубари? На что на сей разъ получилъ благосклонный сей отвѣтъ: что всѣ тѣ, кои мешкаютъ на одномъ мѣстѣ, не дѣлая ничего, или то, въ чемъ нужда не настоитъ тогда, когда предпріяли или опредѣлили дѣлать что нибудь иное, какъ то ѣхать, итти, спать, писать, кушать, или чтобъ то ни было такое, а вмѣсто того сидятъ, говорятъ, изъ комнаты въ комнату бродятъ, или съ лѣсницы на лѣсницу всходятъ безъ дѣла, всѣ тѣ люди поступкомъ своимъ походятъ на кубаря; кубарь же кубаритъ. Сіе новое сравненіе и изысканіе показалось мнѣ столь рѣдко и такой для свѣта важности и пользы, что не мешкавъ ни мало спѣшу сообщить оному; бывъ увѣренъ въ прочемъ, что между соотчичами моими нѣту кубаря и мало кто кубаритъ».

Странно, что это выраженіе, заимствованное Державинымъ у Екатерины, не объяснено ни у Львова, ни у Остолопова.

Ода Рѣшемыслу была первымъ изъ тѣхъ стихотвореній, въ которыхъ Державинъ оставилъ намъ поэтическіе портреты знаменитыхъ людей, окружавшихъ престолъ Екатерины. Въ этой одѣ мы однако жъ не имѣемъ права искать вѣрнаго изображенія Потемкина. У Львова замѣчено: «какъ авторъ, не будучи знакомъ Князю Потемкину, *не могъ знать истинныхъ его достоинствъ*, а роскошная жизнь его была всѣмъ извѣстна, то по собственному побужденію никакихъ похвалъ написать ему не могъ».

3. *Державинъ Членъ Россійской Академіи.*

«Однажды, когда я сопровождала Императрицу въ Царскосельскомъ саду» — такъ расказываетъ Княгиня Дашкова въ своихъ Запискахъ * — «рѣчь зашла у насъ о красотѣ и богатствѣ Русскаго языка, и это подало мнѣ поводъ выразить нѣкоторое удивленіе, что Ея Величество, вполнѣ умѣя цѣнить его и сама будучи авторомъ, до сихъ поръ не признавала за нужное учредить Русскую Академію.

«Я замѣтила, что недостаетъ только правилъ и хорошаго словаря къ тому, чтобы совершенно очистить нашъ языкъ отъ тѣхъ иностранныхъ словъ и оборотовъ, которые въ выразительности и силѣ

* Memoirs et c. London. 1840. Vol I. pag. 318.

такъ уступаютъ нашимъ собственнымъ и такъ некстати заимствованы нами».

»Я право не знаю», отвѣчала Государыня, «отъ чего такая идея еще не приведена въ дѣйствіе; польза учрежденія, которое бы имѣло цѣлію споспѣшествованіе нашему родному языку, часто уже занимала мои мысли и Я даже изъявляла о томъ волю Свою.»

Слѣдствіемъ продолжавшагося по этому предмету разговора Императрицы съ Княгинею было данное Екатеринѣ Романовнѣ Высочайшее порученіе составить проектъ учрежденія новой Академіи. Какъ ни старалась она отклонить отъ себя дѣло, которое находила не по силамъ своимъ, однако жъ должна была исполнить волю Монархини. Тотчасъ по возвращеніи домой написала она *Краткое начертаніе Россійской Академіи*, которое, бывъ тогда же представлено Государынѣ, вскорѣ возращено было Княгинѣ съ Высочайшею подписью и съ назначеніемъ Екатерины Романовны Президентомъ возникавшей Академіи. Указъ, заключавшій въ себѣ между прочимъ это лестное назначеніе, подписанъ былъ 30 Сентября 1783 года.

Академію положено было «составить изъ желающихъ принять на себя добровольно сей трудъ.» 21 Октября было первое засѣданіе ея: Она тогда состояла изъ тридцати однаго человѣка; въ спискѣ ихъ девятнадцатымъ стоитъ «Гаврила Романовичь Державинъ. — Первой экспедиціи Государственныхъ доходовъ членъ; Статскій Совѣтникъ». Въ рѣчи, которою Княгиня Дашкова, послѣ молебствія, от-

крыла первое засѣданіе Академіи, она между прочимъ сказала: »звучныя дѣла Государей нашихъ, знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ, а наипаче славный вѣкъ Екатерины Вторыя явитъ намъ предметы къ произведеніямъ достойнымъ громкаго нашего вѣка. Сіе, равномѣрно какъ и сочиненіе грамматики и словаря да будетъ первымъ нашимъ упражненіемъ». Уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Академія приступила къ составленію словаря и, по плану президента, опредѣлила держаться, при этой работѣ, не алфавитнаго, а этимологическаго порядка. Такая новость многимъ не понравилась. Говорили, что при подобной методѣ словарь сдѣлается запутаннымъ, неудобнымъ къ общенародному употребленію. Это мнѣніе тѣмъ легче распространилось при Дворѣ, что оно раздѣляемо было самою Государынею, которая не разъ спрашивала у Княгини Дашковой, зачѣмъ избранъ былъ такой неудобный порядокъ. Княгиня, представивъ Императрицѣ выгоды размѣщенія словъ по корнямъ ихъ, прибавила, что, года черезъ три послѣ перваго появленія словаря, Академія издастъ его вновь въ совершеннѣйшемъ видѣ и тогда приметъ въ основаніе порядокъ алфавитный.

Для первоначальнаго труда Академики составили изъ себя три отдѣла: *грамматикальный* для присовокупленія къ словамъ грамматическихъ примѣчаній; *объяснительный*, которому поручено было опредѣлять значеніе словъ, и *издательный*, долженствовавшій пещись о соблюденіи порядка и исправности

при изданіи. Къ послѣднему отдѣлу причисленъ былъ и Державинъ. Потомъ, когда дѣло дошло до распредѣленія, между членами, собиранія словъ и расположенія ихъ по азбучному порядку, то Державину поручена была буква *Т*, и уже въ засѣданіи 16 Декабря 1783 года Академіи сообщены были представленныя имъ слова. Извѣстно, съ какою необыкновенною быстротою совершенъ былъ огромный трудъ, предпринятый Россійскою Академіею. Черезъ 11 лѣтъ послѣ ея учрежденія весь словарь былъ уже изданъ (шесть томовъ 1789 — 1794), и участіе поэта въ этомъ важномъ подвигѣ не должно быть забыто въ исторіи Русской Литературы.

Основаніе Академіи было не единственнымъ событіемъ, ознаменовавшимъ послѣдніе мѣсяцы 1783 года: 28 Декабря заключенъ былъ съ Оттоманскою Портою трактатъ о присоединеніи Крыма. Извѣстіе о томъ пробудило вдохновеніе Державина, и въ XI Части Собесѣдника — первой въ 1784 году — появилась »Ода на присоединеніе, безъ военныхъ дѣйствій къ Россійской Державѣ Таврическихъ и *Кавкаскихъ* областей, или на учиненный договорами съ Отоманскою портою миръ 1784 года (а по настоящему 1783)». Въ этомъ стихотвореніи мы находимъ особенность, которую разъ уже замѣтили прежде въ другой пьесѣ Державина: оно написано безъ рифмъ, какъ ода на смерть Бибикова, сочиненная за десять лѣтъ передъ тѣмъ и появившаяся первоначально въ числѣ Читалагайскихъ одъ. Мы тогда сказали, что поэтъ, во второй разъ позволивъ себѣ такую

еще новую въ то время вольность, нужнымъ счелъ оговориться *. Передъ одою напечатана слѣдующая записка его:

«*Господа издатели!*

«Не безъизвѣстно, что древніе писали стихи свои безъ риѳмъ, чему и новѣйшіе лучшіе авторы иностранные подражали и подражаютъ. Для опыта, покажется ли и нашей почтенной публикѣ сей образъ на нашемъ языкѣ стихотворства, и можно ли продолжать оный, написана сія ода, которая ежели будетъ достойна, прошу напечатать; пребываю и протчая».

По языку этой записки видно, до какой степени Державинъ былъ небреженъ въ способѣ выраженія своихъ мыслей. Такъ ли писали нѣкоторые изъ его современниковъ, на примѣръ Фонвизинъ? Такая небрежность замѣтна и въ самой одѣ на присоединеніе Крыма; здѣсь она тѣмъ разительнѣе, что поэтъ лишилъ стихи свои очарованія созвучій. Нѣкоторые изъ нихъ таковы, что самъ онъ былъ ими недоволенъ и въ послѣдствіи совершенно измѣнилъ ихъ. Это относится особенно къ окончанію четвертой строфы, гдѣ Державинъ, имѣя въ виду искуство Графа Безбородка въ переговорахъ съ Турціею, говоритъ о перѣ его:

. . . . и трость,
Водимая умомъ обширнымъ,
Безсмертной пальмой обвилась.

* Совр. Т. XXXVII, стр. 163.

Таково выраженіе Державина въ исправленномъ видѣ; но вотъ первоначальная форма его идеи;

. . . . и умъ
Перо орудіемъ имѣя,
Едва ль гдѣ столь торжествовавшій
Безсмертной славой возсіялъ.

Читателю Собесѣдника довольно трудно было добраться въ этомъ мѣстѣ до настоящаго смысла, потому-что въ журналѣ вмѣсто *перо* напечатано *перомъ*. Исправить эти стихи нужно было и потому, что одинъ изъ нихъ лишній по сравненію съ другими строфами, въ которыхъ по десяти стиховъ, тогда-какъ здѣсь ихъ очутилось одиннадцать.

Въ началѣ той же строфы находимъ слово, послѣ исчезнувшее оттуда. Вмѣсто:

Увидѣлъ Марсъ; нахмурилъ брови,

Было сперва:

Увидя Марсъ, *тоуритъ* взоры.

Глагола *тоурить* мы не слыхивали. Развернемъ Словарь Академіи Россійской, гдѣ мы тѣмъ вѣрнѣе надѣемся найти это слово, что букву *Т* собиралъ Державинъ. Но нѣтъ, глагола *тоурить* тамъ не находится. Видно, это провинціальное слово, которое поэтъ призналъ неумѣстнымъ какъ въ лексиконѣ, такъ и въ одѣ своей, куда оно вкралось-было.

Въ основаніи этаго произведенія лежитъ опять похвала Екатеринѣ; не смотря на единообразіе своей главной темы и даже на нѣкоторое, неизбѣжное при этомъ, однообразіе оборотовъ, поэтъ все-та-

ни умѣетъ быть новымъ; ему и здѣсь не измѣняетъ ни его изобрѣтательность въ поэтическихъ картинахъ, ни его даръ сообщать всякой своей мысли и всякому своему выраженію ту жизненность, ту занимательность, въ которыхъ именно и обнаруживается могущество таланта, не смотря ни на какіе недостатки времени. Съ особенною прелестію изображенъ въ началѣ оды Богъ мира:

Летитъ — и воздухъ озаряетъ,
Какъ вешне утро тихій понтъ!
Летитъ — и отъ его улыбки
Живая радость по лугамъ,
По рощамъ и полямъ ліется!
Златыя Петрополя башни
Блистаютъ, какъ свѣщи; и токъ
Шумливый, бурный, токъ Днѣпровскій
Въ себѣ изображаетъ живо
Прекрасное лице его.
Не слыша громоваго треска,
Не видя молненной зари,
Пастухъ и земледѣлецъ пѣснью
Средь хижинъ воспѣваютъ миръ.

Очень несправедливо было бы судить поэта прежней эпохи по современнымъ требованіямъ, которыя явились уже въ слѣдствіе того, что сдѣлано его преемниками. Наслаждаться произведеніями великаго таланта всегда останется преимуществомъ человѣческой природы, въ какую бы эпоху онъ ни жилъ, если только напередъ мы вѣрно опредѣлимъ масштабъ, по которому должны измѣрять его. Все,

что на разныхъ ступеняхъ развитія роднаго языка и отечественной Литературы, запечатлѣно дарованіемъ, никогда не потеряетъ цѣны для потомства. Это дарованіе составляетъ уже собственность націи, и драгоцѣнную и неотъемлемую. Что оно обнаружилось не въ тѣхъ формахъ, какія приняло бы, если бъ жило въ нашу эпоху, это именно составляетъ одно изъ отличій его физіономіи, важное для исторіи Литературы. Исторія Литературы, какъ и всякая исторія, есть картина развитія, и отнимать у прошлаго цѣну потому только, что оно не такъ совершилось, какъ настоящее, есть заблужденіе нелѣпое.

4. *Ода Богъ.*

Преслѣдованія, которымъ подвергся Державинъ со стороны многихъ значащихъ лицъ, при его вспыльчивомъ характерѣ и рѣзкомъ языкѣ, не остались безъ непріятныхъ для него послѣдствій. Онъ просилъ отставки, и *15 Февраля* 1784 года былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника — ровно черезъ семь лѣтъ послѣ того, какъ онъ переведенъ былъ въ гражданскую службу: это было *15 Февраля* 1777 года.

Отставка его продолжалась только до Мая мѣсяца. Это время жизни Державина ознаменовалось однимъ только произведеніемъ, но тѣмъ, которое изъ всѣхъ его сочиненій, не исключая и Фелицы, пріобрѣло наибольшую извѣстность — именно *Одою Богъ*. Какъ Фелицею *начался* рядъ стихотвореній

Державина, помѣщенныхъ въ Собесѣдникѣ, такъ онъ *кончился* одою Богъ, напечатанною въ XIII Части этаго журнала.

Еще въ 1780 году поэтъ, находясь въ Свѣтлое Христово Воскресенье у всенощной во Дворцѣ, задумалъ написать стихи во славу Божію, и по возвращеніи домой положилъ на бумагу первыя строки. Нѣсколько разъ послѣ того онъ принимался за исполненіе своей идеи; но служба, столичныя развлеченія и хлопоты не оставляли ему необходимаго на то досуга и покоя. Теперь онъ захотѣлъ воспользоваться обстоятельствами и уѣхать подальше отъ Петербурга, чтобы на свободѣ предаться вдохновенію. Но въ глазахъ свѣта такое намѣреніе показалось бы смѣшнымъ; Державинъ не рѣшился открыть его никому, ни даже Плѣнирѣ. Онъ сказалъ ей, что ѣдетъ по хозяйственнымъ дѣламъ въ свое Бѣлорусское имѣніе (пожалованное ему въ 1777 году), а вмѣсто того отправился въ Нарву. Въ этомъ тихомъ полу-Нѣмецкомъ городкѣ нанялъ онъ себѣ у какой-то старушки комнату и здѣсь заперся съ своею одой. Просидѣвъ за нею нѣсколько дней, онъ уже былъ близокъ къ концу и не хотѣлъ ложиться спать, пока не допишетъ всего. Не доставало еще только послѣдней строфы, когда подъ-утро сонъ одолѣлъ его. Вдругъ онъ проснулся отъ странной игры разгоряченнаго воображенія: въ глазахъ его сверкало; ему казалось, что по стѣнамъ бѣгаетъ свѣтъ. Онъ всталъ въ слезахъ и при лампадѣ написалъ:

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И — благодарны слезы лить!

Необыкновенный жаръ, съ какимъ Державинъ занялся сочиненіемъ оды Богъ, которую четыре года носилъ въ воображеніи и для которой даже предпринялъ довольно далекую поѣздку, заслуживаетъ особеннаго вниманія и конечно не доказываетъ, чтобы онъ равнодушенъ былъ къ своему призванію. Кромѣ всего того, что возбуждаетъ поэта къ дѣятельности, на Державина, въ этомъ случаѣ, могло имѣть вліяніе еще одно обстоятельство. Одно воспоминаніе изъ расказовъ о его дѣтствѣ могло развить въ немъ мысль, что ему предназначено быть орудіемъ прославленія Господа. Мы читаемъ въ объясненіяхъ Львова, что, когда Державину было поболѣе полугода и онъ еще не умѣлъ говорить, явилась на небѣ комета. Однажды ребенокъ, будучи на рукахъ у няньки, показалъ пальцемъ на комету и къ удивленію всѣхъ домашнихъ вымолвилъ: *Богъ*! Это было первымъ словомъ Державина.

Новая ода его, явившись въ Собесѣдникѣ вскорѣ послѣ того, какъ была написана, сдѣлалась предме-

томъ всеобщаго удивленія, и долго была всѣми безусловно признаваема за такое произведеніе, которому ничего равнаго въ томъ же родѣ не можетъ представить новѣйшая поэзія, у какаго бы ни было народа. Ода Богъ переведена на многіе Европейскіе языки. Есть даже молва, будто она въ Китайскомъ переводѣ виситъ на стѣнѣ въ чертогахъ повелителя Небесной Имперіи. Если это извѣстіе и не достовѣрно, то оно все-таки замѣчательно, бывъ придумано для того, чтобы выразить, до какой необыкновенной степени распространилась слава оды Богъ. Въ наше время удивленіе, возбужденное ею, начало колебаться, и уже мы слышали надъ нею голосъ строгаго суда. Еще и прежде критическій умъ Мерзлякова, не смѣя противиться восторгу, съ какимъ всѣ отзывались о ней, рѣшился однако жъ ограничить его однимъ замѣчаніемъ. «Ода Богъ» говоритъ онъ «по всеобщему признанію, есть единственное, превосходное твореніе нашего пѣснопѣвца. Въ самомъ дѣлѣ, она прекрасна, исполнена мыслей разнообразныхъ и высокихъ, израженныхъ самымъ сильнымъ и яснымъ слогомъ. Она имѣетъ ходъ правильной, простой и натуральной: всѣ достоинства возвышенной и вдохновенной поэзіи. Между-тѣмъ, *смѣю замѣтить*, что стихотворецъ въ цѣлой одѣ, воспѣвая о величественныхъ свойствахъ Предвѣчнаго Существа, говоритъ много о пространствѣ, блескѣ или свѣтѣ, о мѣрѣ и числѣ. Спрашивается: какія отношенія сіи качества вещественныя имѣютъ къ Существу духовному, высочайшему?

Всемогущество, премудрость, благость, вотъ качества, указанныя намъ самою природою: вотъ понятія о Существѣ непостижимомъ, о Существѣ, сотворившемъ и сохраняющемъ насъ. Онѣ должны быть главнѣйшимъ предметомъ стихотворца, воспѣвающаго Бога, Котораго совершеннѣйшихъ свойствъ не можемъ мы понять иначе, какъ по отношенію къ намъ самимъ. Премудръ, Всемогущъ, Благъ! — вотъ что ближе къ сердцу человѣка. — Свѣтелъ, безмѣренъ въ пространствѣ, непостижимъ въ силахъ — хладныя для него и весьма темныя идеи *».

Мы выписали все это мѣсто по тому, что хотя здѣсь Мерзляковъ еще и не успѣлъ подняться надъ точкою зрѣнія младенческой критики, которая въ основаніе суда о художественномъ произведеніи беретъ »разнообразныя и высокія мысли, израженныя сильнымъ и яснымъ слогомъ», однако жъ онъ, по врожденной критической проницательности, подошелъ въ приведенномъ сужденіи довольно близко къ истинѣ.

Конечно Державинъ въ одѣ Богъ не измѣнилъ самому себѣ: богатство картинъ, одушевленная рѣчь и могучій стихъ, достойный возвышеннаго содержанія оды, должны поражать всякаго, кто читаетъ ее. Тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе она должна была производить въ то время, когда Державинъ, недавно вознесенный Фелицею, стоялъ на вершинѣ своей поэтической славы. Но главный недостатокъ оды Богъ, по нашему мнѣнію, именно состоитъ въ томъ,

* Труды Общ. Люб. Росс. Словесн. Ч. XVIII, стр. 21.

что большая половина ея не довольно проникнута тою сердечною теплотою, какой мы бы въ-правѣ были ожидать отъ стихотворенія такаго рода.

Всесовершеннаго Творца мы не можемъ постигать *мыслію*; мы не въ-силахъ дѣйствіемъ своего ограниченнаго *ума* дойти до яснаго понятія о свойствахъ Безконечнаго. И однако жъ мы, при всемъ своемъ безсиліи, при всемъ своемъ ничтожествѣ, можемъ возвышаться къ Нему, можемъ въ нѣкоторой степени постигать Его. Но какимъ образомъ? однимъ *чувствомъ*, одною *любовію* — повергаясь предъ Нимъ въ благоговѣйномъ сознаніи нашей слабости и Его милосердія.

Вотъ отъ чего никакая попытка изобразить ощутительными чертами необъятность, безконечность, величіе Господа не можетъ посчастливиться. Въ этомъ случаѣ картины, созданныя и самою неистощимою фантазіею, оставляютъ насъ холодными, потому-что не обращаются къ сердцу. Таково именно содержаніе первыхъ шести строфъ оды, гдѣ поэтъ старается изобразить намъ безпредѣльность Божію. Слово *ничто* въ концѣ шестой и въ началѣ седьмой строфы составляетъ какъ бы границу между первою половиной оды и второю, гдѣ поэтъ перешелъ къ самому себѣ. Прежде онъ отъ необъятности Творца ниспустился до ничтожества человѣка; теперь онъ отъ человѣка восходитъ опять къ Создателю. Съ словомъ *ничто* кончается и безсиліе Державина въ этой одѣ. Высокій лирическій порывъ

самосознанія человѣческаго заключается въ девятой строфѣ:

Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества!
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь — я рабъ; я червь — я Богъ!

Здѣсь предѣлъ гордости человѣческой. Поэтъ снова повергаетъ насъ въ прахъ передъ Всевышнимъ— и наконецъ въ послѣдней, уже приведенной нами строфѣ, произноситъ трогательное сознаніе въ своемъ безсиліи исполнить то, что онъ предпринялъ— воспѣть Творца. Эта строфа краснорѣчивѣе всѣхъ прочихъ, потому-что вылилась прямо изъ сердца и внушена была любовью, которая обнаружилась «слезами благодарности».

Одинъ изъ современниковъ нашего поэта сказалъ въ томъ же смыслѣ, хотя и не Державинскимъ языкомъ:

Творецъ! Тебя понять не тщуся,
Всѣмъ сердцемъ какъ отца любя;
Кто Ты, о томъ я не крушуся,
Съ восторгомъ чувствуя Тебя.

Стихи эти взяты изъ пьесы, которая первоначально появилась еще въ 1780 году въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ за Августъ мѣсяцъ, подъ заглавіемъ *Стансы Богу*. Тамъ она помѣщена безъ

подписи — и съ перваго взгляда можно бы легко подумать: не это ли тѣ стихи, которыми Державинъ началъ исполненіе мысли, родившейся у него въ торжественную минуту общаго благоговѣнія. Къ этой догадкѣ могло бы привести не одно время появленія *Стансовъ*, но еще болѣе то, что въ нихъ есть два стиха, которые встрѣчаются и въ одѣ *Богъ*. Начальныя слова стансовъ:

«Источникъ жизни, благъ податель!»

вошли въ предпослѣднюю строфу оды; стихъ Державина:

«Ты былъ, Ты есть, Ты будешь ввѣкъ,»

находится, почти въ томъ же видѣ, и въ стансахъ:

«Ты былъ, ты есть и вѣчно будешь.»

Заблужденіе, въ которое можно бы такимъ образомъ впасть, уничтожается, когда, просматривая Собесѣдникъ, находимъ тамъ (въ VIII Части) тѣ же *Стансы*, перепечатанные съ подписью: Я. К. Итакъ авторъ ихъ — Княжнинъ. Замѣчательное сходство нѣкоторыхъ стиховъ оды съ выраженіями этой пьесы надобно, кажется, объяснить тѣмъ, что чтеніе оставляло въ Державинѣ воспоминанія, которыми потомъ, вѣроятно безъ его вѣдома, отзывались его собственныя стихотворенія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ одѣ Богъ открывается также нѣкоторое сходство съ однимъ изъ сочиненій Нѣмца Галлера, именно съ его *Вѣчностію*. Изъ расказа Остолопова извѣстно, что Державинъ, по сожженіи своихъ стиховъ въ карантинѣ, подражалъ

разнымъ Нѣмецкимъ поэтамъ, въ томъ числѣ и Галлеру. Пьеса *Вѣчность* должна была тѣмъ болѣе быть знакома ему, что въ одной изъ книжекъ Вѣстника (Декабрь 1778) помѣщенъ прозаическій переводъ этихъ стиховъ, сдѣланный издателемъ журнала, Брайко. Вотъ оттуда нѣсколько выраженій, на которыхъ невольно останавливается вниманіе всякаго, кому извѣстна ода *Богъ*:

«Я соединяю тьмы съ тьмами, неисчислимыя числа! я кладу время на время, міры на міры, и когда съ сея ужасныя вышины со страхомъ паки на тебя (т. е. на вѣчность) взираю, вижу, что вся сила умноженныхъ тьмами разовъ сихъ чиселъ не составляетъ ни единыя твоея части.»

«....всеобщій хаосъ поглотилъ бы всю вселенную.... яко океанъ каплю воды.»

«О совершенство величія (такъ Галлеръ обращается къ Богу)! что человѣкъ въ сравненіи съ Тобою? червь, песчинка, и вся вселенная непримѣтная точка.... (и т. п.)». Наконецъ намъ попались еще два стихотворенія, которыя, кажется, имѣли также нѣкоторое, хотя и отдаленное вліяніе на оду *Богъ*. Мы ужъ видѣли, что Державинъ читалъ *Утренній Свѣтъ*, періодическое изданіе Новикова. Въ одной изъ первыхъ книжекъ этаго журнала (Окт. 1777 г.) находимъ *оду Богъ* — написанную, какъ должно полагать, В. Майковымъ: имя его выставлено подъ слѣдующими за нею стихами (также одою). Строфы этой неизвѣстной оды *Богъ*, по внѣшнему составу своему—по размѣру и ко-

личеству стиховъ, даже по порядку сочетанія рифмъ — совершенно такія же, какъ въ Державинской одѣ, и та начинаеся также воззваніемъ къ Богу:

О! Ты, которому вселенна
Единый кажется чертогъ;
Кѣмъ вся природа оживленна,
Непостижимый въ тайнахъ Богъ!

Въ другой книжкѣ *Утренняго Свѣта* (Янв. 1778 г.) есть *ода Міръ*, очевидно того же автора, какъ и первая *ода Богъ*. Обѣ этѣ пьесы предъ знаменитою одою Державина «какъ нощь предъ днемъ» и полны прозаическахъ стиховъ. При всемъ томъ очень возможно, что онѣ произвели впечатлѣніе на поэта, котораго вкусъ не достигъ утонченнаго развитія. Сверхъ показаннаго сходства формы въ обѣихъ одахъ *Богъ*, мы встрѣчаемъ въ означенныхъ стихотвореніяхъ *Утренняго Свѣта* нѣкоторыя выраженія, напоминающія намъ болѣе совершенные стихи Державинской оды, напримѣръ:

На небо возвергаю взгляды,
Висятъ *горящія лампады*,

или

Звѣздами полны вижу *бездны*,

или

Во храмъ Твой дивный и священный
Не можетъ умъ непросвѣщенный,
Ни грѣшникъ вѣчно досягнуть.

Сравните съ этимъ:

Но *огненны* сіи *лампады*....
Какъ *звѣзды въ безднахъ* подъ Тобой....
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ....

Несправедливо было бы заключать изъ этаго, будто нашъ поэтъ подражалъ стихотворцу *Утренняго Свѣта*; рѣчь идетъ только о томъ, что въ одѣ *Богъ* видны нѣкоторые слѣды воспоминаній изъ прежнихъ чтеній Державина.

Ода Богъ изъ Собесѣдника перешла почти безъ всякихъ перемѣнъ въ собраніе сочиненій Державина. Вскорѣ послѣ первоначальнаго ея появленія журналъ Княгини Дашковой прекратился, а Державинъ, вновь опредѣленный въ службу, вступилъ на новое поприще дѣятельности.

Я. Гротъ.

БРОНЗОВЫЙ ВЕПРЬ.

РАСКАЗЪ АНДЕРСЕНА.

Во Флоренціи, недалеко отъ Піацца дель Грандука, есть переулокъ, который, если не ошибаюсь, называется Porta rossa. Тутъ, насупротивъ лавокъ, гдѣ продаются овощи и зелень, лежитъ искуственный, хорошо вылитый, бронзовый вепрь. У этаго звѣря, который отъ старости принялъ черновато-зеленый цвѣтъ, течетъ изъ пасти свѣтлая, холодная вода. Только рыло блеститъ, какъ будто бы оно было вновь полировано. Это отъ того, что сотни ребятишекъ и лаззорони каждый день хватаютъ его руками, когда хотятъ пить и прикладываютъ ротъ къ пасти вепря. Весело смотрѣть, когда хорошенькій полунагой мальчикъ обойметъ красиваго звѣря и подставитъ алыя губы къ его рылу.

Мѣсто это очень легко отыскать. Стòитъ только у перваго нищаго, который попадется вамъ навстрѣчу, спросить, гдѣ бронзовый вепрь.

Была зимняя ночь. Горы были покрыты снѣгомъ, но на небѣ сіяла луна; а при лунѣ въ Италіи такъ же свѣтло, какъ на Сѣверѣ въ пасмурный, зимній день, если еще не свѣтлѣе. Тамъ воздухъ прозраченъ. Онъ какъ будто возноситъ насъ, тогдакакъ на Сѣверѣ холодная, сѣрая, свинцовая крыша давитъ насъ къ землѣ—этой сырой землѣ, которая

рано или поздно приметъ въ нѣдра свои наше бренное тѣло.

Въ Герцогскомъ саду, подъ сѣнію кедровъ, гдѣ въ зимнюю пору цвѣтутъ роскошныя розы, сидѣлъ съ утра до самаго вечера маленькій, оборванный мальчикъ. Ребенокъ этотъ былъ живое олицетвореніе Италіи: прекрасное, безмятежно-улыбающееся лице его носило печать страданія; онъ весь день ничего не ѣлъ и не пилъ: никто не подалъ ему ни шиллинга; а когда стало темно, и пора было запереть садъ, сторожъ прогналъ его вонъ. Долго стоялъ онъ задумавшись на мосту, надъ рѣкой Арно, и смотрѣлъ на звѣзды, которыя сіяли въ водѣ между нимъ и прекраснымъ мраморнымъ мостомъ della Trinità.

Наконецъ онъ пошелъ къ бронзовому вепрю. Тутъ онъ сталъ на колѣна, обвилъ рукою шею животнаго и, подставивъ ротъ къ свѣтлому рылу его, жадно сталъ пить свѣжую воду. Въ десяти шагахъ отсюда лежало нѣсколько листьевъ салату и два или три каштана; это былъ его ужинъ. На улицѣ не было ни души. Малютка сѣлъ верхомъ на спину вепря, припалъ къ нему кудрявой головкой — и черезъ минуту заснулъ.

Была полночь. Бронзовый вепрь началъ шевелиться, и малютка ясно слышалъ, какъ онъ сказалъ: «держись, какъ можно крѣпче, дружокъ; я теперь поскачу!» И вотъ онъ помчался съ малюткой. Забавная прогулка. Сперва они поскакали на Піацца дель Грандука, гдѣ стоитъ конная статуя Герцога—и конь

громко сталъ ржать; пестрый гербъ на старой ратушѣ представлялся живописнымъ транспарантомъ; Давидъ Микель-Анджело размахивалъ своей пращей: все было въ какомъ-то странномъ движеніи. А бронзовыя группы Персея и похищенія Сабинокъ были ужъ слишкомъ оживлены: онѣ наполняли прекрасную, безлюдную площадь крикомъ отчаянія.

У Palazzo degli Uffizi, подъ сводомъ, гдѣ высшее общество справляетъ карнавалъ, вепрь остановился.

«Держись крѣпче! какъ можно, крѣпче!» сказалъ онъ; «теперь мы поскачемъ на лѣстницу!» Малютка дрожалъ то отъ блаженства, то отъ страха — и не говорилъ ни слова.

Они въѣхали въ длинную галлерею. Малютка тотчасъ узналъ ее: онъ тутъ бывалъ уже прежде. Стѣны были покрыты картинами. Вездѣ стояли статуи и бюсты, чудесно освѣщенные будто солнцемъ. Но все это ничего не значило передъ тѣмъ, что̀ представилось ему, когда отворилась дверь въ боковую комнату. Малютка помнилъ всѣ эти чудеса; но никогда они не казались ему такъ очаровательны, какъ въ эту ночь.

Тутъ онъ увидѣлъ нагую, прекрасную женщину: одна Природа и вдохновенный рѣзецъ Ваятеля могутъ создать такое чудное существо. Дивныя формы ея шевелились; у ногъ ея играли дельфины; безсмертіе сіяло изъ ея глазъ. Міръ называетъ ее *Медицейскою Венерой.* По обѣимъ сторонамъ отъ нея стояли мраморныя изображенія, исполненныя жиз-

ни: это были нагія мужскія фигуры. Одинъ точилъ мечь—и его называли *Точильщикомъ*; другіе составляли группу *борющихся Гладіаторовъ*. Изъ-за богини красоты тотъ готовилъ мечь; за нею же боролись бойцы.

Малютка былъ ослѣпленъ окружающимъ его блескомъ. Стѣны пестрѣлись яркими красками. Все было жизнь и движеніе. Образъ Венеры, земной Венеры, которая дышетъ сладострастіемъ (какъ будто бы Тиціанъ прижалъ ее къ своему сердцу), представлялся ему вдвойнѣ. Странно было ему видѣть. Передъ нимъ были *двѣ* прекрасныя женщины. Ихъ роскошныя, обнаженныя формы покоились на мягкихъ подушкахъ. Грудь у нихъ волновалась и голова повертывалась, такъ-что пышные кудри спадали на полныя плеча; глаза пламенѣли замыслами пылающей крови. Однако ни одна изъ картинъ не рѣшалась выйти изъ своей рамы. Сама богиня красоты, гладіаторы и точильщикъ не трогались съ мѣста.

Въ каждой изъ залъ глазамъ представляется новое великолѣпіе. Это непрерывный рядъ самыхъ высокихъ произведеній искуства. Малютка видѣлъ всѣ до одного. Бронзовый вепрь какъ будто нарочно шелъ тихо, чтобы онъ могъ разсмотрѣть всѣ эти чудеса. Воображеніе и глаза его перебѣгали съ картины на картину: только одна запечатлѣлась въ его памяти, потому-что тутъ были веселыя, счастливыя дѣти, которымъ онъ прежде ужъ, при дневномъ свѣтѣ, привѣтливо кланялся.

Многіе посѣтители вѣроятно проходятъ мимо

этой картины, не обращая на нее никакаго внимания, а между-тѣмъ-какъ она заключаетъ въ себѣ сокровища поэзіи: Христосъ нисходитъ въ подземное царство, гдѣ его однако окружаютъ не терзающіеся духи, а язычники. Эта картина работы Флорентинца Анджоло Бронзино. Особенно прекрасно выраженіе дѣтскихъ лицъ. На нихъ видна увѣренность, что небесное царство принадлежитъ имъ. Тамъ двое уже обнимаютъ другъ друга; тамъ младенецъ протягиваетъ руку другому, какъ будто бы говоря: «я попаду въ небеса!» Взрослые стоятъ въ недоумѣніи между страхомъ и надеждою, или, смиренно преклонивъ голову, молятся Іисусу Христу.

На эту картину малютка смотрѣлъ долѣе, нежели на всѣ другія. Бронзовый вепрь неподвижно стоялъ передъ нею. Послышался легкій вздохъ: откуда онъ выходилъ? изъ картины, или изъ груди звѣря? Малютка протянулъ руку къ хорошенькимъ дѣтямъ; но тутъ вепрь вдругъ понесся съ своимъ всадникомъ въ сѣни и къ выходу.

«Благодарю тебя, милый мой звѣрь!» сказалъ малютка, лаская бронзоваго вепря, который въ эту самую минуту помчался съ нимъ внизъ по лѣстницѣ.

«Я самъ благодаренъ тебѣ!» сказалъ бронзовый вепрь; «я оказалъ услугу тебѣ, а ты мнѣ: я не иначе могу бѣгать, какъ когда у меня сидитъ на спинѣ невинный реберокъ — и посмотри: я не боюсь даже лучей отъ лампады передъ образомъ Мадонны, и остановлюсь подъ ними. Я могу, куда угодно, свезти тебя, только не въ церковь. Но мы можемъ оста-

новиться и передъ церковью на улицѣ: съ тобою я могу видѣть ея внутренность въ открытыя двери. Не покидай меня; а не то ты увидишь меня передъ собою мертвымъ, такимъ, какъ я лежу днемъ въ Porta rossa.»

«О нѣтъ, я останусь съ тобою, добрый мой вепрь!» сказалъ малютка—и оба во весь духъ помчались по улицамъ Флоренціи къ площади, что передъ церковью Санта Кроче.

Высокая дверь распахнулась, и площадь освѣтилась огнями, горѣвшими передъ алтаремъ. Необыкновенный свѣтъ разливался отъ одной гробницы въ лѣвомъ притворѣ. Несмѣтное множество движущихся звѣздъ образовало надъ нею будто сіяніе. На гробницѣ сіялъ гербъ, представлявшій красную лѣстницу на голубомъ полѣ. Она вся какъ будто пылала. Это была гробница Галилея. Монументъ самъ по себѣ чрезвычайно простъ; но гербъ съ лѣстницей на голубомъ полѣ заключаетъ въ себѣ глубокое значеніе. Это какъ будто гербъ самаго искуства: оно по огненной лѣстницѣ восходитъ къ небесамъ.

Въ притворѣ по правую руку всѣ статуи на богатыхъ гробницахъ какъ будто дышали жизнію. Вотъ Микель-Анджело, а вотъ Дантъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ; далѣе Альфіери м Макіавель—великіе мужи, слава Италіи *, покоятся другъ подлѣ

* Напротивъ гробницы Галилея стоитъ монументъ Микель-Анджело. На немъ, кромѣ бюста художника, изображены три фигуры: скульптура, живопись и архитектура. Рядомъ съ нимъ находится гробница Данта (тѣло его погребено въ Равеннѣ). На монументѣ изображена Италія, указывающая на колосальную статую Данта.

друга. Церковь Санта Кроче прекрасна—несравненно прекраснѣе Флорентійскаго мраморнаго собора, хотя и не столь обширна.

Мраморныя одежды статуй какъ будто шевелились, и сами онѣ, какъ бѣлыя привидѣнія, въ ночномъ мракѣ и при звукахъ музыки и пѣнія подымали голову и смотрѣли на лучезарный пестрый алтарь, передъ которымъ мальчики въ бѣломъ платьѣ кадили золотыми кадильницами. Площадь наполнилась благоуханіемъ, выходившимъ изъ церкви.

Малютка протянулъ руку къ свѣтозарному пространству; но вепрь въ ту же минуту поскакалъ далѣе. Малютка долженъ былъ крѣпко держаться за него. Вѣтеръ свистѣлъ ему въ уши. Онъ слышалъ скрипѣніе церковныхъ дверей, когда ихъ запирали. Но тутъ онъ какъ будто впалъ въ безпамятство. Ему стало ужасно холодно — и онъ открылъ глаза.

Было утро. Свѣсившись въ-сторону, онъ сидѣлъ на бронзовомъ вепрѣ, который стоялъ на своемъ старомъ мѣстѣ, на улицѣ Porta rossa.

Страхъ и испугъ овладѣли имъ, когда онъ вспомнилъ о той, которую называлъ своею матерью: она вчера выслала его изъ дому съ тѣмъ, чтобы онъ досталъ денегъ; но ему ничего не дали.

Онъ чувствовалъ голодъ и жажду. Онъ еще разъ обнялъ бронзоваго вепря, поцѣловалъ его въ рыло—и, кивнивъ ему, ушелъ. Скоро онъ повернулъ

Поэзія оплакиваетъ усопшаго. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда гробница Альфіери. Она украшена лаврами, лирой и изваяніемъ Таліи. Италія плачетъ надъ его гробомъ. Макіавель заключаетъ рядъ этихъ великихъ мужей.

въ улицу, которая была такъ узка, что навьюченный оселъ съ трудомъ бы прошелъ по ней.

Когда онъ дошелъ до высокихъ полуоткрытыхъ дверей, обитыхъ желѣзомъ, онъ сталъ подыматься по грязной каменной лѣстницѣ, гдѣ протянутая съ низу до верху веревка служила вмѣсто перилъ. Тутъ онъ вошелъ въ галлерею, которая вся была увѣшана тряпьемъ. Лѣстница вела отсюда на дворъ, гдѣ было проведено множество проволокъ отъ колодца во всѣ этажи дома. Ведра спускали одно подлѣ другаго. Свистѣлъ блокъ—и ведра подымались по воздуху, а изъ нихъ вода такъ и лилась на дворъ. Малютка опять сталъ подыматься по грязной, полуразвалившейся лѣстницѣ. Два Русскіе матроса, возвращаясь съ ночной попойки, бѣжали внизъ, шатаясь — и чуть не сшибли съ ногъ бѣднаго мальчика. За ними шла немолодая, дородная женщина, съ густыми, черными волосами. «Много ли ты собралъ?» спросила она, обращаясь къ малюткѣ.

«Ахъ, не сердись!» сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ; «я ничего, ровно ничего не досталъ!» И онъ захватилъ ее за платье, какъ будто чтобы поцѣловать его. Они вошли въ комнату, которую я не стану описывать. Скажу только, что тутъ стояла канфорка съ горячими угольями, что называютъ *marito*. Женщина подняла ее—и, погрѣвъ свои пальцы, толкнула мальчика локтемъ и сказала: «сейчасъ подавай сюда деньги!»

Малютка плакалъ. Женщина толкнула его ногой—и бѣдняжка жалобно завизжалъ. «Если ты не

замолчишь, я размозжу тебѣ голову, мерзавецъ!» сказала она, замахнувшись канфоркою, которую держала въ рукахъ. Малютка присѣлъ на полъ съ громкимъ крикомъ. Тутъ вошла въ комнату одна изъ сосѣдокъ, также съ канфоркою въ рукахъ. «Феличита, что это ты дѣлаешь съ ребенкомъ?» сказала она.

«Онъ мой—и тебѣ дѣла нѣтъ,» отвѣчала Феличита. «Я могу убить его, если мнѣ вздумается, да и тебя вмѣстѣ съ нимъ, Джанина.» И она опять замахнулась канфоркой. Сосѣдка также подняла свою, чтобы защититься—и вотъ обѣ канфорки ударились одна объ другую, такъ-что всѣ уголья съ золой и огнемъ посыпались на полъ. Малютка съ быстротою молніи бросился въ двери—и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать на улицу. Бѣдняжка бѣжалъ до того, что совсѣмъ запыхался. Онъ остановился передъ церковью Санта Кроче, тою самою, которая отворилась передъ нимъ въ прошедшую ночь, и вошелъ. Она вся сіяла огнями. Онъ упалъ на колѣна передъ первой гробницей по правую руку: это былъ монументъ Микель-Анджело. Малютка громко зарыдалъ. Люди приходили; обѣдня началась; никто не обращалъ вниманія на бѣднаго мальчика. Только одинъ старичекъ остановился, посмотрѣлъ на него—и, какъ другіе, опять отошелъ. Голодъ и жажда томили малютку. Онъ былъ въ изнеможеніи и чувствовалъ себя дурно. Онъ забился въ уголокъ между стѣною и мраморнымъ монументомъ—и заснулъ. Когда онъ проснулся, было ужъ поздно. Кто-то

дергалъ его за руку. Онъ въ-испугѣ открылъ глаза— и передъ нимъ стоялъ тотъ же старичекъ, который останавливался передъ малюткою поутру.

«Ты боленъ? Откуда ты? Ты здѣсь пролежалъ цѣлый день?» Вотъ вопросы, съ которыми старичекъ обратился къ ребенку. Получивъ на нихъ отвѣтъ, онъ повелъ мальчика къ себѣ, въ одну изъ боковыхъ улицъ. Они вошли въ комнату, которая служила мастерскою перчаточнику. Сама хозяйка сидѣла тутъ же и усердно работала. Маленькая бѣлая болонка, остриженная догола, вскочила на стулъ и прыгнула къ ребенку.

«Невинныя души тотчасъ узнаютъ другъ друга,» сказала женщина, лаская попеременно собачку и мальчика. Эти добрые люди накормили и напоили малютку, и въ-добавокъ позволили ему переночевать у нихъ. На другой день старикъ Джузеппе хотѣлъ поговорить съ его матерью. Ребенку приготовили скудную постель; но ему она показалась роскошною: онъ такъ часто проводилъ ночь на голомъ полу. Тутъ онъ спалъ прекрасно и видѣлъ во снѣ безподобныя картины и бронзоваго вепря.

На другое утро Джузеппе пошелъ со двора; малютка пригорюнился: онъ зналъ, что старикъ идетъ къ его матери, и что ему надобно будетъ воротиться домой; онъ плакалъ и цѣловалъ собачку, а хозяйка привѣтливо улыбалась обоимъ.

Съ какимъ же извѣстіемъ воротился старикъ Джузеппе? Онъ много говорилъ съ женою, а та ласкала малютку и трепала его по щекѣ. «Онъ милый

ребенокъ,» сказала она, «и можетъ со-временемъ сдѣлаться такимъ же хорошимъ перчаточнымъ мастеромъ, какъ ты самъ; пальцы же у него такіе тоненькіе и гибкіе; Мадонна предназначила ему быть перчаточнымъ мастеромъ.»

И-такъ Джузеппе оставилъ у себя мальчика, и хозяйка учила его шить перчатки. Малютка ѣлъ и спалъ хорошо, былъ веселъ и уже начиналъ заигрывать съ Белиссимой: такъ называлась собачка. Иногда ему случалось и дразнить ее: тогда хозяйка грозила ему пальцемъ, ворчала и сердилась. Это огорчало малютку. Онъ, повѣся голову, уходилъ въ свою комнату, которая окнами была обращена на улицу. Тутъ сушили кожу. Въ окнахъ были вдѣланы толстыя желѣзныя рѣшетки. Малютка не могъ спать. Онъ мечталъ о бронзовомъ вепрѣ—и вотъ на улицѣ раздается хлестанье кнутомъ. «Ахъ, это вѣрно мой добрый звѣрь,» думаетъ онъ—и опрометью бѣжитъ къ окну; но уже поздно; ничего не видать.

«Помоги синьору нести ящикъ съ красками!» Такъ однажды утромъ сказала служанка малюткѣ, указывая на выходящаго изъ дому господина. Это былъ сосѣдъ перчаточника, молодой живописецъ: онъ съ трудомъ тащилъ ящикъ и свернутый кусокъ полотна. Малютка взялъ краски и пошелъ за живописцемъ, который направилъ путь къ галлереѣ и сталъ подыматься по той самой лѣстницѣ, по которой малютка мчался въ ночное свое странствіе на вепрѣ. Статуи и картины, и прекрасную мраморную Венеру, и все, что здѣсь жило въ краскахъ, онъ

привѣтствовалъ какъ старыхъ знакомыхъ. Передъ нимъ опять Матерь Божія, Іисусъ, Іоаннъ.

И вотъ они остановились передъ картиной Бронзино, гдѣ Христосъ нисходитъ въ преисподнюю и дѣти вокругъ Него улыбаются отъ блаженнаго упованія, что ихъ удѣлъ — небо. Лице бѣднаго малютки также озарилось улыбкой: вѣдь и для него здѣсь было небо.

«Пора тебѣ итти домой, дружокъ,» сказалъ живописецъ, видя, что ребенокъ не трогается съ мѣста, тогда-какъ онъ уже давно поставилъ станокъ свой. «Позвольте мнѣ посмотрѣть, какъ вы пишете,» сказалъ малютка; «мнѣ бы хотѣлось видѣть, какъ вы перенесете картину на этотъ бѣлый холстъ!» прибавилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

«Я теперь не буду писать», отвѣчалъ живописецъ, вынувъ изъ кармана черный карандашъ. Рука его быстро скользила по полотну; глаза внимательно измѣряли великое изображеніе—и вотъ изъ тонкихъ, слегка набросанныхъ черточекъ возсталъ Христосъ, точно такъ, какъ Онъ былъ представленъ на живописной картинѣ.

«Пора тебѣ итти,» сказалъ опять живописецъ, и ребенокъ тихо поплелся домой, сѣлъ на столъ — и принялся шить перчатки.

Но мысли его цѣлый день были въ картинной галлереѣ. Вотъ почему онъ то-и-дѣло кололъ себѣ пальцы—и работа не шла у него на-ладъ, и онъ не мучилъ и не дразнилъ Белиссиму. Когда насталъ вечеръ и ворота были еще отворены, онъ тайкомъ

выбѣжалъ изъ дому. Ночь была звѣздная и холодная. Онъ пошелъ бродить по опустѣвшимъ улицамъ— и вотъ онъ опять передъ бронзовымъ вепремъ. Онъ наклонился, поцѣловалъ свѣтлое рыло его и сѣлъ на него верхомъ. «Ахъ, ты, мой милый звѣрь», сказалъ онъ»; какъ я тосковалъ по тебѣ! Въ нынѣшнюю ночь намъ непремѣнно надобно поѣздить съ тобою.» Но бронзовый вепрь лежалъ неподвижно, и чистая струя продолжала бѣжать у него изъ пасти. Малютка сидѣлъ на немъ какъ всадникъ на быстроногомъ конѣ. Но вотъ кто-то потянулъ его за полу. Онъ оглянулся и увидѣлъ Белиссиму, маленькую, красиво-остриженную Белиссиму. Рѣзвое животное незамѣтно выбѣжало изъ комнаты вмѣстѣ съ ребенкомъ. Собачка ворчала передъ нимъ, какъ будто говоря: видишь ли, и я здѣсь съ тобою? зачѣмъ ты садишься сюда? Огненный змѣй не могъ бы въ ту минуту такъ испугать мальчика, какъ эта маленькая собачка. Белиссима на улицѣ, безъ шубы, какъ говорила старушка—что изъ этаго будетъ? Собачка зимою никогда не выходила изъ комнаты неодѣтая, то есть, безъ бараньей шкурки, которая была скроена и сшита по ней. Шкурка эта привязывалась красной ленточкой къ шеѣ, съ розеткой и бубенчикомъ, и также прикрѣплялась подъ брюхомъ. Когда зимою звѣрекъ въ этомъ костюмѣ бѣжалъ за своей госпожей, онъ почти болѣе походилъ на овечку, нежели на собаку.

Белиссима на улицѣ и безъ шубы—что изъ этаго будетъ? Отъ этой мысли всѣ фантазіи малютки

мигомъ разсѣялись. Онъ поцѣловалъ бронзоваго вепря и взялъ Белиссиму на-руки. Она дрожала отъ холоду — и потому онъ побѣжалъ со всѣхъ ногъ.

«Куда ты бѣжишь, молодецъ,» закричали малюткѣ идущіе тутъ же по улицѣ два жандарма. «Гдѣ ты укралъ эту хорошенькую собачку?» прибавили они, подойдя къ нему — и Белиссима очутилась у нихъ на рукахъ.

«Отдай мнѣ мою собачку!» кричалъ малютка жалобнымъ голосомъ.

«Ежели ты не укралъ ее, то скажи дома, что можно получить ее обратно на гауптвахтѣ.» Тутъ назвали они мѣсто и удалились съ Белиссимой.

Малютка былъ въ отчаяніи. Онъ не зналъ, броситься ли ему въ Арно, или воротиться домой и во всемъ признаться. «Они навѣрное убьютъ меня,» думалъ онъ; «но тѣмъ лучше: я хочу умереть, чтобы попасть ко Христу и Мадоннѣ!» И онъ пошелъ домой, утѣшая себя мыслію, что его убьютъ.

Ворота были заперты. Онъ не могъ достать до молотка, а попросить было некого. Чтобы помочь бѣдѣ, онъ поднялъ камень и имъ далъ знать о своемъ приходѣ. «Кто тамъ?» послышалось изъ-за воротъ. «Это я,» отвѣчалъ онъ, «Белиссимы нѣтъ со мною, отворите и убейте меня!» Все пришло въ сильное смятеніе; но особенно дурно приняла малютку служанка: она тотчасъ посмотрѣла на стѣну, гдѣ всегда висѣла шуба собачки, и увидѣла, что она тутъ.

«Белиссима на гауптвахтѣ,» закричалъ онъ во

все горло. «Ахъ, ты, негодный мальчишка! зачѣмъ ты выпустилъ ее вонъ? Бѣдняжка непремѣнно замерзнетъ у этихъ безбожныхъ солдатъ!» Джузеппе въ ту же минуту послали на-поиски. Старушка была въ ужасномъ сокрушеніи. Малютка горько плакалъ. Тутъ собрались всѣ сосѣды, между прочими и живописецъ. Онъ посадилъ малютку къ себѣ на колѣна, сталъ его распрашивать, какъ все было, и услышалъ безсвязный, запутанный расказъ о бронзовомъ вепрѣ и галлереѣ. Сначала онъ ничего не понималъ, но, догадавшись наконецъ, въ чемъ дѣло, сталъ утѣшать ребенка и просить за него прощенія у старушки. Та однако смягчилась не прежде, какъ когда ея мужъ воротился съ Белиссимой, которая осталась невредимою послѣ ужаснаго приключенія. Тутъ все превратилось въ радость и ликованіе. Живописецъ гладилъ ребенка по головѣ и надарилъ ему пропасть картинъ. Какіе чудные виды! какія забавныя лица! Но все это ничего передъ бронзовымъ вепремъ, который лежалъ тутъ будто живой. О, какъ прелестно, очаровательно! Нѣсколько черточекъ—и вотъ онъ перешелъ на бумагу. Тутъ обозначенъ и домъ, передъ которымъ лежитъ бронзовый вепрь. «Ахъ, какъ счастливъ, кто умѣетъ рисовать и писать красками: вся вселенная у него въ рукахъ!»

На другой день малютка въ первую свободную минуту побѣжалъ за карандашемъ и принялся срисовывать бронзоваго вепря. Попытка была довольно удачна. Вышло немного криво, немного безобразно; одна нога была слишкомъ толста, другая слишкомъ

тонка. Но все-таки можно было понять, что̀ онъ хотѣлъ изобразить—и малютка былъ въ восхищенiи. Карандашъ былъ немного упрямъ и не всегда шелъ такъ, какъ надобно: малютка самъ это замѣчалъ. На другой день на бумагѣ очутился еще одинъ вепрь—и этотъ былъ ужъ въ тысячу разъ лучше перваго. Третiй уже былъ такъ удаченъ, что всѣ узнавали его.

Между-тѣмъ малютка плохо успѣвалъ въ шитьѣ перчатокъ и тихо справлялъ посылки. Бронзовый вепрь научилъ его, что все видимое глазомъ можно переносить на бумагу, а городъ Флоренцiя — настоящiй живописный альбомъ, гдѣ есть на что посмотрѣть.

На Piazza della Trinità стоитъ стройная колонна, на которой видно изваянiе богини правосудiя съ завязанными глазами и вѣсами въ рукахъ. И она скоро перешла на бумагу: ее срисовалъ нашъ маленькiй знакомый. Его собранiе картинокъ съ каждымъ днемъ обогащалось новыми произведенiями. Но до сихъ поръ оно состояло только изъ копiй съ мертвыхъ предметовъ. Вотъ однажды мимо малютки бѣжала Белиссима. «Стой смирно,» сказалъ онъ; «я тебя срисую—и тобой будутъ любоваться между моими картинами.» Но такъ-какъ Белиссима не хотѣла стоять смирно, то ее надобно было насильно принудить къ тому. Малютка привязалъ ее за хвостъ и за голову; но маленькое животное ворчало и рвалось. Надобно было затянуть веревку крѣпче, какъ вдругъ вошла синьора.

«Ахъ, ты, безбожный мальчишка! Бѣдный звѣрекъ мой!» сказала она, задыхаясь отъ гнѣва. Толкнувъ мальчика въ уголъ, она прибила его и выгнала изъ дому, называя неблагодарнѣйшимъ существомъ, негоднымъ ребенкомъ. Потомъ она со слезами принялась цѣловать свою маленькую, едва-живую Белиссиму.

Въ эту самую минуту живописецъ шелъ домой по лѣстницѣ — и тутъ исторія моя принимаетъ другой оборотъ.

1834 года во Флоренціи была выставка въ *Academia della arte.* Двѣ картины, стоявшія рядомъ, особенно привлекали взоры и вниманіе посѣтителей. На одной, поменьше, былъ представленъ хорошенькій, маленькій мальчикъ съ карандашемъ въ рукѣ. Онъ срисовывалъ маленькаго бѣлаго причудливо-остриженнаго мопса. Но такъ-какъ звѣрекъ, видно, не хотѣлъ стоять смирно, то онъ былъ привязанъ веревкой за хвостъ и за голову. Въ картинѣ этой проявлялось много жизни и истины—и она производила на всѣхъ впечатлѣніе. Ее писалъ — такъ расказывали — молодой Флорентинецъ, который еще ребенкомъ былъ найденъ и воспитанъ старымъ перчаточникомъ. Онъ самоучкою научился рисовать. Одинъ знаменитый живописецъ нечаянно открылъ его талантъ въ ту самую минуту, когда мальчика хотѣли согнать со двора за то, что онъ вздумалъ взять за модель и привязать на веревку любимицу своей госпожи, маленькую собачку.

Маленькій перчаточный ученикъ сдѣлался вели-

кимъ живописцемъ: о томъ свидѣтельствовала эта картина, и особенно другая, побольше, стоявшая съ нею рядомъ. На послѣдней была представлена только одна фигура: прекрасный собою мальчикъ, въ лохмотьяхъ, спалъ на открытомъ воздухѣ, сидя на бронзовомъ вепрѣ, что на улицѣ Porta rossa *. Мѣсто было знакомо всѣмъ посѣтителямъ выставки. Рученки малютки лежали на головѣ вепря. Онъ спалъ такъ сладко и беззаботно. Лампа передъ образомъ Мадонны бросала лучезарный свѣтъ на блѣдное, чудное лице малютки. Нельзя представить себѣ ничего прекраснѣе этой картины. Она была вставлена въ великолѣпную позолоченную раму: на одномъ углу висѣлъ лавровый вѣнокъ; между свѣжихъ листьевъ вилась черная лента, а изъ-подъ вѣнка висѣлъ длинный траурный флеръ.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ молодой художникъ скончался.

* Бронзовый вепрь вылитъ по древнему оригиналу, изваянному изъ мрамора и помѣщенному у входа въ галлереѣ въ Палаццо degli Uffizi.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

33. *Лафатеръ и Галль.* Сочиненіе *С. Куторги.* Въ 8; 32 стран. Спб.

Есть имена, которыхъ рѣдко не зналъ бы кто. Въ этомъ числѣ надобно помѣстить Лафатера и Галля. Но самая извѣстность часто мѣшаетъ обстоятельнѣе изслѣдовать, какою дѣятельностію такіе люди достигли до того, что всѣ о нихъ знаютъ. Профессоръ С. Куторга принялъ на себя трудъ изложить главнѣйшія черты ученой жизни Лафатера и Галля. Онъ умѣлъ въ сочиненіи своемъ соединить воззрѣніе ученое съ изложеніемъ общепонятнымъ. Прочитавъ его, каждый будетъ въ состояніи судить, въ какой мѣрѣ правдоподобны предположенія обоихъ естествоиспытателей, и какую пользу пріобрѣла наука отъ распространенія ихъ мнѣній. «Лафатеръ», говоритъ авторъ, «надѣленъ былъ отъ природы рѣдкимъ даромъ наблюденія, остротою ума и чрезмѣрно живымъ воображеніемъ; но онъ вовсе не зналъ ни анатоміи, ни физіологіи человѣка, а потому судилъ о физіономіяхъ по одной наглядкѣ, не отдавая себѣ никакаго отчета, или, какъ обыкновенно говорятъ, инстинктивно. Все, что онъ ни говорилъ, все, что ни писалъ, было безотчетно, безъ систематическаго выраженія его индивидуальности,

его собственнаго темнаго чувства.» Между-тѣмъ сочинитель не вполнѣ отнимаетъ у него истину представленій, замѣчая, что «значенія, которыя Лафа«теръ приписываетъ различнымъ частямъ лица, во«обще справедливы». О Галлѣ Г. Куторга говоритъ, что «ученіе его принесло человѣчеству большую поль«зу. Оно глубоко заронило мысль, что мозгъ есть «матерьяльный органъ процесса нашего мышленія; «что таланты свои приносимъ мы въ міръ вмѣстѣ «съ зачатіемъ и рожденіемъ нашимъ, и что отъ насъ «и отъ общества, въ которомъ мы живемъ, зави«ситъ только — дать ли этимъ природнымъ талан«тамъ матерьялъ для упражненія, или нѣтъ.» По нашему мнѣнію, едва ли согласны будутъ всѣ съ выводомъ, столь безусловнымъ, касательно неразрѣшимаго вопроса объ отношеніи духовныхъ силъ человѣка къ его тѣлесному составу.

34. *Рѣчь,* произнесенная Орд. Проф. *А. Ободовскимъ* на публичномъ актѣ въ Глав. Педагогич. Институтѣ 20 Января 1845 года. Въ 8; 17 стран. Спб.

Предметомъ рѣчи своей авторъ избралъ Песталоцци. Онъ кратко изложилъ начàла его методы ученія. Возьмемъ хотя одно изъ мнѣній, приводимыхъ въ сочиненіи. «Все человѣчество, съ сущно«сти своей, одинако—и должно итти одинакимъ пу«темъ къ своему благополучію. Способности всѣхъ «должны получать общее человѣческое образованіе.» Читатель безъ сомнѣнія удивленъ противоположностію, которую ему представляютъ мнѣнія Галля и

Песталоцци. Таковы всегда бываютъ послѣдствія, когда человѣкъ принимаетъ на себя отважность рѣшить то, въ чемъ духовная и тѣлесная сторона непостижимо сходятся между собою, и въ чемъ изъ жизни каждаго лица, для скромнаго наблюдателя, является особенный міръ. Г. Ободовскій замѣчаетъ, что Песталоцци, «обнимая душею идеалы свои, не «умѣлъ указать средствъ къ ихъ достиженію, и самъ «часто избиралъ къ тому самыя несообразныя. При «глубокомъ познаніи человѣка, онъ не умѣлъ обхо-«диться съ людьми и управлять ими.» Въ заключеніи рѣчи своей, онъ прибавляетъ: «Да водворится «духъ Песталоцци во всѣ наши училища, и да во-«одушевятся на всю жизнь юноши, вступающіе «сегодня на педагогическое поприще, тѣмъ же бла-«городнымъ энтузіасмомъ къ великому дѣлу — во-«спитанію, какимъ постоянно пламенѣла добродѣтельная душа Песталоцци!» Такъ-какъ способъ ученія знаменитаго Германскаго педагога заключается, по словамъ біографа его, *въ одномъ пробужденіи самодѣятельности на основаніи наглядности;* то сомнительно, чтобы вполнѣ полезно было ввести эту методу во всѣ наши училища.

35. *Отчетъ о дѣйствіяхъ Главн. Педагог. Института съ 1842 по 1844 годъ*, составленный и читанный въ торжественномъ собраніи по случаю выпуска изъ Института студентовъ четвертаго курса, 20 Января 1845 года, Ученымъ Секретаремъ *А. Смирновымъ*. Въ 8; 28 стран. Спб.

Въ Отчетѣ изложено нынѣшнее состояніе всѣхъ

частей Главн. Педагогическаго Института, какъ-то: раздѣленіе воспитывающихся въ немъ на разряды; предметы, какими они занимаются; будущее ихъ назначеніе; отправленіе нѣкоторыхъ за границу для дальнѣйшаго образованія; перемѣны, послѣдовавшія съ разными должностными лицами при Институтѣ; пополненіе ученыхъ пособій, и награды, какихъ удостоены успѣшнѣйшіе изъ окончившихъ тогда курсъ ученія.

36. *Способъ узнавать роды именъ существительныхъ Французскаго языка.* Въ 8; 32 стран. Спб.

«Чтобы не обременить учащихся множествомъ правилъ (сказано въ предисловіи), издатель предлагаетъ имъ только такія, подъ которыя подходятъ многія имена; для желающихъ же обозрѣть всѣ окончанія и всѣ имена, которыхъ родъ можно опредѣлить окончаніемъ ихъ, приложенъ въ концѣ Словарь нарицательныхъ именъ Французскаго языка, раздѣленныхъ по родамъ и окончаніямъ.» Давно чувствуема была для обучающихся въ общественныхъ заведеніяхъ потребность въ подобномъ пособіи. Изложеніе правилъ и самый Словарь представлены въ такой ясности и простотѣ, что и при легкомъ вниманіи можно запомнить, какія имена мужескаго рода, и какія женскаго.

37. *Памятникъ Русскихъ добродѣтелей, древнихъ и новыхъ временъ,* содержащій въ себѣ избранныя дѣянія знаменитыхъ Государей, полководцевъ, министровъ, храбрыхъ воиновъ, купцовъ, поселянъ и женщинъ, отличившихся твердостію духа и само-

отверженіемъ, заимствованный изъ историческихъ трудовъ: Карамзина, Глинки, Погодина, Снегирева, Арцыбашева, Михайловскаго-Данилевскаго, Бантышъ-Каменскаго и другихъ, а также изъ газетъ и журналовъ, *М — ломъ Т — ковымъ.* Двѣ части. Въ 8; 158 и 220 стран. Моск.

У собирателя отрывковъ была мысль хорошая: онъ предполагалъ приготовить для молодыхъ людей книгу, которая содержаніемъ своимъ могла бы образовать ихъ сердце, а изложеніемъ вкусъ ихъ, Но до какой степени не удалось ему достигнуть цѣли— это выразилось въ самомъ исчисленіи источниковъ, которыми онъ пользовался при составленіи сборника.

38. *Борьба язычества и Христіанства.* Сочин. *П. Морозова.* Въ 8; 16 стран. Моск.

Много понятій и словъ, которыя не очищены и не возведены въ истинное свое значеніе. Съ ними обращаются безъ особеннаго вниманія, привыкнувъ къ знакомымъ ихъ представленіямъ и звукамъ, не заботясь о строгомъ опредѣленіи дѣйствительнаго ихъ смысла. Въ числѣ ихъ нерѣдко поражаютъ мыслящаго человѣка: язычество и Христіанство. Во всемъ ли объемѣ берется подлинный смыслъ ихъ, когда языкъ произноситъ эти звуки? Вотъ что внушило автору изложить здѣсь нѣсколько мыслей. Пораженный несообразностію между значеніемъ словъ и дѣйствій, которыя сопровождаютъ ихъ, онъ показалъ это противорѣчіе, утверждая, что язычество не исчезло даже тамъ, гдѣ, по-видимому, торжествуетъ Христіанство. Легко войти въ это настрое-

ніе духа, когда съ чистымъ сердцемъ послѣдуешь за истиною. Но и посреди размышленій, опечаливающихъ благочестивую душу, есть для нея отрада: язычество не только изнемогаетъ въ борьбѣ, но и потеряло всѣ праба свои, а торжествующее Христіанство проникаетъ въ самые сокровенные помыслы людей, хотя нѣсколько образовавшихся созерцаніемъ истины. Одно замѣтимъ: предметъ, избранный авторомъ, не могъ быть не только исчерпанъ, но и осмотрѣнъ въ столь коротенькомъ сочиненіи.

39. *Благость Божія въ Природѣ*, или совершенство естественнаго міра. Соч. *Кн. Е. Ив—нисо...* Въ 12; 23 стран. Моск.

Природа совершенствомъ своимъ всегда привлекала къ себѣ умы созерцательные. Ея законы, дѣйствія и всѣ явленія изслѣдованы въ такой мѣрѣ, сколько они доступны человѣку. Авторъ книжки не воспользовался трудами предшественниковъ, не ознакомился ближе съ Природою — и отъ того въ своемъ разсматриваніи часто погрѣшаетъ.

40. *Іоаннъ Гусъ и его послѣдователи.* Соч. *Палаузова.* Въ 8; 25 стран. Моск.

Въ отношеніи къ Исторіи эта біографія изложена вѣрно и занимательно. Нельзя того же сказать въ отношеніи къ Русскому языку, который здѣсь принужденъ былъ принять много галлицисмовъ.

41. *Вечернія бесѣды Русскихъ инвалидовъ.* Въ двухъ частяхъ. Въ 12; 91 и 87 стран. Моск.

Собраніе такъ называемыхъ *общихъ мѣстъ*, которыми удобно снабдить всякую книгу, какое бы

содержаніе ни выбралъ авторъ для своего сочиненія. Такія книги могутъ быть и не быть: все равно.

42. *Путешествіе по солнцу. Демокрита Терпиновича.* Въ 12; 78 стран. Спб.

Вымышленное имя, съ которымъ является сочинитель въ публику, и названіе книги уже опредѣляютъ ея характеръ. Автору вздумалось блеснуть остроуміемъ. Оно не такъ легко, какъ думаютъ многіе. Отъ того и книги, назначаемые для сатирическихъ описаній, рѣдко забавны. Таково и Путешествіе по солнцу.

43. *Изслѣдованіе о мѣстничествѣ.* Издалъ *Д. В.* Въ 4; 166 стран. Моск.

Замѣчательное и дѣльное сочиненіе. Въ разысканіяхъ автора виденъ критическій умъ и много историческаго запаса. Это изслѣдованіе составляетъ одну изъ статей, которые были изданы подъ общимъ названіемъ *Синбирскаго Сборника.*

44. *Столѣтіе Россіи, съ 1745 до 1845 года,* или историческая картина достопамятныхъ событій въ Россіи за сто лѣтъ. Сентября 5-го 1845, въ день столѣтняго юбилея, совершившагося со дня рожденія Князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Сочиненіе *Николая Полеваго.* Часть *первая.* Изданіе *П. Мартынова.* Въ 8; IV ь 405 стран. Спб.

Книга начинается перечнемъ происшествій, сколько ихъ уже вошло въ Русскую Исторію г-на Полеваго, съ прибавленіемъ послѣдующихъ до Императрицы Анны Іоанновны. Дальнѣйшія событія составляютъ другую часть книги, которой появленіе безъ

сомнѣнія порадуетъ всѣхъ, подписавшихся на *Исторію Русскаго народа*. По сочиненію, напечатанному теперь ея авторомъ, можно догадываться, что онъ не забываетъ перваго труда своего и занимается приготовленіемъ матерьяловъ къ его окончанію.

45. *Жизнь Езопа*. Въ пользу юношества, на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Съ 6-ю раскрашенными картинками. Въ 8; 74 стран. Моск.

Книги для дѣтей должны быть не только занимательны по предметамъ, которые въ нихъ входятъ — онѣ должны быть изложены правильнымъ, точнымъ и яснымъ языкомъ, о чемъ и не позаботился біографъ Езопа.

46. *Коварство*. Сочиненіе *М. Чернявскаго*. Въ двухъ частяхъ. Въ 8; 204 и 330 стран. Спб.

Сочинитель подчинился преобладающему нынѣ стремленію въ Литературѣ, которая Романъ поставила основою дѣятельности своей. И онъ, какъ умѣлъ, написалъ романъ. Кто чтенія книгъ не избралъ средствомъ раздѣлываться какъ-нибудь съ докучливымъ временемъ; тотъ безъ сомнѣнія не станетъ читать *Коварства*, потому-что этотъ романъ такъ же лишенъ художнической истины и всякаго литературнаго достоинства, какъ и прочіе романы безвкусной *неистовой школы*. Но, судя по тому, что для кого же нибудь сочиняются безпрестанно и безпрестанно переводятся такія книги, мы увѣрены, что и *Коварство* найдетъ своихъ *по-читателей*.

47. *Башня Веселуха*, или Смоленскъ и жители его шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Сочиненіе Смоленскаго старожила *Ѳ. ф. Э.* Въ 8; 78 и 42 стран. Спб.

Достоинство этаго романа заключается въ описаніи нравовъ, которое хорошо ведено, и въ занимательности происшествія, правдоподобно выдуманнаго. И то равнымъ образомъ должно признать достоинствомъ, что сочинитель не вдался въ изображеніе безвкусныхъ сценъ и дикихъ характеровъ, чѣмъ любятъ щеголять модные нынѣшніе романисты, особенно Французы.

48. *Три сказки и одна побасёнка*, пересказанныя *Михайломъ Максимовичемъ*. Въ 16; 48 стран. Кіевъ.

Названія повѣстей слѣдующія: I. Марко Богатый, II. Снѣгурка, III. Веселыя Злыдни и IV. Мужикъ и Смерть. Это полуаллегорическіе, полуфантастическіе нравоучительные расказы, очень полезные для чтенія простаго народа. Въ нихъ и содержаніе и языкъ хорошо примѣнены къ понятіямъ нисшаго класса читателей. У автора есть талантъ рисовать положенія и характеры вѣрными красками.

49. *Прощанье*. Въ 8; 4 стран. Спб.

Стихи безъ мѣры, а часто и безъ смысла.

50. *Репетиція на станціи*, или доброму служить сердце лежитъ. Анекдотическій водевиль въ одномъ дѣйствіи, представленный въ 1827 году, 29 Октября, въ селѣ Рожественѣ, имѣніи Свѣтлѣйшаго Князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Въ 8; VI и 59 стран. Моск.

Пьеса достигла своей цѣли чуть не за двадцать

уже лѣтъ. Ея появленіе въ печати не можетъ уменьшить той цѣны ея, какую было суждено заслужить ей въ то время, которое она должна называть *своимъ*.

51. *Евгенія*, или избалованное дитя. Повѣсть для дѣтей. Въ 8; 30 стран. Моск.

Надобно сожалѣть, что за сочиненіе повѣстей для дѣтей принимаются люди безъ дарованіи не только къ этому роду расказовъ, но и вобще къ литературѣ. Въ книгахъ, назначаемыхъ для дѣтей, необходимы художественныя красоты, какъ и въ книгахъ для взрослыхъ. Чѣмъ можетъ быть увлеченъ или занятъ умъ дитяти въ *Евгеніи*, расказѣ неодушевленномъ и тянущемся? А въ дополненіе къ этому въ немъ попадаются безпрестанно и ошибки противъ языка.

52. *Образцовый письмовникъ*, или хрестоматія писемъ, содержащая въ себѣ письма на разные случаи жизни общественной. Въ трехъ отдѣленіяхъ, съ присовокупленіемъ формы необходимыхъ судебныхъ и коммерческихъ письменныхъ сношеній. Въ 12; 244 стран. Моск.

Вмѣсто того, чтобы издавать письма, гораздо полезнѣе и согласнѣе съ современными объ этомъ предметѣ понятіями было бы напечатать общія замѣчанія о тонѣ писемъ и приложить формы, какъ въ нихъ, смотря по лицамъ и разнымъ отличіямъ ихъ, правильно составляется начало или обрашеніе, окончаніе и надпись. Это по крайней мѣрѣ примѣнимо и всѣми принято въ извѣстныхъ образцахъ. Но кто же вздумаетъ изъ чужаго письма что-нибудь заимствовать

для своего? Уже ли издатель не вѣритъ еще, что *Кургановскія* времена прошли давно?

53 *Елена*, или добродѣтельное дитя. Повѣсть для дѣтей. Въ 8; 27 стран. Моск.

Смотр. 51 №.

54. *Учебная книга Римскаго гражданскаго права*, составленная для руководства при чтеніи лекцій *Логиномъ Камбскомъ*. Въ 8; 165 стран. Казань.

Сочинитель изданіемъ этой книги оказалъ большую услугу ученой литературѣ и особенно своимъ слушателямъ. Въ его систематическомъ сочиненіи предметы развиваются удобно и постепенно. Отъ изъясненія, что значитъ право, авторъ переходитъ къ его раздѣленію по Латинскимъ сводамъ. Изложивъ юридическое ученіе о лицахъ, вещахъ и дѣйствіяхъ, онъ заключаетъ его узаконеніями Римлянъ касательно брака, власти родительской, собственности, повинностей, залоговъ, наслѣдства, завѣщаній, обязательствъ и судопроизводства. Словомъ: это учебникъ, при кажущейся краткости, очень полный.

55. *Физика*. Часть *первая*. Составлена *П. Т. Щегловымъ* (Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній). Въ 8; 438 стран. Спб.

Начало новаго сочиненія своего г-нъ Щегловъ основалъ на ученіи, которое имъ было принято въ его же Физикѣ, нѣсколько разъ перепечатывавшейся. Здѣсь онъ излагаетъ его сокращеннѣе, побуждаясь къ тому причинами дѣйствительно уважительными. Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ неумѣстно

было бы преподавать Физику такъ обширно, какъ ее проходить можно, на прим., въ Александровскомъ Лицеѣ.

56. *Топографическо-физическій атласъ всего земнаго шара,* составленный *Карломъ Глазеромъ* по сочиненіямъ гг. Рихтера, Гумбольдта, Шонера, Роопа, Берхгауза, Нёгерата, Буркарта, Вебстера, Котта и Лихтенштерна, съ дополненіями, сообщенными Гольтгаузеномъ. Изданъ съ присовокупленіемъ двухъ картъ Европейской и Азіатской Россіи, составленныхъ В. Кротовымъ по географіямъ гг. Арсеньева, Павловскаго, Соколовскаго и Шульгина. Спб.

Такъ-какъ Г. Глазеръ воспользовался всѣми пособіями, какія только приготовлены были его предшественниками на этомъ поприщѣ, то понятно, какое достоинство имъ сообщено труду важному и общеполезному. Надобно желать, чтобы подобныя пособія науки, всякому необходимой, пріобрѣтали гласность и мало по малу вытѣсняли соперничествующія съ ними изданія, лишенныя полноты и вѣрности.

57. *Генеральная карта извѣстнаго Древнимъ свѣта*, изъ разныхъ источниковъ составленная и приноровленная къ гимназическому курсу исторіи *И. Эйнерлингомъ*. На шести Александрійскихъ листахъ. Спб.

Всѣ изданія учебныхъ пособій, составляемыхъ г-номъ Эйнерлингомъ, извѣстны своею исправностію и удобствомъ. Такова точно и Генеральная карта свѣта, извѣстнаго Древнимъ.

58. *Учебная географическая карта всей Россійской Имперіи*, съ показаніемъ почтовыхъ и коммерческихъ дорогъ, числа верстъ между городами и селеніями, водныхъ сообщеній, рудныхъ промысловъ, заводовъ, фабрикъ и минеральныхъ источниковъ. Составлена по новѣйшимъ географическимъ и историческимъ свѣдѣніямъ Корпуса Топографовъ Подпоручикомъ *Алексѣевымъ*. Спб.

Эта спеціальная карта, въ своемъ родѣ, такъ же хороша, какъ приведенная выше подъ № 56.

59. *Краткая всеобщая Географія для первоначальнаго преподаванія*, составленная *К. Р.* Въ 8; 120 стран. Спб.

Объ этомъ учебникѣ можно только сказать, что онъ — какъ и всѣ *обыкновенные* учебники.

60. *Учебная книга Италъянскаго языка для Русскихъ*, составленная по новѣйшимъ методамъ, по которой легко и скоро можно научиться Итальянскому языку безъ помощи учителя. Въ 8; 120 стр. Спб.

Смотр. предыдущій №.

61. *Первоначальное руководство къ этимологіи Греческаго языка*, составленное *Б. Ордынскимъ*. Въ 8; 26 стран. Моск.

Въ сочинителѣ этой маленькой книжки виденъ преподаватель, знающій свое дѣло и опытный въ немъ. Мы увѣрены, что всѣ, начинающіе обучаться Греческому языку, слѣдуя этимологіи г-на Ордынскаго, избавятся отъ обыкновенной затруднительности, въ какую часто приводятъ ихъ тяжелыя

наставленія, къ сожалѣнію преобладающія пока въ педагогикѣ.

62. *Этимологическій букварь*, содержащій въ себѣ наставленія о произношеніи, всѣ первообразныя слова Французскаго языка и уроки для чтенія, составленный Управляющимъ училищемъ Взаимнаго обученія и кавалеромъ *Яковомъ Гердомъ*. Въ 16; 258 стран. Спб.

Лучшая сторона этой книги — указаніе на первообразныя слова. Прочее не превосходитъ замѣчаній, давно внесенныхъ въ самоучители.

63. *Русская азбука. А. Вороновой*. Съ 34 раскрашенными рисунками на 10 листахъ. Въ 12; 160 стран. Спб.

Въ числѣ многихъ азбукъ, выходящихъ почти ежемѣсячно, изданная нынѣ г-жею Вороновой можетъ почесться замѣчательною: въ ней есть не только буквы, но и мысль — упростить и облегчить первоначальное обученіе дѣтей.

64. *Рѣчь о Ломбардскомъ стилѣ въ архитектурѣ*. Соч. архитекторскимъ помощникомъ *Иваномъ Боровковымъ*. Въ 8; 16 стран. Моск.

Художникъ, ученымъ образомъ разрѣшающій вопросъ о предметѣ, касающемся искуства, имъ обработываемаго, въ Россіи представляетъ явленіе рѣдкое и пріятное. Г. Боровковъ подаетъ поучительный примѣръ сверстникамъ своимъ. У насъ часто пишутъ о живописи, скульптурѣ, музыкѣ и архитектурѣ такіе люди, которые совсѣмъ не изучали искуства, а еще менѣе знакомы съ техничес-

кою его стороною. Надобно желать, чтобы въ каждомъ судѣ присутствовалъ судья законный. Вотъ отъ чего обрадовало насъ изслѣдованіе Г. Боровкова о Ломбардскомъ стилѣ въ архитектурѣ. Онъ историческими изысканіями доказалъ, что Ломбардскаго стиля нѣтъ ни въ какихъ зданіяхъ, и что онъ остается пока въ нѣкоторыхъ только книгахъ.

65. *Міръ допотопный. А. Г.* Въ 8; 41 стран. Моск.

Изъ предмета, самаго богатаго занимательностію и способнаго возбудить любопытство каждаго человѣка, авторъ составилъ сочиненіе сухое, сбивчивое и утомительное. Не только нѣтъ въ немъ просто истины и системы, даже матерьяловъ науки въ томъ видѣ, какъ теперь обработаны ея части.

66. *Земледѣльческій календарь.* Соч. *Эр. Рудольфа.* Въ 8; съ политипажными рисунками.

Ясно понимая, что для цѣлой Россіи, раскинувшейся едва не во всѣхъ земныхъ поясахъ, нельзя написать *общей* книги по части Сельскаго Хозяйства, сочинитель Календаря для своихъ наблюденій избралъ предпочтительно сѣверную полосу нашего отечества. Его сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей: въ одной помѣщены соображенія на каждый мѣсяцъ отдѣльно, въ другой специальныя разсужденія — о жизни и содержаніи домашнихъ птицъ и о хмѣлѣ и его воздѣлываніи. Въ замѣчаніяхъ сочинителя, касающихся какаго-либо мѣсяца, собрано все, естественно связанное съ полевыми работами эпохи. Вотъ почему эта книга, нося форму календаря, есть

вмѣстѣ и самое полное руководство по части Сельскаго Хозяйства.

67. *Котъ въ сапогахъ.* Русская народная сказка въ трехъ частяхъ (въ стихахъ). Сочиненіе *В. Потапова*, автора сказки: Мужичекъ съ ноготокъ, бородка съ локотокъ. Въ 12; 114 стран. Моск.

Вмѣсто того, чтобы очищать текстъ простонародныхъ сказокъ отъ примѣси выраженій и цѣлыхъ вставокъ, вносимыхъ въ него безпощадными сочинителями, г-нъ Потаповъ перекладываетъ его въ вялые и скучные стихи. Кто будетъ читать ихъ?

68. *Смоленскій рынокъ въ Москвѣ.* Картина прошедшаго времени. Сочиненіе *М. С.* Въ 12; 11 стр. Моск.

Картины лубочныя, въ сравненіи съ этою картиной, еще можно почесть за произведенія изящныхъ искуствъ.

69. *Практика для пиротехниковъ.* Составилъ *Натъ.* Въ 8; 304 стран. Съ 15 чертежами. Спб.

«Дѣло мастера боится,» говоритъ Русская пословица. Эту истину подтвердилъ Г. Натъ изданіемъ своей книги. Онъ обработалъ свой предметъ въ полнотѣ, со всею отчетливостію знатока—и сообщилъ ему всю занимательность, особенно, ежели займутся ею охотники до потѣшныхъ огней.

II.

70. *Руководство къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей.* Сочиненіе *К. Грума.*

Томъ *третій*. Образованіе физическое, умственное и нравственное. Въ 8; 405 стран. Спб.

71. *Практическая медицина*. Лекціи доктора *Дядьковскаго*. Тетрадь *вторая*. Въ 8; 113—236 стран. Моск.

72. *Опытъ практическихъ замѣчаній Кинешемскаго земледѣльца о сельскомъ хозяйствѣ Костромской губерніи*. Часть *четвертая*. Прибавленія. Въ 8; 93 стран. Спб.

=

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

8. *О существѣ, характерѣ и необходимости Религіи.* Сочиненіе доктора философіи *Вольфа.* Переводъ съ Нѣмецкаго *Моисея Лихтенштейна.* Въ 8; 64 стран. Кіевъ.

Не часто библіографу представляется случай говорить о переводахъ книгъ столь высокаго достоинства, какъ сочиненіе Вольфа. Лѣтописи современной Литературы наполняются титулами Французскихъ романовъ, которые не только выходятъ отдѣльно, но и вставляются въ журналы, захватывая въ нихъ и ученое отдѣленіе, и литературное, и хозяйственное, и отдѣленіе смѣси, и приклеиваясь даже на затылкѣ Парижскихъ модъ. И–такъ нельзя не благодарить Г. Лихтенштейна во-первыхъ за выборъ труда, во–вторыхъ за исполненіе. Въ мыслахъ автора есть убѣжденіе сердечное, которое проникаетъ и въ душу читателя. Такія книги составляютъ сокровище для ума, который ищетъ успокоенія.

9. *Остроты и анекдоты знаменитаго юмориста А. Г. Сафира.* Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ 16; 66 стран. Спб.

Знаменитость, представляемая читателю, давно и тамъ уже забыта, гдѣ она блеснула минутно.

10. *Искуство сохранять лучшую память*, не обманъ, а истина, основанная на опытности и разсудкѣ. Изданіе для блага всѣхъ состояній и всѣхъ возрастовъ. Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ 12; 28 стран. Моск.

Нельзя не подозрѣвать, что переводчикъ и самъ сомнѣвается въ дѣйствительности средствъ, которыми онъ съ сочинителемъ этой книжки берется укрѣплять память: иначе не вздумалось бы ему, еще не встрѣтивши возраженій, напередъ увѣрять читателей, что въ книжкѣ его не обманъ, а истина. Конечно это не обманъ, а простодушіе.

11. *Инквизиція*. Сочиненіе *Галлуа*. Перевелъ съ Французскаго *В. Модестовъ*. Въ двухъ томахъ. Въ 16; XII, 220 и 152 стран. Спб.

Сю выдумываетъ ужасы, чтобы дремлющему воображенію читателей сообщить какое-нибудь движеніе. Трудъ жалкой и вредной: онъ притупляетъ и остатокъ способностей къ дѣятельности, а съ другой стороны вноситъ въ архивы дѣлъ о человѣчествѣ самые несправедливые, самые злобные доносы. Если уже дѣйствительная настала потребность въ искуственныхъ потрясеніяхъ внутреннихъ чувствъ, мы предлагаемъ другое средство, правда также сильное, но полезное: читайте Исторію Инквизиціи. Тутъ являются во всемъ ужасѣ гибельныя слѣдствія невѣжественнаго фанатисма. Отъ этѣхъ картинъ съ какою отрадою обратится сердце къ Христіанству чистому и возвышенному! Переводъ разсматриваемой нами книги точно можно принять за противо-

ядіе въ нашу жалкую эпоху литературныхъ требованій.

12. *Исторія Консульства и Имперіи*, соч. *Тьера*, бывшаго Президента Совѣта Министровъ, Члена Палаты Депутатовъ и Французской Академіи. Перевелъ съ Французскаго *И. Д—ъ*. Части I, II и III. Въ 8; 228 стран. Спб.

Жалко видѣть въ дюжинномъ переводѣ знаменитое сочиненіе однаго изъ блистательнѣйшихъ писателей Франціи. Но такова нынѣ участь великихъ твореній: фабриканты книгъ, что прежде было благороднымъ обществомъ Литераторовъ, поспѣшаютъ только перегнать соперниковъ, не умѣя достойно оцѣнить произведеніе таланта, а еще менѣе передать его въ переводѣ, достойномъ подлинника. Все пишется и печатается какъ газетная статья, на одинъ день.

13. *Королева Марго́.* Романъ *Александра Дюма̀.* Въ шести частяхъ, въ двухъ томахъ. Въ 8; 69, 83, 88, 76, 73 и 87 стран. Спб.

Это особые оттиски романа, который напечатанъ былъ въ «*Отечественныхъ Запискахъ*» нынѣшняго года. «*Библіотека для Чтенія*» опредѣлила характеръ его слѣдующимъ образомъ (Т. 73, Отд. VI, стран. 11): «Пьютъ, дерутся, рѣжутся, нарѣзы-«ваются; самыя высшія лица говорятъ какъ мѣща-«не, самыя изящныя женщины — какъ торговки; «и главный рыцарь повѣсти — палачь! Можете су-«дить, какъ это интересно! Героевъ романа коло-«тятъ, душатъ, давятъ, пытаютъ, и наконецъ каз-

«нятъ. Грунтомъ карттины служитъ Варѳоломеевская «Ночь. По этому кровавому грунту, размашистою «кистью, изображены сцены пьяныхъ завтраковъ, «волокитства, тайныхъ свиданій, харчевень, и проч.» Характеристика должна быть вѣрна, потому-что и самъ издатель Отечественныхъ Записокъ, упоминая объ этомъ романѣ, говоритъ чистосердечно, хотя и не безъ приличной ему скромности: «*Романъ былъ «читанъ съ какою-то лихорадочною жадностью* (Т. «43, Отд. VI, стран. 29).»

14. *Оцѣпенѣвшій любовникъ*. Романъ *К. Поль-де-Кока* (L'amoureux transi). Четыре части. Въ 12; 166, 188, 202 и 176 стран. Моск.

Переводъ въ родѣ двухъ предыдущихъ.

15. *Мечта любви*, фантастическая повѣсть *Графини д'Ашъ*. Переводъ съ Французскаго, *А. Волкова 1-го*. Въ 8; 11 стран. Моск.

Смотр. № 14.

16. *Вѣчный Жидъ*. Пародія. Съ 250 рисунками.

Пародія на сочиненіе, которое и само родъ пародіи на человѣчество; а переводъ пародіи — дѣйствительная пародія на Русскій языкъ.

17. *Отелло, Венеціанскій Мавръ*. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. *Шекспира*. Перевелъ съ Англійскаго *В. Лазаревскій*. Въ 12; 201 стран. Спб.

Трудно перевести равносильно и обыкновенное стихотвореніе. Мысль, ея форма и краски разрушаются на другомъ языкѣ. Если же, при большомъ усиліи, и удается переводчику перенести ихъ, то исчезаетъ блескъ жизни — величайшее совершен-

ство въ каждомъ произведеніи изящнаго искуства. Какимъ же надобно обладать талантомъ, чтобъ достойнымъ образомъ усвоить другому языку твореніе Шекспира, у котораго нѣтъ сцены, нѣтъ монолога, нѣтъ слова безъ прелести жизни со всѣмъ ея движеніемъ и игрою! Новый переводъ Отелло представляетъ какъ бы словесный расказъ мимическаго и вмѣстѣ музыкальнаго изображенія страстей. Можно все понять, упомнить и даже представить; но какъ вы почувствуете въ сердцѣ то, чѣмъ оно волнуется отъ дѣйствительной поэзіи Шекспира?

18. *Начальныя основанія алгебры,* сочиненіе *Мейера и Шоке.* Перевелъ съ Французскаго *Францъ Симашко.* Въ 8; 471 стран. Спб.

Въ числѣ учебныхъ книгъ, употребляемыхъ для преподаванія алгебры, переведенный нынѣ курсъ должно признать очень замѣчательнымъ: онъ соединяетъ въ себѣ полноту съ ясностію и особенной простотой изложенія науки.

19. *Хозяинъ себѣ на умѣ, опытный экономъ и скопидомъ*, или 260 секретовъ изъ домашней экономіи, съ указаніемъ самому приготовлять все необходимое въ домашнемъ быту. Съ четвертаго Нѣмецкаго изданія. Въ 18; 108 стран. Спб.

Ежели на Нѣмецкомъ языкѣ четыре раза перепечатывали эту книжку, можетъ быть, ея секреты и важны для Германіи: у насъ едва ли и первое ея изданіе найдетъ до себя охотниковъ.

20. *Истребленіе сорныхъ травъ.* Сочиненіе *Ф. В.*

Франке. Съ Нѣмецкаго перевелъ *Александръ Тиренъ.* Въ 8; 24 стран. Спб.

Новое приложеніе Нѣмецкаго хозяйства къ Русскому быту. Какъ имъ сойтися? Одно мелко и сжато; другой размашистъ и несговорчивъ. Надобно и совѣты готовить по характеру.

21. *Руководство къ устроенію и содержанію теплицъ, оранжерей, парниковъ и садовъ,* сочиненіе *Нейманна.* Переводъ съ Французскаго. Со многими планами, фасадами и чертежами. Въ 16; 84 стр. Спб.

По этому переводу нельзя и понятія составить о подлинникѣ; потому-что ботаническіе термины, незнакомые переводчику, заставили его обо всемъ говорить наобумъ.

22. *Альпака,* или Андская овца. Переводъ съ Англійскаго, изданный по распоряженію Главнаго Московскаго Общества улучшеннаго овцеводства. Въ 8; 32 стран. Моск.

Статья, особо отпечатанная изъ Журнала Овцеводовъ. Животное, называемое Альпакою, изъ Америки перевезено въ Европу и разведено въ нѣкоторыхъ государствахъ. Шерсть его, тонкая и мягкая, отличается длиннотою и упругостію. Въ переведенной брошюрѣ изложены свѣдѣнія о привозѣ Альпаки изъ Америки въ Европу, о содержаніи ея и выгодахъ, какія соединены съ ея разведеніемъ. Для овцеводовъ это любопытная статья.

II.

23. *Романы Вальтера Скотта.* Томъ *третій.* Антикварій. Въ 8; VIII и 414 стран. Спб.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

13. *Спасенная Ниневія пророчествомъ Іоны.* Поэма въ четырехъ пѣсняхъ. Сочиненіе *Өедота Кузмичева.* Изданіе *третье.* Въ 12; 71 стран. Моск.

14. *Атласъ географическій, историческій и хронологическій Россійскаго государства,* составленный на основаніи Исторіи Н. М. Карамзина *И. Ахматовымъ.* Состоящій изъ 71 раскрашенной карты, въ большой листъ. *Новое* изданіе, тщательно пересмотрѣнное, съ присовокупленіемъ объяснительнаго реэстра содержанія каждой карты, заключающаго въ себѣ краткій историческій очеркъ Россіи, хронологію Русскихъ Государей, главнѣйшія историческія происшествія каждаго царствованія, и наконецъ родословную таблицу царствовавшихъ въ Россіи Домовъ отъ Рюрика до нашихъ временъ. Издалъ *И. Эйнерлингъ.* Спб.

15. *Домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ Санктпетербургѣ, съ Николаевскою и Александровскою школами.* Расказъ *Е. А—на.* Изданіе *второе.* Въ 8; 70 стран. Спб.

16. *Умозрительныя и опытныя основанія Словесности* въ IV частяхъ. Соч. *А. Глаголева.* Изда-

ніе *второе*. Въ 8; VIII и 22, 97, 67 и 96 стран. Спб.

17. *Частная Реторика, Н. Кошанскаго.* Изданіе *шестое*. Въ 8; 141 и IX стран. Спб.

18. *Азбука для малолѣтныхъ дѣтей. Новое* изданіе. Въ 8; Спб.

19. *Краткая всеобщая Географія*, принятая для руководства въ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа. Соч. *Штейна*. Переведена съ Нѣмецкаго 19-го изданія и исправлена по новѣйшимъ извѣстіямъ *Ѳ. Соколовымъ*. Изданіе *четвертое*. Въ 8; 236 стран. Моск.

20. *Руководство къ познанію Древней Исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній.* Сочиненное *С. Смарагдовымъ*. Изданіе *4-ое*, исправленное. Въ 8; 409 и XII стран. Спб.

21. *Грошевый мертвецъ*, или испуганные разбойники. Новѣйшая сказка. Соч. *Ник. Базилевича*. Изданіе *третье*. Въ 12; 17 стран. Моск.

22. *Собраніе Русскихъ пѣсенъ. Ѳ. Исаева.* Изданіе *четвертое*. Въ 16; 233 стран. Моск.

23. *Козелъ-бунтовщикъ*, или Машина свадьба. Новѣйшая повѣсть. Соч. *Ник. Базилевича*. Изданіе *3-іе*. Въ 12; 36 стран. Моск.

II.

24. *Изображеніе характера и содержанія Новой Исторіи*. Книга первая. Изображеніе характера и содержанія Исторіи первыхъ десяти вѣковъ по

паденіи Западной Римской Имперіи (Исторія *Среднихъ* вѣковъ), *Ивана Шульгина*. Изданіе *3-іе*, исправленное и умноженное. Въ 8; 256 стран. Спб.

25. *Изображеніе характера и содержанія Новой Исторіи*. Книга вторая. Исторія *трехъ послѣднихъ вѣковъ*. *Ивана Шульгина*. Изданіе *четвертое*, исправленное и умноженное. Въ 8; 141 стран. Спб.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА *.

1. *Журналъ Исторической Науки,* издаваемый Д. Адольфомъ Шмитомъ, съ содѣйствіемъ Гг. Ав. Бэка, Я. и В. Гриммовъ, Г. Перца и Л. Ранке. 3 тома. Берлинъ. 1844 и 1845 (Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Unter Mitwirkung der Herrn A. Boeckh, J. und W. Grimm, G. H. Pertz und L. Ranke herausgegeben von Dr. W. Adolf Schmidt).

Если осьмнадцатый вѣкъ, по характеристическому направленію умовъ, получилъ названіе *философскаго*, то, наблюдая ходъ просвѣщенія, нашъ вѣкъ, по всеобщей любви къ историчесчимъ наукамъ, можно назвать *историческимъ*. Имена великихъ современныхъ историковъ и созданіе новой науки — Философіи Исторіи, вотъ права его на этотъ титулъ. Исторія, основанная нынѣ на критикѣ и философіи, никогда не достигала той высокой степени, на которой теперь находится и — ни одна наука, кромѣ тѣхъ, которыя содѣйствуютъ индустріальнымъ направленіямъ нашего времени, не изучается столь ревностно, какъ Исторія. Вездѣ видно прекрасное стремленіе учреждать историческія общества, собирать и издавать древніе историческіе памятники. Критическія изысканія проливаютъ но-

* Для полноты свѣдѣній о движеніи современной образованности и успѣховъ ума, Релакція Современника и это Отдѣленіе (распорядившись вести его постоянно) съ нынѣшняго времени вноситъ въ свой Журналъ.

вый свѣтъ на темные пункты древней и новой Исторіи; даже масса публики старается изъ Исторіи извлечь полезныя поученія. Кажется, что духъ человѣческій, боясь быстраго порыва къ истинѣ и критическаго направленія нашего времени, хочетъ удалиться на твердую почву Исторіи, чтобы тамъ познать закрытые покровомъ фактовъ, вѣчные законы и результаты своего развитія.

Между-тѣмъ (странное явленіе!) въ странѣ, гдѣ родилась и прекрасно развилась идея всеобщей Исторіи, въ Германіи, между историками нѣтъ живыхъ связей въ пользу науки. Извѣстно, что Нѣмецкіе естествоиспытатели, филологи и т. д. собираются ежегодно, въ опредѣленномъ городѣ, для совѣщаній, имѣющихъ единственную цѣль — стройное и прогрессивное развитіе науки. Эти ученые конгрессы, знакомя публику съ современнымъ развитіемъ науки, безконечно содѣйствуютъ общей ученой дѣятельности и оживленію личнаго участія. До сихъ поръ историки не имѣютъ подобныхъ ученыхъ собраній, и хотя въ разныхъ городахъ Германіи предлагали учредить ихъ, но этотъ планъ не приведенъ въ исполненіе. Гдѣ же должно искать причинъ этаго явленія?

Этѣ причины многоразличны. Современная намъ эпоха волнуется разнородными религіозными, политическими и соціальными интересами; теорія и практика, системы и даже философскія идеи находятся въ рѣшительной борьбѣ; враждующія партіи, часто съ весьма-односторонними убѣжденіями, стремятся

каждая къ владычеству надъ другими. Нерѣдко партіи употребляютъ Исторію для прикрытія своекорыстныхъ цѣлей и представляютъ цѣлые вѣка въ совершенно-ложномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ Католическія и Протестантскія убѣжденія нашли въ Исторіи широкую арену для своихъ частныхъ цѣлей; борьба противоположныхъ политическихъ воззрѣній, теперь появившаяся въ Германіи, ожила въ области Исторіи, потому-что наука о государствѣ, пребывая тамъ въ одной сферѣ теоріи, не возбуждаетъ особаго интереса.

Вотъ всякому съ перваго взгляда понятныя причины, почему историки въ Германіи не составляютъ одно ученое цѣлое. Но есть еще другія причины, разъединяющія усилія людей, посвятившихъ всю жизнь наукѣ. Онѣ скрываются большею частію въ обработкѣ Исторіи, т. е. въ различномъ воззрѣніи на художественную ея сторону. Съ давнихъ поръ существуетъ вездѣ распространенное мнѣніе, что есть два рода Исторіи, и оно ежедневно подтверждается безконечнымъ множествомъ примѣровъ. Съ одной стороны (говоримъ обо всей массѣ ежегодно выходящихъ историческихъ сочиненій) появляются Исторіи, написанныя учено, но сухо; съ другой — написанныя поверхностно, но которыя читаются съ чрезвычайною легкостью и пріятностью. Въ концѣ прошедшаго столѣтія даже ученые люди вѣрили, что такая противоположность въ художественномъ обработываніи Исторіи дѣйствительно существуетъ. Думали, что нельзя писать Исторію основательно и

вмѣстѣ пріятно. Тогдашніе историки старались пріобрѣсти преимущественно славу легкихъ и пріятныхъ повѣствователей. Они ввели въ моду опускать цитаты и примѣчанія, которыя, по ихъ мнѣнію, составляютъ необходимую принадлежность однихъ ученыхъ и сухихъ сочиненій. Это убѣжденіе, быстро распространившееся въ публикѣ, имѣло вредныя послѣдствія: оно породило множество бездушныхъ, сухихъ, бѣдныхъ содержаніемъ историческихъ сочиненій. Наконецъ нѣкоторые даровитые, самобытно мыслящіе историки нашего вѣка возвысились надъ этимъ критеріумомъ. Пора было устранить этотъ предразсудокъ. Нынѣ образованные люди не сомнѣваются болѣе, что нѣтъ необходимой противоположности между основательнымъ, даже ученымъ и художественнымъ обработываніемъ Исторіи: оба необходимые элементы истинной исторіографіи.

Историки также различаются тѣмъ, что одни въ Исторіи видятъ дѣйствительно науку, другіе такое знаніе, которое даетъ имъ въ руки разныя средства для частныхъ цѣлей. По-этому одни читаютъ источники и такъ дѣйствуютъ историческимъ матерьяломъ, что достигаютъ извѣстныхъ нравственныхъ и эстетическихъ результатовъ, или развиваютъ изъ него разныя политическія и религіозныя идеи; напротивъ другіе — истинные историки — смотрятъ на историческій фактъ, какъ на фактъ, самъ по себѣ свершившійся; изыскиваютъ, какимъ образомъ расказъ объ этомъ происшествіи принялъ извѣстную, до насъ дошедшую форму; имѣемъ ли мы право его переда-

вать въ этомъ видѣ. Изслѣдовавъ часто весьма трудное и неуловимое для критики отношеніе факта къ расказу, къ тому, что о немъ повѣствуютъ, историкъ доходитъ до высшаго вопроса: что вообще изъ истиннаго содержанія факта перешло въ расказъ, не только подъ извѣстными данными обстоятельствами, но абсолютно, и, слѣдовательно, что истинно, хотя для него нѣтъ письменныхъ доказательствъ? Это требованіе можетъ съ перваго взгляда показаться тривьяльнымъ, удовлетворить ему — бездѣлицею, и каждый авторъ любой исторической компиляціи думаетъ, что эта способность дана ему природою. Напротивъ множество сочиненій доказываетъ, что только немногіе ею обладаютъ. Этотъ процессъ, соединяемый съ строгостью и справедливостью, произноситъ окончательный приговоръ историческому матерьялу: онъ устраняетъ все внѣшнее, постороннее; изъ хаотической массы фактовъ онъ извлекаетъ только внутреннее содержаніе, тѣ духовныя истины, которыя сочувствуются потомствомъ. Онъ долженъ предшествовать истинной исторіографіи, хотя результаты его, принимая различныя формы, бываютъ болѣе или менѣе видны. Изученію Исторіи даетъ онъ характеръ науки и, слѣдовательно, единство. По-этому онъ необходимо существуетъ въ истинной Исторіи при самой разнообразной художественной формѣ, которая имѣетъ, какъ и въ искуствѣ, безконечную сферу. Таково отношеніе исторической критики къ художественному элементу въ Исторіи.

Разъединенію трудовъ также много способствовала невозможность обозрѣть всю историческую науку. Это затрудненіе разрушило связь, существующую между вспомогательными науками Исторіи. Должно также вспомнить, что нѣкоторыя части всеобщей Исторіи давно уже перешли въ область другихъ наукъ. Такимъ образомъ филологи утверждаютъ, что древняя Исторія есть исключительная ихъ собственность, что отчасти и справедливо. Самъ Нибуръ, которому столько обязана древняя Исторія, съ гордостью называлъ себя филологомъ. Слава великихъ филологовъ Италіи и Нидерландовъ была идеаломъ его дѣятельности. Прочіе знаменитые наши современники, оказавшіе подобныя услуги древней Исторіи, тоже принадлежатъ классу филологовъ.

Исторія среднихъ вѣковъ родилась только въ концѣ прошедшаго столѣтія. До конца XVIII стол. знали одну древнюю Исторію: герои ея были образцами великихъ людей. Вико не зналъ средней Исторіи; Боссюэтъ окончилъ свой Discours sur l'histore universelle Карломъ Великимъ, замыкавшимъ, по его мнѣнію, древній міръ. Говорить о послѣдующихъ вѣкахъ считалось неприличнымъ, потому-что историкъ, который обязанъ заниматься прошедшимъ, здѣсь касался современныхъ вопросовъ. Не знали, что политика есть цвѣтъ Исторіи. И-такъ только съ начала нынѣшняго столѣтія стали заниматься собственно среднею Исторіей; долгое время изучали ее для однѣхъ юридическихъ и богословскихъ цѣлей. Не только огромныя собранія источ-

никовъ Исторіи среднихъ вѣковъ изданы трудами разныхъ юристовъ или духовныхъ конгрегацій, но и замѣчательнѣйшія историческія сочиненія, появившіяся у разныхъ народовъ до конца прошедшаго столѣтія, принадлежатъ юристамъ, или богословамъ. Даже въ наше время занимаются они преимущественно этою частью всеобщей Исторіи. Великій переворотъ, совершившійся въ концѣ прошедшаго столѣтія въ западной Европѣ, оторвалъ ее окончательно отъ среднихъ вѣковъ. Онъ указалъ на всемірно-историческое значеніе этаго періода; онъ потребовалъ, чтобы его поняли какъ единое цѣлое. Исторія среднихъ вѣковъ должна была принять характеръ науки. Сперва надлежало посвятить всѣ силы изученію языка, обычаевъ и юридическаго образа жизни; издать въ достойномъ видѣ письменные памятники — и вотъ образовалась Средневѣковая Филологія, новая, бо̀льшей части историковъ недоступная наука, но находящаяся въ тѣсной связи съ Исторіею. Образовалась новая литература — литература Средневѣ́ковой Филологіи, сдѣлавшейся наукою почти исключительно національною и, слѣдовательно, новымъ препятствіемъ совокупному дѣйствію историковъ. Провинціальная и мѣстная исторіографія, едва ли обозримая, извѣстна только немногимъ историкамъ, занимающимся спеціальною Исторіею, потому-что ни одна библіотека Германіи, Франціи, Англіи и Италіи не имѣетъ полнаго собранія всѣхъ монографій и трудовъ спеціальныхъ историческихъ обществъ.

Наконецъ въ новой Исторіи всего ярче высказывается противоположность теологическихъ и политическихъ убѣжденій. Диллетантизмъ всякаго рода, даже военный и дипломатическій (вспомните безчисленныя Исторіи разныхъ конгрессовъ, походовъ Наполеона и т. д.) и литературныя спекуляціи овладѣли ею, хотя матерьялы, изъ которыхъ можетъ быть создано твердое и стройное зданіе новой Исторіи, скрываются еще большею частію въ архивахъ. Правда, нѣкоторыя части новой Исторіи могутъ быть предметомъ науки, но для цѣлаго надлежитъ еще многое сдѣлать.

Это разъединеніе въ Исторической Наукѣ, происшедшее, какъ мы видѣли, отъ различія убѣжденій и частаго отсутствія наукообразнаго метода, отъ многообъемлемости историческего матерьяла и посягательства другихъ наукъ на завѣдываніе нѣкоторыми ея частями, указываетъ намъ, съ одной стороны, какъ трудно создать одинъ общій органъ для всѣхъ этихъ разнородныхъ направленій, съ другой, какъ необходимо и желательно появленіе подобнаго посредника. Необходимо возбудить и поддержать сознаніе о первоначальномъ единствѣ этой науки во всѣхъ тѣхъ, которые предаются одностороннимъ крайностямъ; безпрерывно указывать на тѣ точки, гдѣ другія науки соприкасаются съ Исторіей; переходить отъ односторонней, часто весьма ограниченной точки зрѣнія въ Исторіи ко всемірноисторической; вносить въ списки ея сокровищъ всѣ пріобрѣтенія этой науки, не обращая вниманія ни на

мѣсто появленія, ни на форму сочиненія. Однако строгая и на твердыхъ правилахъ основанная критика должна отвергать всѣ историческія произведенія, которыя не обогащаютъ науки, но увеличиваютъ одни книгопродавческіе каталоги.

Этѣ мысли объ изученіи и современномъ состояніи Исторіи въ Германіи внушены были намъ появленіемъ новаго, издаваемаго въ Берлинѣ Экстраординарнымъ Профессоромъ Исторіи въ Берлинскомъ Университетѣ, Д. Ад. Шмитомъ, историческаго журнала, котораго полное заглавіе выписано въ началѣ этой статьи. Въ основаніи его лежитъ та универсальная идея Исторіи, о которой намекали мы выше—и предисловіе издателя прекрасно высказываетъ его ученый и благородный образъ мыслей. Онъ хочетъ, чтобы его предпріятіе было обще-Германскимъ, и по-этому оно не будетъ орудіемъ какой-либо ученой, или политической партіи. Но это условіе не исключаетъ совершенно политики: издатель обѣщаетъ ученыя изслѣдованія о современныхъ вопросахъ и происшествіяхъ, не допуская однако въ свой журналъ голосовъ партій, обнаруживающихъ своими крайностями, что наука служитъ имъ только произвольнымъ средствомъ, не цѣлію изысканій. Въ дѣлѣ критики журналъ будетъ строго преслѣдовать вредный диллетантизмъ и духъ фабрикаціи, о которомъ мы говорили выше. Преимущественно будетъ обращено вниманіе на ясное изображеніе той точки зрѣнія, на которой остановилась теперь Историческая Наука во всѣхъ своихъ вѣтвяхъ. По-этому

въ журналѣ будутъ появляться, не говоря о специальныхъ критическихъ статьяхъ, литературные обзоры разныхъ вѣтвей Исторіи. Наконецъ оригинальныя статьи и неизданные памятники увеличатъ историческій матерьялъ и подадутъ поводъ къ новымъ изслѣдованіямъ.

Историческія упражненія подъ руководствомъ Профессора Ранке, въ которыхъ участвовалъ издатель этаго журнала съ нѣкоторыми товарищами во время пребыванія студентомъ въ Берлинскомъ Университетѣ, внушили ему мысль издавать нынѣ появляющійся журналъ. Многіе историческіе труды, на прим. изысканія объ Нѣмецкихъ императорахъ Саксонскаго дома, вышли изъ школы Ранке, и, слѣдовательно, можно подумать, что Журналъ Исторической науки будетъ представителемъ того извѣстнаго начала въ критикѣ и обработкѣ Исторіи, которое создалъ Ранке. Но, говоритъ издатель, это начало не будетъ исключать всѣ прочія; по-этому и критика не будетъ принадлежать представителямъ одной школы. Знакомые съ литературною жизнію Ранке знаютъ, что онъ никогда не старался образовать литературныхъ партій, или пріобрѣсть вліяніе на извѣстные органы литературы. Онъ высоко почитаетъ свободу и индивидуальность во всѣхъ лицахъ, которыя присоединились къ нему, привлеченныя его ученымъ методомъ. Въ ученикахъ ему важны умственныя способности, не единомысліе. Самое заглавіе новаго Журнала устраняетъ подобное подозрѣніе и указываетъ, что издатель имѣлъ въ

виду одни общіе интересы науки. Покровители и сотрудники Журнала Исторической Науки суть корифеи древней и Средневѣковой Филологіи — Августъ Бёкъ, Перцъ, Ранке и братья Гриммы. Но благородное рвеніе издателя, нынѣ столь прекрасно оправдавшееся, прекрасно выразилось уже при самомъ началѣ предпріятія въ предисловіи. «Воображеніе мое создало», говоритъ онъ, «идеалъ того, чѣмъ этотъ Журналъ можетъ и долженъ быть. Не пожалѣю ни времени, ни трудовъ, чтобы достичь его, но не знаю, на сколько приближусь къ нему, потому-что въ дѣлѣ, гдѣ нужно вообще содѣйствіе, одинъ человѣкъ не можетъ ручаться за всѣхъ. Поэтому не хочу обольщать читателей увлекательными обѣщаніями. Обманывать другихъ мнѣ столь же непріятно, какъ и самаго себя, а стараться достичь идеала полезнаго предпріятія достохвальнѣе, нежели занимать свѣтъ пустыми обѣщаніями.»

Историческій Журналъ, столь превосходно издаваемый, безъ сомнѣнія долженъ удовлетворить потребностямъ Германіи и имѣть важное значеніе для современной науки. Всякой безпристрастный критикъ, понимающій всю трудность подобнаго предпріятія, долженъ принести издателю полную и искреннюю благодарность за многочисленныя превосходныя статьи, которыя обнимаютъ почти всѣ отрасли Исторической Науки.

Журналъ Исторической Науки можетъ послужить, безъ сомнѣнія только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, полезнымъ примѣромъ подобному же пред-

пріятію въ Россіи. Но у насъ другія потребности, слѣдовательно и выполненіе должно быть иное.

2. *Ордонанціи Французскихъ Королей третьей династіи*, собранныя въ хронологическомъ порядкѣ. Томъ 1—20. 1723—1840. Томъ 21. 1845. Въ-листъ. Парижъ (Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique).

Необыкновенно важны услуги, которыя покровительство просвѣщеннаго Французскаго правительства оказываетъ наукѣ. Сколько отличныхъ ученыхъ сочиненій остались бы ненапечатанными, или неоконченными, сколько важныхъ открытій неизслѣдованными, сколько талантовъ погибло бы въ неизвѣстности, если бы правительство не издерживало большихъ суммъ для поощренія наукъ. Но между всѣми учеными предпріятіями, которыя своимъ происхожденіемъ и успѣшнымъ изданіемъ обязаны вспомоществованіямъ правительства, историческіе сборники отличаются какъ по объему, такъ и по значенію. Гизо, будучи министромъ просвѣщенія, преимущественно заботился объ изданіи новыхъ сборниковъ, или о продолженіи начатыхъ, и заслужилъ себѣ тѣмъ прекрасное имя въ исторіи современнаго просвѣщенія. Упомянемъ здѣсь о чрезвычайно важныхъ Notices et extraits des manuscrits, въ которыхъ собраны богатые историческіе матерьялы, Diplomes — издаваемыхъ извѣстнымъ Пардессю, и о превосходномъ собраніи неизданныхъ памятниковъ Французской Исторіи — Collection de documents inédits fur l' histoire de France. Сборникъ, котораго

заглавіе выписано выше, по значенію и важности для изученія Французской Исторіи изъ источниковъ, принадлежитъ къ самымъ великимъ предпріятіямъ. Это собраніе ордонанцій Французскихъ Королей третьей династіи нынѣ доведено, при особомъ поощреніи настоящаго правительства, до двадцать-втораго тома. Послѣдній томъ, изъ числа напечатанныхъ, оканчивается правленіемъ Людовика XII. По первоначальному плану все изданіе должно было окончиться этимъ царствованіемъ; но къ счастію, Академія рѣшилась продолжать этотъ важный трудъ. Любопытно пробѣжать исторію этаго сборника. Задолго до его выхода, Ребюфъ, Фонтанонъ издавали подобные сборники, хотя и не въ томъ размѣрѣ. Людовикъ XIV первый подалъ мысль собрать всѣ ордонанціи третьей династіи въ одну обширную коллекцію. Дѣятельный канцлеръ Поншартренъ избралъ юристовъ Беррове, Ложе и Лорьера для обсужденія этаго предпріятія. Планъ всего творенія былъ обнародованъ въ видѣ проспекта въ 1706 г.; однако первый томъ, изданный вышеупомянутыми учеными, появился тольпо въ 1723 г. Изданіемъ отъ 2-го до 9-го тома занимался Секуссъ. Въ правленіе Людовика XV это обширное предпріятіе поручено было ученому и дѣятельному Брекиньи, который довелъ его до 14-го тома. Потомъ оно пріостановилось, потому-что финансовая бѣдность, предшествовавшая революціи, и ужасныя политическія бури того времени не благопріятствовали подобному предпріятію. Когда Наполеонъ преобразовалъ Институтъ, то спо-

ва приступили къ нему. Пасторе издалъ отъ 15 до 18 тома. Послѣ этаго Пардессю, извѣстный критическій собиратель, посвятилъ свою дѣятельность и трудолюбіе этому предпріятію и довелъ до 21 тома включительно. Нынѣ Академія, желая продолжать это твореніе, вознамѣрилась также присоединить въ дополнительныхъ томахъ тѣ акты, которые, по разнымъ причинамъ, были исключены прежними издателями. Такимъ образомъ ученый міръ получитъ твореніе, которое составитъ совершенное цѣлое.

С Нѣм. К. Герцъ.

ИДИЛЛІИ *.

1.

ОПАХИВАНІЕ.

Докапалъ дождь. Повѣялъ вѣтерокъ,
И облака бѣлѣя побѣжали —
Такъ, распустивъ сѣдые паруса,
По прихоти могучаго теченья
Идутъ суда. По липовой алеѣ,
Съ листа на листъ и наконецъ въ траву,
Западала скопившаяся влага,
А между-тѣмъ, какъ матовый фонарь,
Изъ-за полупролитыхъ облаковъ
Блеститъ луна туманножелтымъ свѣтомъ,
И какъ, струхнувъ, по всякимъ направленьямъ
Ударятся, толкаясь, муравьи,
Такъ по небу разсыпалися звѣзды,
Малюточки, въ сверкающихъ вѣнцахъ.
Но что за звукъ? Не рѣзкій трескъ плотины,
Не далеко отогнанные громы.
И это что жъ? Въ распущенныхъ рубашкахъ
И растрепавъ свалявшіяся косы,
Ватага бабъ и полногрудыхъ дѣвокъ
Проносится, о мучимыхъ духахъ
Мечтательной душѣ напоминая.

* Помѣщая здѣсь эти стихотворенія, мы желаемъ обратить вниманіе читателей на совершенно-новый родъ поэзіи въ Русской Литературѣ. Редакц.

Я угадалъ: опахиваютъ землю
Отъ падежа. И стало любопытно...
Но я слыхалъ, что при такомъ обрядѣ
Запрещено присутствовать мущинѣ,
И что того приказа нарушитель
За удальство расплачивался кровью;
А потому, гдѣ надобно, ползкомъ
Я добрался до тлѣющей часовни,
Поставленной у полевой дороги
За гумнами, откуда невидимкой
Увидѣлъ все.
Какъ старая гусыня
Передъ своимъ гогочущимъ потомствомъ,
Какъ коноводъ, потряхивая гривой,
Вдыхая вѣтръ раздутыми ноздрями,
Предъ табуномъ — такъ въ головѣ толпы,
Лѣтъ въ семдесятъ, съ трясучей головой
И не совсѣмъ глядящими глазами,
Десятскаго разумная жена
И, вслѣдъ за ней, четверка здоровенныхъ
Везли соху — и правившая ими
То странныя заклятья произноситъ,
Въ которыхъ Дидъ и пѣсенный Дунай
Мѣшаются съ обычными словами,
То взвоетъ такъ, какъ жадная волчиха
Передъ окномъ уснувшихъ лѣсниковъ,
И палицу и сошники пускаетъ
Исправнѣе, чѣмъ барщину справляя.
А тамъ уже безъ всякаго порядка,
Кто, какъ и съ чѣмъ: какая-то дѣвчонка
Съ дубьемъ въ рукѣ, на кочергѣ верхомъ;
Съ румяными ланитами солдатка,

Жившая когда-то въ Петербургѣ
Въ-работницахъ у Нѣмца-столяра,
Съ приличною улыбкою невѣрья
А также шла; да шла еще старуха,
Сбиравшая съ замѣченнымъ усильемъ
Отъ холода танцующіе зубы,
И прочія. И это ополченье,
Исторгнувшись изъ сдвинутыхъ воротъ,
Какъ дергачи изъ мягкаго пырея
Увидѣвши пріученнаго пса,
Спустившися въ пологую лощину,
Какъ съ гласиса въ бастьонную канаву,
Взошло въ кусты — и только замелькали
Или рука съ дыравымъ рукавомъ,
Или луной сребримыя сѣдины,
Да слышались различныя звучанья,
Подобныя гуденію пчелы,
Хлопочущей въ замазаномъ ульѣ,
И наконецъ, минуя огуменникъ,
Пришло къ избамъ. Тогда — заткните уши!
Ни преданный на разграбленье городъ,
Ни ярый ревъ сраженнаго вола,
Ни дикій крикъ безжалостнаго Минго
Не могутъ дать малѣйшаго понятья
О слышанномъ. О палку палка бьется;
Въ сухой заборъ впиваются каменья;
Стучатъ въ окно, стучатъ въ углы строеній:
«Ты выходи — мы выгонимъ тебя,
«Лихая смерть!» И это рьянымъ воплемъ.
И выгнали ль? я этаго не знаю;
Но разошлись, оставивши сохой
Замѣтный слѣдъ вокругъ всего селенья.

Заутра же — когда изъ-за дубравы,
По гребню горъ разлившися потокомъ,
Покажется небесная пурпура,
И къ деревамъ и наклоненнымъ травамъ
Воротятся различные цвѣта,
Какъ будто бы, при чудномъ исцѣленьи,
Здоровія плѣнительныя краски —
Опять пойдутъ съ серпами поселянки
И будутъ жать, не жалуясь на жаръ
И слушая приказы и угрозы
Съ смиреніемъ. Но точно такъ же мы,
При ходѣ дѣлъ обычной колеей,
Умѣренны, прекрасно разсуждаемъ
И ласковы. Но только-что печаль,
Или недугъ ворвется въ наши груди —
Обычное приличье позабыто,
Суровостью замѣнено участье
И слухъ отверзтъ ничтожнымъ предразсудкамъ.

8 Августа, 1845.

2.

НОЧНОЕ.

Ночь. Два крестьянскихъ мальчика стерегутъ лошадей. Костеръ.

Иванъ. Э, малый!

Петръ. Ась!

Иванъ. Что это забѣлѣлось,

Какъ будто столбъ Алешинской межи?

Петръ. Батракъ.

Иванъ. Вишь ты!

П. Да чей же?... Агаѳоновъ.

Иванъ. Ну, да.

Петръ. И то... Куда ты, Чукулай?
Николай, приближаясь.
Стерегъ кобылъ, да посчиталъ свѣтмошекъ,
Да не сочтешь, такъ бросилъ и побрелъ.
Иванъ. Садися къ намъ.
Петръ. Да вотъ тебѣ стручковъ.
Николай. А хлѣбушка? Такъ хлѣбушка-то нѣтъ?
Петръ. Аль отощалъ?
Иванъ. А вотъ тебѣ горбушка,
Послѣдочекъ.
Николай. Спасибо и на томъ.
Иванъ. Да что жъ ты такъ?
Николай. Такое ужъ житье!
Какъ баринъ былъ — такъ только было рѣчи,
Что онъ-де крутъ.
Иванъ. Бывалъ ты въ передѣлѣ?
Ник. Еще бы нѣтъ! Мнѣ какъ-то приключилось
Стеречь телятъ. Какъ коршунъ налетѣлъ:
«Да *я* тебя, какъ Сидорову козу...»
А *я* ему: на то ужъ ваша воля.
«Ахъ, ты щенокъ! ты тоже огрызаться»!
Я помолчалъ. «Да что же ты молчишь?
«Аль сердишься»?... Такъ жилки задрожали.
Я чубурахъ, а онъ началъ валять.
Ив. И впрямъ сердитъ. Бывало, какъ завидишь
Въ рукѣ ружье, саженные усы —
Идетъ-себѣ, покуривая трубку —
Такъ и бѣжишь, хоть и совсѣмъ чужой.
Ник. Да вотъ-те на! Пошелъ тягаться въ городъ,
Съ Алешинскимъ, о Зайцевскомъ лужкѣ;
Туда, сюда... вози овесъ да деньги —
И прогорѣлъ.

Иванъ. Да просто бы къ присягѣ.
Ник. Да что ты врешь — и попъ не приведетъ:
То ты, то онъ.
Иванъ. Да подерися мы —
Къ провалищу!
Ник. А что же тамъ у васъ?
Ив. Ты не слыхалъ?
Ник. Синѣется-бывало —
Кругомъ кусты — а что ужъ тамъ, не знаю.
Ив. Скажи, Петрей: онъ лучше разберетъ.
Пет. Вотъ былъ мужикъ, да былъ еще другой —
Подъ ладъ паи. А Воскресенскій Прошка
И припаши. Всего-то два пробора.
Пошло на споръ. Моя земля — и все.
Анъ нѣтъ — моя. Чтобъ тутъ же провалиться,
Коль припахалъ — и тутъ же провалился
Съ саврасою, съ сохою и со всѣмъ —
И ямушку позалило водою,
И пѣту дна — и старики слыхали,
Что что-то тамъ ропочетъ подъ землей.
Ник. Э, Ванька, э! смотри-ка: половая
Къ Ильинскому оврагу отошла.
Ив. бѣжитъ за половою. У, у, куда!
Ник. А скоро ли на землю?
Пет. А какъ сказать! Какъ разопьемъ невѣсту,
Такъ и тягло.
Ник. А хочется тебѣ?
Пет. Да какъ велятъ. У деверя дѣвчонка.
Въ одномъ дворѣ. Я въ заговѣнъ, бывало,
Ее съ собой въ салазки посажу,
Ее прижму — да и съ горы скользнемъ,
Какъ съ печки дьякъ. Она себѣ-хохочетъ,

И мнѣ смѣшно. На ней-то бы пожалуй.
Ник. Она родня — ее въ чужiе люди.
Пет. Когда нельзя... а жалко разойтись.
Ив. возвращ. съ дровами. Пошла брыкать. Да я ее пугнулъ.
А вотъ дровецъ.
Ник. А намъ и дровъ-то мало!
Наѣхали — какой-то засѣдатель
Да писаря́. Да и вали въ хоромы.
Опека, слышь. Ну, право, жалко стало,
Какъ почали погуливать въ саду,
Да стаскивать господское добро.
Иванъ. Что жъ староста?
Ник. Да и ему досталось!
Посмотрятъ что ль? А нашему-то брату —
На барщину, да подати въ казну!
А къ бабамъ-то... Особенно же писарь,
Такой мастакъ! Ужъ тутъ-то и Данило —
Онъ осерчалъ за то, что старый баринъ
Его свинью собакой притравилъ —
Покряхтывалъ и говорилъ на сходкѣ:
«Хоть нехорошъ, да можно было жить;
«Оно побьетъ, оно и пожалѣетъ;
«Подумаетъ — сегодня оберу,
«Такъ завтра что? А этимъ куроцапамъ
«Чего беречь? не надолго мы ихъ!»
Ив. Аль дровъ еще? Смотри-ка, что-то гаснетъ.
Пет. Такъ погаси. Довольно засвѣтлѣло
И запищалъ взлетѣвшiй рыболовъ.
Ник. И мнѣ пора. Прощайте, молодцы!
Ив. Ступай, ступай!
Петръ. А мы коней погонимъ.
Ив. И впрямъ — пора. Вѣдь староста сердитъ,

И барину не скажетъ — а облупитъ.

Петръ. А ну, скажи!

Ив. А тотъ не станетъ слушать —

Куда скучливъ!

Пет. Каковъ бы тутъ ни есть —

Да все же есть — и ужъ никто не скажетъ:

«Да что про васъ — и барина-то нѣтъ!»

9 Августа, 1845.

3.

РЫБАКИ.

Изъ-за горы, застроенной деревней
Въ подобіе синѣющихъ зубцовъ,
Какъ нѣкій царь въ торжественную гридню
Пурпурою одѣянное солнце
Явилося. Все принялось за дѣло.
На матѣ горъ, бѣлѣя, забродили
Стада овецъ. По стоптанному пару
Пошла соха медлительно и важно.
Изъ кустиковъ, назадъ откинувъ шею
И подобравъ сѣдѣющія ноги,
Приподнялась хохольчатая цапля,
И, замахавъ тяжелыми крылами,
Направилась къ чешуйчатой рѣкѣ,
Которая то прямо пролегала,
Какъ будто бы дорога столбовая,
То лентою вилася по лугамъ,
Украшеннымъ различными цвѣтами
И травами, колеблемыми вѣтромъ.
А тамъ уже какая-то гурьба —

Ее узнать по платью и движеньямъ
Немудрено: прикащикъ, два лакея,
Садовникъ, ткачь, безтягольныхъ десятокъ,
Да лодочникъ. И подлѣ двѣ телеги
Съ боченками, плетенымъ кузовкомъ
И неводомъ.

Но вдругъ изъ-за холма,
Съ нагайкою, въ растегнутой венгеркѣ,
На пѣною замыленномъ Донцѣ
Стремительно выскакиваетъ баринъ —
Что разглядѣвъ, догадливый садовникъ
Проговорилъ: «эхма его несетъ!
Вѣдь онъ на насъ! да врешь — не переѣдешь!»
А между-тѣмъ береговой тропой
Уже летѣлъ, какъ коршунъ на добычу,
Зарѣчныхъ дачь потомственный владѣлецъ —
И, прискакавъ, насупротивъ толпы
Оправился, поводья затянулъ —
И вѣрный конь какъ вкопаный стоитъ.
Баринъ. Да я васъ всѣхъ!... да что вы за народъ?
Прикащикъ. Изъ Ситни....

Баринъ. А!

Пр. Изволилъ приказать
Вамъ кланяться. Онъ проситъ позволенья
На кушанье немного половиться —
И мы же...

Бар. А! скажите господину,
Что очень радъ. Пониже омутокъ.

Договорилъ, привсталъ на стременахъ —
И улетѣлъ. Смѣются рыболовы.
«Вишь наскакалъ! Хоть барщину сбери —
«Такъ мы бъ ее...»

Вотъ, зачинивъ корчу
И прицѣпивъ просверленые камни,
Отправили съ заводною веревкой
Садовника. Ударило весло;
Встряхнулся челнъ — и, очертивъ полкруга,
Вошелъ въ тростникъ противной стороны.
Ему вослѣдъ мужикъ да камердинеръ
Пустились вплавь. Веревку потянули;
Въ рѣку вошелъ многосаженный неводъ.
Идетъ, идетъ. Испуганная щука
Наткнулася — и, хляснувъ по водѣ,
Приподнялась — и прянула въ виду
Досадою вскипѣвшихъ рыболововъ
Черезъ крыло. А лодочникъ вздрогнулъ,
Почувствовавъ, что что-то подъ водою
Сдержало сѣть. «Застрѣло, молодцы!»
«Отчаливай — раздѣнься кто-нибудь» —
И прочее. Довольно приказанiй,
А толку нѣтъ. Но вотъ выходитъ ткачь:
Кафтанъ долой; внимательно взглянулъ —
И ринулся. Дойдя до середины,
Пошелъ на дно. Широкiе круги,
Одинъ въ одномъ, какъ будто паутины,
На вспѣненныхъ струяхъ нарисовались —
И черезъ мигъ зарѣялъ поплавокъ,
И поднялась, тщеславно улыбаясь,
Съ намокшими кудрями голова.
«Вытаскивай»!... Ослабла заводная —
И босикомъ, кто помоложе былъ,
Вошли въ рѣку. Одинъ училъ другаго,
Другой спѣшилъ, а тотъ спѣша мѣшалъ.
Кричатъ. Шумятъ. И вотъ передъ глазами

Забилися подлещики, плотва,
Два судака въ три четверти аршина,
И мелкоты до вечера считай.
Но данъ приказъ. «Сажай въ ушатъ — и духомъ,
Чтобъ во-время къ кухмистеру поспѣть!»
А многое, въ особенности окунь,
Отобрано: трудившійся да ястъ!
И вотъ, слегка приподымая шапки,
Всѣ подошли къ прикащику и штофу.
Кремень съ кремнемъ какъ два врага сошлись,
На мягкій трутъ посыпалися искры —
И вскорѣ дымъ, смѣняющій отца,
Показывалъ, что кушанье готово.
Достали хлѣбъ; перекрестили лбы,
На ближнюю поглядывая церковь.
Усѣлися. Пошли тары да бары
О мѣсяцѣ, о городкѣ Москвѣ
И господахъ — и иногда хохочутъ,
Какъ никогда не захохочетъ рабъ.

Дмитрій Коптевъ.

12 Августа, 1845.

НОВОСТЬ ВАЖНАЯ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Профессоръ Санктпетербургскаго Университета, Н. Г. Устряловъ, занимающійся между-прочимъ приготовленіемъ матерьяловъ для сочиненія Исторіи Петра Великаго, съ Высочайшаго соизволенія, по ходатайству Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, лѣтомъ нынѣшняго 1845 года совершилъ поѣздку за границу, имѣвъ намѣреніе осмотрѣть важнѣйшіе изъ Архивовъ, гдѣ предположительно можно было найти оффиціальные акты въ дополненіе къ собраннымъ имъ въ Отечествѣ.

Не имѣвъ возможности, по причинѣ болѣзни, заняться разысканіями въ разныхъ мѣстахъ, онъ обратилъ все свое вниманіе на Государственный Архивъ въ Вѣнѣ, въ томъ предположеніи, что тамъ должны храниться важные, доселѣ вовсе неизвѣстные документы для поясненія мрачнаго эпизода въ Исторіи Петра — несчастной распри его съ сыномъ, который, какъ извѣстно, вздумалъ искать покровительства Цесаря отъ справедливо-раздраженнаго Отца, и въ концѣ 1716 года бѣжалъ изъ Россіи въ Вѣну. Рекомендательное письмо Его Высокопревосходительства С. С. Уварова и ходатай-

ство Графа Медема предъ Австрійскимъ Правительствомъ открыли Профессору доступъ къ самымъ секретнымъ бумагамъ Вѣнскаго Архива: все, что относится до Петра Великаго и сына его, съ разрѣшенія Князя Меттерниха, было ему предъявлено, и предположеніе его найти новыя свѣдѣнія по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича вполнѣ оправдалось. Г. Устряловъ нашелъ: a) 12 собственноручныхъ писемъ Царевича, частію на Русскомъ, частію на Нѣмецкомъ языкѣ, къ Императору, къ министрамъ его и къ другимъ лицамъ. Изъ этихъ писемъ только два были извѣстны — именно къ Сенату и къ Архіереямъ въ Россію; прочія 10, заключающія въ себѣ много любопытнаго, оставались непроницаемою тайною для самаго Петра. b) Подлинные протоколы тайной придворной Конференціи, съ собственноручными резолюціями Цесаря, по дѣлу Царевича. c) Подробныя инструкціи Императора коменданту крѣпости Эренбергъ, гдѣ сначала содержался Царевичь, и вице-королю Неаполитанскому, которому переданъ онъ былъ въ послѣдствіи. d) Донесенія вице-короля Неаполитанскаго о свиданіи и переговорахъ Царевича съ Царскими полномочными Толстымъ и Румянцовымъ. e) Многія грамоты и собственноручныя письма Петра Великаго къ Цесарю по дѣлу сына Его. f) Двѣ подробныя историческія записки государственнаго вице-канцлера Графа Шёнборна, писанныя его рукою, о томъ, какъ прибылъ Царевичь въ Вѣну, что говорилъ объ Отцѣ, чѣмъ оправдывалъ свое бѣгство изъ Россіи, какія

имѣлъ намѣренія, и почему принимало въ немъ живое участіе Цесарское Правительство. Какъ эти, такъ и другіе документы списаны Профессоромъ вполнѣ.

Кромѣ того, разбирая въ Вѣнѣ всѣ вообще бумаги временъ Петра Великаго, въ семи огромныхъ связкахъ, онъ нашелъ много и другихъ любопытныхъ матерьяловъ. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательны донесенія Цесарскаго резидента Плейера изъ Москвы и С. Петербурга къ Вѣнскому Двору. Посланный въ Россію въ первые годы царствованія Петра, сначала безъ дипломатическаго званія, единственно для тайныхъ наблюденій и для донесенія самому Цесарю о дѣлахъ Московскихъ, въ послѣдствіи утвержденный резидентомъ, онъ цѣлыя 26-ть лѣтъ слѣдилъ за Петромъ неутомимо, развѣдывалъ, распрашивалъ, и въ продолженіе всего времени постоянно, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ, иногда и чаще, посылалъ Цесарю донесенія обстоятельныя, подробныя, нерѣдко цифирнымъ письмомъ обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ. Легко вообразить, какъ любопытны эти извѣстія при ихъ современной свѣжести, при отчетливости и добросовѣстности наблюдателя. Донесеніями Плейера не пользовался еще ни одинъ историкъ Петра. Г. Устряловъ распорядился о снятіи съ нихъ вѣрныхъ копій.

ОГЛАВЛЕНІЕ XL ТОМА.

Поправка. На 227 стран. въ 4 строкѣ, вмѣсто *словъ* надобно: *слоговъ*, а на 249 стран., въ 23 строкѣ знакъ вводныхъ словъ (»), находящійся подлѣ цифръ 1783 должно отнести къ словамъ: 1784 года.

КОНЕЦЪ СОРОКОВАГО ТОМА.